

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

150

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 150

II - 1987

ВЕСТНИК РХД № 150

II. - 1987

LE MESSENGER

Périodique édité par l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Архиеп. Сильвестр, прот. Иоанн Мейендорф, прот. Алексей Князев,
прот. Кирилл Фотиев, О. Раевская, Н. Струве.

Ответственный редактор: Н. А. Струве

Услов

Цена

Чеки в

4001516

р.
р.
ки)

ИЗДАНИЕ

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Адрес редакции : «LE MESSENGER», A.C.E.R.,
91 rue Olivier de Serres, 75015 Paris, F. (tél. 42.50.53.66).

Directeur responsable : Nikita STRUVE.

LE MESSENGER

БИБЛИОТЕКА - ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
Н. РАДИЩЕВСКАЯ, 2
915-10-73

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

150

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2
4001516

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 150

II - 1987

ОТ РЕДАКЦИИ

Еще о переменах в Советской России

Есть нечто глубоко знаменательное в том, что "гласность", т. е. слово правды, пробилась в России, чуть ли не впервые после 70 лет существования советского режима, именно накануне 1000-летнего юбилея того дня, когда Россия обратилась всем своим историческим бытием к Солнцу Правды. Были сразу же, в конце 1917г. попытки защитить свободу слова (Короленко, Засулич,* Замятин и мн. др.); позже, удесятеренное страданиями, запечатленное кровью, в подполье, слово правды никогда не умирало; была хрущевская оттепель, бурная, короткая, распустившая лагеря, явившая миру Солженицына, но в остальном не пошедшая дальше половинчатого обличения сталинских злодеяний, а для религии вскоре обернувшаяся обычным звериным ликом. Пожалуй, впервые так широко и повсеместно в советской печати обличается не только экономический развал, но и нравственно-духовное опустошение. Впервые публично осознается глобальность проблемы, что, по крылатому слову Шестова, "без свободы не может быть и хлеба". На нескольких подобных самоочевидных истинах держится равновесие земного шара, экология человеческого бытия: "без совести наука лишь гибель для души" (Рабле); "всякий культурный человек в наши дни христианин" (Мандельштам); или еще проще, по народной мудрости, "без Бога не до порога"... Но именно против этих простых истин были направлены 70-летние разрушительные усилия советской власти. Ныне пришло время печальных итогов. Дадим голос тем, кто там дерзает говорить всю правду (или почти всю):

*) "Защищать свободу печатного слова от Ленина с компанией можно только делом. Ни урезонить их, ни устыдить, ни запугать невозможно".

Copyright © Le Messenger. Paris 1987

COMMISSION PARITAIRE
№ d'inscription 620 16

"Вследствие административного взгляда на экономические проблемы ... массовыми стали апатия и безразличие, воровство, неуважение к честному труду и одновременно агрессивная зависть к тем, кто много зарабатывает", — так характеризует писатель Николай Шмелев последствия советской системы, и продолжает: "Деградация российского Нечерноземья ... зашла так далеко, что никакие мероприятия в рамках существующей системы аграрных отношений, уж наверное, не помогут." (*Новый мир*, 6, 1987).

"Невозможно так дальше жить, — объясняет один из экономических редакторов *Нового мира* комсомольцам МГУ. — История нам не простит, если мы не преодолеем современное состояние одним прыжком. В два прыжка через пропасть не перескочишь. Мы перед пропастью... Нужна печать независимая от партбюрократии и государственного аппарата. ... Если мы хотим питаться своим хлебом, а не американским, независимая печать будет!" (*Русская мысль*, 7.8.1987).

Наряду с этими недвусмысленными требованиями коренной перестройки экономических отношений (пусть опирающейся на ленинский НЭП), нередко звучат в печати признания религии как положительного факта, а иногда и призывы к религиозному обращению. Верующим иной раз предоставляется право высказываться, как в диспутах 20-х годов. Так, в *Советской Эстонии* врач-рентгенолог С. Шиндряев заявляет без обиняков: "Русь изначально была христианской. Благодаря христианству она образовалась. А захотели разрушить фундамент... Разрушить-то можно, но восстановить — не восстановишь. Без фундамента рассыплется и дом. И чуть не разрушили. Мораль без Христа распадается, это мы видим, это у нас перед глазами. Вырвали у человека из сердца веру в Бога — и результат. Пустым место не будет, и оно стало заполняться всяким мраком, грязью..." (*Советская Эстония*, 17.6.87).

Раньше петиции верующих об открытии храмов в лучшем случае достигали "гласности" на Западе; ныне *Московские новости* поддерживают православных верующих города Кирова в их конституционном праве на регистрацию второй религиозной общины, отнятой в 1962г. ... В сорок второй раз обращаются вятичи (в городе 400.000 жителей) в местные и центральные инстанции, на что горисполком неизменно отвечает: "Считать регистрацию новой общины... нецелесообразной". Верующие отправили в *Московские новости* письмо с двумя тысячами подписей! Обсуждая эту проблему, корреспондент газеты пишет (см. статью во всю страницу

в номере от 16.8.87): "... Глубочайшая мысль перестройки состоит, если хотите, в том, что мы лишь тогда сможем вывести экономику страны из ее нынешнего предкризисного состояния, когда уважение к закону и безусловное соблюдение прав человека — в том числе на свободу совести — станет абсолютной нормой нашей жизни. Мне кажется, эта мысль еще только вызревает на вятской земле ...".

На другом, более обобщающе-философском уровне пишет известный литературовед Н. Вильмонт (1901-1986) в воспоминаниях о Пастернаке: "... Важно другое. Важно то, что если мир, наша многострадальная планета не преклонится перед Христом как перед "высшим откровением нравственности" (Гете), мир условно загорится на ходу и погибнет". (*Новый мир*, 6, 1987).

Религиозные мотивы проникают и в социологические исследования. Комментируя финал фильма "Покаяние" ("Кому же нужна дорога, если она не ведет к храму..."), Л. Ионин пишет: "Когда-то на извилистых улицах московского центра — Мясницкой, Никитской, Сретенке, Маросейке — каждый прямой отрезок завершался церковью. Куда ни поворачивалась дорога, она всегда вела к храму. ... В 30-е годы московские варламы (имя диктатора в фильме) снесли большинство церквей и теперь лишь редкий купол осветит ставшие бессмысленными извивы улиц". (*Социологические исследования*, 3, 1987).

Такая совокупность высказываний, пусть и тонушая среди обычной халтуры и трафаретных взываний к Ленину, — явление неслыханное в советской печати. Культурный НЭП, если был (в виде пережитков старого времени), то пошел на убыль с 1922г., когда ударом хлыста Ленин выслал из России цвет русской интеллигенции. Религиозного НЭП'а вообще не было. Были лишь за 70 лет три краткие двухгодичные передышки: в 34-36гг., в 45-47гг., в 55-57гг.

В государственной политике по отношению к Церкви наблюдается (как, впрочем, и во многих других областях) нерешительность и неясность. Если верить партийным руководителям, "у атеистов и верующих больше причин и оснований для совместной работы, чем для выяснения правоты в публичных и непубличных словесных баталиях" (*Советская Эстония*, там же). Но если это так, почему государство медлит с упразднением сталинского основного закона о религии 1929г., фактически лишая верующих самых элементарных прав? Перед смертью Брежнева, был

подписан декрет о возвращении Церкви Даниловского монастыря. Отчего же теперь не вернуть бы к тысячелетию колыбель русской культуры — Киево-Печерскую Лавру, вторично закрытую в дни хрущевских беззаконий? Не пора ли гласности распространиться и на Церковь? Когда, на каком году советского режима *Журнал Московской Патриархии* будет снова объявлять свою цену, свой тираж и поступать хотя бы в закрытую продажу? Об открытой остается только мечтать: представим себе, что Журнал Патриархии издается тем же тиражом (400.000 экз.), что искусственно созданный, никому не нужный и до конца опресневший журнал *Наука и религия*...

Почему же, — то и дело слышится вопрос, — так малодушно молчат иерархи, и не только о бесправном положении Церкви, но и о гибельном состоянии всей страны? Почему издания Московской Патриархии, особенно на иностранных языках, отдают таким казенным самодовольством? Ни слова ни о каких проблемах, трудностях, — одни награды, открытия и реставрации церквей, "борьба за мир" и пр. Но Церковь не исчерпывается иерархией и не сводится к официальным учреждениям. В лице отважных мирян с громкими или скромными именами, в лице бесстрашных священников — от доблестного о. Глеба Якунина, уже четверть века назад вместе с покойным о. Н. Эшлиманом выразившего совесть Церкви, до никому неизвестного настоятеля далекого сибирского прихода — Церковь — в широком смысле этого слова — участвует в начавшемся обновлении.

Христианство в России не умерло. Более того, во всеобщем развале, во всеобщей деградации ему принадлежит будущее, ибо только в нем подлинная правда и оправдание жизни. Если только будущее суждено России... Если только теперешние перемены не просто очередной "Брестский мир", как, говорят, определил их Горбачев, для спасения не России, а мертвой и мертвящей системы.

Никита СТРУВЕ

Богословие, Философия

Прот. Георгий БЕНИГСЕН

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ

1.

О МОЛЧАНИИ

Подлинная христианская жизнь немислима без целого ряда основ духовной дисциплины, которые, в свою очередь, почти немислимы в психологическом восприятии современного мира. Поэтому и сказано, что христианство "не от мира сего", хотя это совершенно не значит, что христианство остается без влияния на этот мир, на его культуру, на его общественную жизнь. В какие бы пустыни и дебри ни уходило христианство в поисках духовного подвига, его влияние на жизнь человека, а значит и на жизнь человечества, продолжает оставаться в полноте своей мистической силы.

Да и "пустыни и дебри", о которых только что было сказано, совсем не означают физический уход и пространственное расстояние: духовная "пустыня" внутреннего роста находится все в том же "сокровенном сердце человека в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно перед Богом", как об этом замечательно сказано в соборном послании апостола Петра.

Коснемся только некоторых аспектов этого глубинного содержания, этой сути христианства. Цитируя апостола Петра, мы только что слышали слова о "молчаливом духе". Наш мир не любит молчания. В наши дни все наполнено звуками, шумом, говором, криком, словами, грохотом. Молчание кажется скучным и бессмысленным. Не любим молчать, а потому не любим и слушать. А для того, чтобы слушать, необходимо молчать. Молчание предполагает тишину, которая крайне полезна для жизни человеческого духа,

для углубления человеческого разума, для прислушивания к голосу Бога, к голосу совести, к голосу сердца. Ветхозаветному пророку Илии было явление Бога не в большом и сильном ветре, сокрушающем скалы, не в землетрясении, не в огне, а "в веянии тихого ветра" — "во глазе хлада тонка", как это прекрасно выражено в церковнославянском переводе. Вот почему молчание, несущее с собой тишину, так высоко ценилось и ценится в христианском опыте духовного роста.

Апостол Петр говорит о красоте *кроткого* и молчаливого духа. Кротость предполагает смирение и вырастает из него. Понятие смирения тоже полностью противоречит "духу современности". Недаром горьковская антропология вылилась в короткую формулу "человек — это звучит гордо". В современном обществе нужно пробиваться вперед, делать карьеру, выслуживаться, выдвигаться — как это сочетать со смирением? Правда, чувство смирения не чуждо на уровне высокой интеллектуальности, но она ведь часто граничит и с областью высокой духовности. "Я знаю только то, что ничего не знаю" — эти предсмертные слова великого ученого и философа свидетельствуют о подлинном смирении великого ума. В плане духовном это выражено в первой заповеди блаженства, которая часто претит философии материализма: "Блаженны нищие духом". Только что упомянутые слова великого философа полностью совпадают с этой заповедью: перед величием Божественной премудрости, перед бездонностью океана знаний, перед бесконечностью вселенной человек только и может сознавать всю ограниченность, всю малость, всю бедность своего собственного "я", своего духа. Для того, чтобы наполнить сосуд, надо его опустошить — иначе ничего нельзя влить в него. Для того, чтобы открыть себя, свое сердце, свой ум навстречу Божественной премудрости и Божественной благодати, совершенно необходимо пройти через процесс самоуничтожения, процесс освобождения от своего "эго", через сознательный процесс обнищания от балласта этого мира. Пройти через процесс духовного самоопустошения, чтобы началось наполнение сосуда живой водой Божьей благодати.

Из этих исходных позиций "кроткого и молчаливого духа" и начинается подлинное обогащение, подлинное очеловечение, полное оправдание творческого назначения человека. Духовное молчание дает возможность звучанию Божьего слова, позволяет прислушиваться к голосу Божьему, который так легко заглушается шумом внешним, мирским, и внутренним шумом нашей душевной суеты.

Смирение ведет и к кротости и к разумному ограничению своей чрезмерной своевольной кропотливости, в которой хорошо найти остановку и дать возможность благой и премудрой воле Божьей творить и вершить за нас и для нас.

2. О ПРОЩЕНИИ

"Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними". В современном мире так много говорится о человеческих правах, о равенстве, о свободе. Эти важнейшие проблемы общественного порядка вызывают ожесточенные споры, острую взаимную критику, обвинения, разногласия. Но так часто в нашем современном обществе эти проблемы остаются на уровне теоретическом, философском, политическом. А вот Христос сводит все к простейшей формуле, в которой нет места хитрости, манипуляциям, пропаганде. "Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними".

Эта заповедь, в иной форме, высказана Господом в той молитве, которую Он оставил человечеству — в молитве Господней, в "Отче наш". Она тоже построена на благодатной условности, которая теснейшим образом связана не с отвлеченным законодательством, а с индивидуальным человеческим отношением к Богу и к человеку. "Остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим". Прости нам наши грехи в ту меру, в какую мы прощаем согрешившим против нас. Обращаясь к Небесному нашему Отцу с этой молитвой, мы сознаем и утверждаем Его божественное право *не прощать* нас, если мы сами не прощаем...

Как же мы хотим, чтобы люди поступали с нами? Никто не затруднится найти ответ на этот вопрос. Мы, конечно, хотим, чтобы люди нас любили, уважали, хвалили, ласкали, миловали, прощали, понимали — этот список пожеланий можно продолжить до бесконечности. И, кстати, нам кажется такое отношение к нам других людей совершенно естественным. Ну а наше отношение к ближним? Как мы поступаем с другими? Ответ на этот вопрос тоже не труден, по совести. Бесконечное осуждение, зависть, рев-

ность — лучше и не продолжать этот перечень, которому тоже нет конца.

Так мы легко рассуждаем о правах, об обездоленности, о нужде *других*, главным образом где-то вдальке или, во всяком случае, подалее. А Христос говорит: "возлюби ближнего", и этого "ближнего" хорошо понимать в буквальном смысле слова: того, кто рядом со мной, того, кого я вижу почти каждый день, с кем постоянно имею дело. Вот тут практическая любовь становится особенно трудной. Трудной, потому что она требует напряжения всей нашей духовной энергии, победы над пределами нашего естества, над тем, что "натурально", естественно. Натурально, естественно злиться на врага, ненавидеть обидчика, сердиться на должника, злословить, осуждать заслуживающих критики. Духовная жизнь является победой над всеми этими проявлениями "естества". Духовная жизнь возносит нас над рамками, над пределами того, что "натурально", переносит нас в область "сверхъестественного".

Вот почему Христос дает нам эту труднейшую из заповедей: "любите врагов ваших, благотворите ненавидящих вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас". Это все так противоречит нашей "бухгалтерии эгоизма", что подчас кажется даже несоответствующим нашему человеческому достоинству. Но Божественный расчет совсем иной. И, конечно, расчет этот безошибочен. Любовь к любящим, добротворение творящим добро, давание взаймы в уверенности на отдачу — оставляют нас ни с чем. Духовный наш кредит исчерпывается, на вечном нашем счету остается ноль. На языке современной экономики, "проценты не нарастают".

Господь недаром любил в притчах своих приводить в пример умных правителей, расчетливых работодателей, таланты, которые приносят доход. Ноль для Него был неприемлем, поэтому и осудил он раба, зарывшего талант в землю. Простотой этих примеров, их жизненностью, понятной всем и для всех доступной, Господь вносит проекцию жизненных фактов в факты духовной жизни. Так и все общественные, моральные, политические, экономические кризисы по-настоящему разрешаемы только на уровне и в глубине каждой человеческой души. Только отсюда, из этой индивидуальной глубины духа может начаться мир, равноправие, справедливость, равенство, свобода. И даже отсутствие их в мире и в обществе не грозит индивидуальной душе. Полный мир, совер-

шенная любовь всегда будут жить, невзирая на внешние условия, в том, о ком апостол Петр говорит в своем соборном послании: "сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно перед Богом".

3.

О СТРАХЕ ВООБЩЕ И О СТРАХЕ БОЖИЕМ

Слово "страх" — одно из самых мрачных слов в нашем повседневном человеческом лексиконе. В обыденной жизни оно всегда связано с неприятным, с опасным, с тем, чего хотелось бы всеми средствами избежать. Страх болезни, страх смерти, страх войны, страх бедности — сколько реальных страхов наполняет нашу жизнь. И нереальных: страх темноты, пространства, высоты. Страх непонятного, необъяснимого. Так тесно связано понятие страха с отрицательными явлениями и ощущениями, что даже современная психиатрия старается учить нас, как избавиться от страха, как вылечиться от этой душевной болезни.

Слово "страх" занимает важное место и в нашем духовном лексиконе. Недаром атеисты настаивают на том, что вся религиозная психология от века строится на инстинкте страха. В язычестве страх перед неизвестным и грандиозным привел человека к поклонению явлениям природы — грому, солнцу, огню, воде, зверям. Согласимся с этой предпосылкой в плане идолопоклонничества, тем более, что оно свойственно не только непросвещенным язычникам, но и тем, кто дошел до создания "культы личности". Но атеисты идут дальше и полагают принцип страха в основу и единобожия — будь то ветхозаветный Израиль или новозаветное христианство. Тут наши мнения расходятся.

Как в Ветхом Завете, так и в Новом идея страха действительно занимает весьма центральное место в процессах духовного роста и развития. В Священном Писании, как и в богослужебных наших текстах, слово "страх" повторяется бесчисленное число раз. Однако нельзя ставить его на одинаковый уровень с житейскими страхами, о которых только что говорили, будь они практического или психологического характера. Нельзя приравнять его и к чувству

мистического страха, стимулирующего языческое идолопоклонничество. И уж никак нельзя приравнивать его к тому "страху", на котором строятся в современном мире культы политического характера.

О сути атеизма, отвергающего всякое наличие Божественного присутствия в мироздании, лучше и короче всего сказал царь и пророк Давид, умерший в 970 году до Рождества Христова, или как теперь принято говорить — до нашей эры. В 52-м его псалме сказано: "сказал безумец в сердце своем: *"нет Бога"*". Как психологически точно: *сказал безумец*. То есть тот, который, хотя и уверен в своей мудрости, лишен ума, разума, понимания. По словам одного из великих наших поэтов, "мудрец отличен от глупца тем, что он мыслит до конца". Вот в этом безумии и рождаются и суеверия, и безверие. А из них рождается тот страх, который иногда называется страхом "животным". Об этом страхе сказано дальше все в том же псалме Давида: "убоятся страха, где нет страха". В противовес "безумию", которое провозглашает: "нет Бога", Давид в 110 псалме, а вместе с ним и мудрый ветхозаветный царь Соломон в своей книге "Притчи", говорит: "Начало мудрости — страх Господень; разум верный у всех, исполняющих заповеди Его".

Вот она — разгадка религиозной идеи о страхе. Хотя Максим Горький и провозгласил: "Человек — это звучит гордо", в основе мудрости, и не только духовной, но и научной, лежит подлинное чувство смирения. Настоящий ученый понимает, что все его знания — только капля в океане еще неведомого, еще неисследованного, неоткрытого. Мудрость духовная говорит человеку, что при любых достижениях духовного роста, на любом уровне святости, человек — малая песчинка в океане Божественной Премудрости, Божественной Любви. Отсюда и рождается "страх Господень" — внутренний трепет перед величием Божиим, трепет, переходящий в трепетное отношение ко всему в этом мире — к человеку, к природе, к самой жизни, ко всему, что Бог вручил в человеческие руки. Средством же против везде таящейся опасности "убоятся страха, где нет страха", служит любовь. О ней сказано в послании Иоанна Богослова: "в любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх".

В жизни духовной чувство страха — инстинкт спасительный и творческий. Даже на низком уровне этого инстинкта, на уровне страха перед Божиим гневом и наказанием, страх Божий удержи-

вает от греха, от зла, от неправды. Недаром в русском обиходе, усмиряя потерявшего контроль над собой, говорят: "да побойся ты Бога". А в процессе духовного роста страх Божий вступает на почву любви к Богу, послушания Его воле, служения Его правде. Бог "страшен", потому что Его святость, Его совершенство непостижимы для нашего ограниченного восприятия, и верующее сердце приступает к Нему, к Его Тайне, к Его Святыне с трепетом, со страхом. Когда подходим к Чаше с Телом и Кровью Христовыми, готовимся принять Божественный Огонь, пополающий все греховное, слышим слова священника, вернее слова Христа: "Со страхом Божиим и верою приступите!" В славянском переводе Божественной Литургии почему-то пропущено одно важное слово, сохранившееся в текстах других православных церквей: "Со страхом Божиим, верою и любовью приступите". Говорит Иоанн Богослов: "Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь".

ДУХОВНЫЙ ПУТЬ

Основание и вступление на духовный путь

Весь духовный путь жизни стоит на определенном основании, ясное представление о котором должно постоянно содержаться в умах тех, кто отправляется в путь, и тех, кто уже шествует по нему, пока не будет достигнут конец путешествия. Это основание заключается в искренней и горячей любви к Богу, в вере, не знающей иного упования, кроме Бога, в спокойном предании себя воле Божьей и в постоянной готовности к самоотказу. То есть, оно заключает в себе суть заповедей Христа и является практическим выражением Евангелия.

Вышеназванные четыре правила, однако, не являются условием, которое требуется выполнить, прежде чем желающий может пуститься в путь, — нет, они уже должны в какой-то мере иметься в душе как нечто внутренне вождеемое. Однако, само по себе это основание не создает душевного устроения и не гарантирует прогресса, застрахованного от опасностей. Оно также не может служить средством достижения конца пути — т.е. Царства и соединения с Богом. Но оно необходимо как фундамент, на котором должно созидаться самое здание, возводимое из того же материала. Само же построение есть дело рук Божьих в человеке, в течение которого он проходит через испытания и искушения, терпит различные внутренние и внешние страдания и через практику покаяния на каждом шагу учится обуздывать самость и предавать свою волю Богу.

Благодаря такому действию Божию в человеке испытывается крепость и выносливость основания, в результате чего оно становится еще более устойчивым, развитым и широким. При этом можно вспомнить, что Христос выразил Свою любовь принятием страданий, что он "страдаями навывк послушанию", "быв послушлив даже до смерти", и что Его совершенная покорность сделалась для Него опытом горчайшей богооставленности на кресте: "Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?" Можно ли забыть, что гефсиманская агония явилась практическим выражением Его

самоотречения: "Не Моя воля, но Твоя да будет", — и, конечно, — "Совершилось!"

Мы знаем, что конечной целью служения Христа на земле было не искание популярности и почета, а исполнение воли Отца. И целью на нашем духовном пути тоже должно быть стяжание невещественных благ и пользы, чтобы обычные блага не сделались у нас предметом горячих прошений. Достаточно с нас выполнения воли Божьей со всей решительностью, на которую способны, и продвижения вперед с покорностью и благодарением, невзирая ни на какие обстоятельства или состояния, случающиеся с нами по Его воле, веруя, что Бог печется о нас во всех случаях. Наше дело — усердное желание христианского совершенства, которое приятно Богу и совершается путями, Им назначенными.

Моментум

Совершенство не есть нечто, достигаемое в отдаленном будущем. Оно является насущной потребностью души в настоящий момент, ибо лишь ныне мы обладаем нашей душой и можем предложить ее Богу, тогда как завтра она будет всецело в Его руках, и нам не останется ничего, что принести Ему. Тот, кто думает отдать Богу свое будущее, подобен человеку, подписывающему чеки с воображаемой суммой. Будущее нам совершенно неизвестно, оно находится вне нашего контроля, и потому планировать свое духовное будущее невозможно. Настоящий момент, в котором мы живем, — вот все, чем мы обладаем в этом мире.

Уразумение христианского совершенства нам теперь дается через действительность, познаваемую в данный момент, потому что она в нас, и мы можем видеть ее, если захотим, так же ясно, как небо над головой или землю под ногами. Оглядываясь на прошлое, можно лишь констатировать, что оно прошло, промчалось мимо нас, как порыв ветра: не догнать его, не узнать, куда он улетел. Если же попытаться мысленно воспроизвести его, то можно упасть духом, потому что мы окажемся лицом к лицу со всеми нашими недочетами и провалами. С другой стороны, если бы мы силились разгадать будущее, то были бы вынуждены вступить в пророческую область со смутными представлениями и затуманенным зрением, что помешало бы увидеть в ней истинный образ совершенства, начертанный волей Божьей. Значит, нужно желать не больше того

положения, в котором мы находимся в данный момент, и работать над ним. При этом никак нельзя терять видения того, что в нас теперь, иначе мы никогда не обретем воли на совершение чего-либо, соответствующего нашей ситуации, и вся наша жизнь ускользнет от нас.

Но сами по себе наши усилия, как бы они ни отличались любовью, верой, самоотказом и покорностью воли, не приведут нас в состояние святости, не сделают достойными приятия даров, — даже не дадут нам чувства полной внутренней уверенности и мира. Дать их может один Бог, постоянно ведущий покорную душу по трудным тропам, через испытания, через мрак за мраком, через недоумения и труды, не имеющие явного смысла. Путем столкновения с реальностью, путем принятия болезненного опыта, переживания трагедии мира и страдания тех, кто делает зло, — через все это Он подготавливает душу к принятию даров, превосходящих всякое ожидание, и к высокому духовному достоинству.

Дары Божьи не содержатся руками ангелов и не отложены на потом в высоте небесной. Их обретают в повседневно переживаемых столкновениях с требованиями плоти, с миром или людьми, но, однако, не как результат этих испытаний. Они даруются Богом, ради Которого человек подвизается против ошибок плоти, сопротивляется мирской суете и человеческому злу. Дар духовного просвещения может воссиять только в кромешной тьме, через которую проходит душа, когда впадает в состояние недоумения и тупика переживаемой реальности, но в которой и кроется правда. Подлинная радость и терпение имеют свой скрытый источник именно в страданиях и печалях, которые вначале заставляют скорбеть, но после стойкого долготерпения являют себя как обманчивый покров, скрывавший сущую бессмертную правду, которая теперь наполняет душу настоящей, неземной радостью. Безмерная, радостная любовь Божия вкушается лишь теми, чья душа испила горечь вражды, ненависти и вероломства других.

Конечно, не тьма рождает свет, не печаль — радость или ненависть — любовь, так же как и почва сама собой не производит растения, но семя, посеянное в ней с умением и тщанием. Но чтобы из зерна получилось растение, оно само должно содержать в себе жизнь. Душа должна быть жива и находиться в состоянии полного подчинения Богу, чтобы Его милосердная рука могла мудро всадить ее в землю искушений, и притом так, чтобы она была способна получить пользу от тьмы, печали и всяких трудностей. А тогда

в ней начнет пульсировать вечная жизнь и оформляться признаки бессмертия — радость, любовь, мир и долготерпение.

Таким образом, на дороге духовного странствия у человека постоянно должно быть четкое осознание своей ситуации. Взгляд его должен быть обращен внутрь, чтобы видеть, что лежит в глубине души, и познать, каких действий и усилий требует моментум. Он должен быть готов и к тому, чтобы положительно принять все противные обстоятельства и удары, не бегая от опасности, но делая приобретение из всего, что случается с ним или внутри него. Он должен вовлекать Бога в каждую ситуацию путем отдачи Ему своей воли, не допуская себя до страха или расстройства, как бы ни были тяжелы эти обстоятельства и как бы долго ни длилось испытание. Он не должен ни смущаться, ни любопытствовать о причине такого посещения и не выказывать нетерпения о конечном результате его.

Подготовка к духовному пути

Душа, будучи занята миром чувств, деятельностью и заботами, связанными с повседневными событиями, измеряемыми временем, теряет способность отличать себя от тела и ощущает себя только в сопряжении с физическими чувствами. Как бы ни старалась она увидеть себя отдельно от тела, она не может идти дальше видения себя через ментальные представления и движения, на которые, в свою очередь, влияют плотские концепции и физические чувства. Все это вводит душу в заблуждение, что будто бы миром человека является то, что доступно его чувствам, и потому ей трудно ухватить вечные вещи без примеси концепций, укорененных во времени и плоти. Получается так, как если бы достижение Царства Небесного зиждилось на пище и питье и на законнических запретах: "не прикасайся, не вкушай".

Если душа не станет бодрствовать и молиться, она потеряет свою способность истинного и ясного понимания духовных вещей; в таком случае очень трудно начать духовный путь в духовном смысле. Тогда, прежде чем душа навькнет молитве и получит доступ в чисто духовную область, она должна научиться быть неподвижной и свободной от забот по плоти. Это значит, что ей придется всеми силами стараться освободить себя от тиранства тела и чувств. Это вовсе не означает, что для этого нужно оставить

всякую деятельность или умственные занятия, жертвуя жизненными нуждами. Это лишь значит, что душа с ее собственными возможностями, мыслями, чувствами и духовными нуждами должна обрести независимость от тела с его возможностями, мыслями, чувствами и преходящими нуждами. Только в этом случае она сможет познать и использовать присущие ей одной свойства. Так начнется подготовка души к духовному пути.

Но пуститься в духовный путь, пока у души нет духовного ока, уха и языка, пока ее не озарит познание, исходящее из истины, по слову Господа, невозможно. Приобрести их и навыкнуть духовным вещам, чтобы понимать вечное, к которому направляется духовный путь, душа может лишь путем освобождения себя от всех чувственных способов познания, заимствованных от плоти. Последние зиждятся на тренировке, чтении, усвоении идеологии, которые развивают ум, тело или художественные способности, зависимые от чувств. Отделиться от них, значит перестать пользоваться способностями интеллекта и изощенного воображения, которыми определяются языковой стиль, философия изложения, красноречие и способность захвата аудитории — т.е. всем тем, что Евангелие называет "мудростью века сего". Чтобы начать духовный путь, душа должна понимать и ощущать духовные вещи через свои особые духовные рецепторы. При этом надо помнить, что духовное понимание и духовный путь, как они представлены на кресте, есть безумие в глазах мира (ср. 1 Кор. 1, 18-25). Это как раз то, что подразумевает апостол, когда говорит: "Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтоб быть мудрым" (1 Кор. 3, 18).

Вхождение в истину

Но отказаться в молитве от разговорного способа общения, — как описание чувств, красноречие, апологетический тон и т.д., — душа не сможет, пока не начнет духовное шествие, на котором приобретается духовное восприятие. Как только она окажется в состоянии оставить все плотские методы, она начнет общаться с Богом при помощи своих собственных средств, не прибегая к человеческой речи, искусственной манерности, эмоциональности или драме. Понемногу душа научается выражать перед Богом свои самые сокровенные и глубокие чувства по отношению к Нему

и к вещам, относящимся к вечной жизни, которых человеческому языку, как бы точен, обширен и изощрен он ни был, невозможно охватить, выразить и передать. Любовь души к Христу тогда передается уже не в словах, но актом сердца, путем внутреннего движения души, внутреннего духовного действия. Это — любовь, выраженная через любовь, покорность — через покорность, самоотдача — через самоотдачу. Таков духовный путь, свободный от всякого плотского вмешательства.

Познав самое себя, душа начинает проникать в духовные вещи и ухватывает их смысл и значение. "Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку (т.е. те слова, которые человек не мог и не был допущен произнести), что приготовил Бог любящим Его" (1 Кор. 2, 9). Такое чистое духовное знание, свободное от дефектов плотского мышления и сложных чувственных реакций, позволяет душе познавать истину, в которую она теперь погружена, а через нее познавать и Бога. Путем постоянной самоотдачи Богу и непрерывного трезвения сердца на духовном пути, делающих душу все более совершенной в познании, она утверждает в истине и Боге.

Эти принципы внутреннего делания обращены не к академикам, но к человеку как таковому, образованному или невежде, но с учетом, что образованный должен для этого сделаться "безумным", ибо "благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих" (1 Кор. 1, 21).

Душа, познающая себя и следующая по внутреннему пути согласно неложному движению сердца и поддерживаемая Духом, неизбежно побуждается любовью и внутренним рвением к разнообразной внешней активности, ко всякого рода добродетели и благочестию. Такая активность, выражающаяся через явную форму, в этом случае является продолжением внутренней духовной активности во вне и, таким образом, тоже духовна. Внешняя активность, не исходящая из чистых духовных побуждений и подлинного общения с истиной и Богом, малопригодна, если, с позволения сказать, не бесполезна.

Знаком того, что активность — будь то служение, молитвенное предстояние, акты благочестия, добродетели, аскезы и т.д. — начинается и исходит из чисто духовного источника внутренней жизни, является то, что вся эта деятельность совершается без принуждения, без раздражения и неохоты, но с радостью, весело, от всего сердца, ревностно и щедро. Ибо любовь есть добрый источник, от

которого проистекают все эти побуждения, как сказано: "Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе" (Мф. 12, 35). Любовь есть сокровище доброго человека. У такого человека нет опасения или неуверенности в результате его действий, потому что они совершаются как воля Божья, движимая любовью в возмещение долга любви. "Воздаяние делающему вменяется не по милости, но по долгу" (Рим. 4, 4).

Мы бы сильно рисковали, если бы наши дела добродетели исходили из желания достигнуть чего-то или рассматривались как средства приобретения чего бы то ни было, ибо в таком случае душа удовлетворялась бы самими этими делами, совершаемыми из корысти, хотя бы духовной, и услаждалась в них лишь постольку, поскольку они ей выгодны. В такой душе будет возрастать самодовольство по мере успеха в совершении этих дел; и чем больше успех, тем сильнее возрастет ее гордыня, — и вот человек начинает считать себя выше других по мере исполнения точных правил в практиковании актов своего благочестия.

Залог подлинного духовного успеха состоит в том, чтобы наши дела исходили от Бога и творились для Бога, или, как говорит ап. Павел, "вот, иду ... исполнить волю Твою, Боже" (Евр. 10, 7). Таким путем шествовал Христос, таков есть путь ангелов и всех небесных сил, он есть путь праотцов, пророков и апостолов. И никто из них не помышлял о награде или корысти. Это духовный путь.

Покой и время

Для духовного человека истинный покой на его узком пути заключается в том, чтобы не было пустоты в его жизни.

Физический покой касается временных измерений, но не влияет на течение времени, как не влияет на него остановка часов и глубокое погружение в сон. Время не остановишь, оно незаметно бежит, пока человек не обращает на него внимания. Часы и дни, месяцы и годы утекают в бездну смерти, или небытия. Внезапно очнувшись, человек обнаруживает, что время заключило соглашение со смертью и бездной против него, что его возможности достигнуть бессмертия и вечной жизни стали гораздо слабее.

Время неуклонно продвигается вперед, следуя непреложному закону, и в человеке образуются последовательные накопления

физиологических и психологических событий, которые составляют груз прошлого, или историю. Ежедневно эти накопления увеличиваются, и человек вынужден нести их с собой, куда бы он ни шел, так что они начинают влиять на все его действия и диктовать настроение. В конце концов история начинает составлять его человеческий статут в физическом и темпоральном смысле, определяя богатство и глубину его личности, измеряемые поведением пред лицом событий.

Наряду с этим, в человеке живет и другое измерение, которое не определяется временем и не зависит от влияния физиологических изменений. Можно почти сказать, что оно не причастно земному праху и всему, что из него сотворено и со временем возвратится к нему. Это без-временное, независимое от движения измерение, ибо оно не здешнего мира; нет таких единиц, которыми его можно было бы измерить, ибо оно подчиняется непосредственно намерениям Божиим. Это закон бессмертия и вечной жизни.

Живя в измерении времени, человек замечает прохождение часов и дней и тесно привязывается к земле и небу и всему, что их наполняет. Он, таким образом, становится данником закона движения и перемен, неуклонно уводящих в небытие. Напротив, придерживаясь закона бессмертия, человек живет в сознании нескончаемого, всецелого бытия и вечной жизни; он тесно привязан к истине и преображается в нее, или, как выразилось бы в этом случае богословие, общается с божественной природой.

Эти два измерения — временное и безвременное — проходят в человеке бок о бок, и он призван следовать им обоим одновременно, подчиняя время и стремясь к бессмертию. Чем быстрее он следует вдоль одного из них, тем короче становится другое, как бы убывая вдаль позади него.

Так вот, крепкая привязанность к земле и земному до того, что это становится предметом страстного желания, услады, беспокойства или тревоги, есть признак того, что человек ускоренным темпом проходит через жизнь в ее временном измерении и, как следствие, предает себя во власть закона распада и небытия — закона времени. Но привязанность к истине (которая есть Бог) и устремление к любви и вечной жизни до того, что человек готов за это пожертвовать и жизнью, и душой, есть признак того, что он течет через жизнь во вневременном измерении и, таким образом, подпадает под закон бессмертия, установленный Богом. Подчиненного временному измерению и удовлетворяющегося им ожидает

внутренняя пустота, потому что вечная жизнь улетает от него, или же замерзает в нем, находясь как бы во вражде с ним. В божественном измерении жизни, напротив, кажется, что время отлетает и исчезает позади, как пронсящие мимо окна поезда и убывающие позади столбы и деревья, пока совсем не исчезнут из поля зрения. Так и мир и все, что в мире, проходит, становится маленьким и исчезает позади шествующего по пути вечной жизни.

Тот, кто далек от Бога, будет испытывать чувство, будто время стоит неподвижно, либо, если он всецело погружен в него, что оно вообще не существует. В первом случае душа его испытывает смертельную пустоту, ибо ей назначено проходить над временем. У человека, привязанного к миру, создается представление, что мир огромен и важен и что все в нем велико, потому что человек сам создан великим и все, к чему он привязан, приобретает в нем величину. Этот тип ложного представления объясняет, почему вселенная и материя обожествляются коммунистами и верующими в естественный порядок. Но для того, кто держится Истины, продвигаясь к вечности и ощущая вещи сверх и вне времени, дни и годы все быстрее и быстрее умалются до незначительности. И по мере их умаления в человеке растет чувство удовлетворения и укрепляется уверенность в собственном прогрессировании к вечной цели. Так что, когда человек живет в Боге, мир отъединяется от его существа, а мирские предметы и события выявляются в их подлинном значении — пустые, как детские забавы и ссоры.

Блаженное иго

Остановка во временном, или физическом, смысле, когда человек бездействует, не производит настоящего покоя, но, скорее, вводит в пугающую временную пустоту, потому что остановка деятельности не полагает конца течению времени; оно продолжает бежать мимо, а человек все более устает от времени, давящего на него со всех сторон. Да и сама природа противится покою ради самого себя. Истинный покой никогда не достигается прекращением физической работы, ибо пока природа находится во власти времени, оно готово мстить всякой твари, которая осмелится прекратить служение ему, кроме разве перерыва, чтобы вернуться к труду освеженным и укрепленным. Не прекращение труда, а непривязанность к нему обуславливают покой. Значит, истинный

покой заключается в разрешении проблемы времени и в возвышении над ходом и требованиями естества.

Даже духовные люди вынуждаются искать покоя. Такая сильная потребность в человеке вызвана, во-первых, тяжестью бремени мира (фактор времени) и, во-вторых, хрупкостью и неустойчивостью тела (фактор движения). Они заставляют человека искать покоя кратчайшим путем, т.е. бегая от времени и движения. Христос (да будет благословенно Его имя!), зная, что в человеке, указал ему средство обретения истинного покоя путем ношения Его ига. Иго Его благо и бремя Его легко, потому что они связаны с вхождением в вечную жизнь и, таким образом, с возвышением над временем. Это не отрицает времени и не делает движение поверхностным, совсем нет! Это только значит, что время и движение используются как ступеньки лестницы для подъема вверх. Значит, перед нами всегда стоит необходимость к чему-то стремиться и двигаться.

В обещании Господа "и обрящете покой душам вашим" скрыта блаженная тайна понятия ига. Иго, т.е. ярмо, которым связывается пара пашущих волов, обозначает связанность с нами Господа в течение пути; а каждому пахарю известно, что если в упряжь попадают животные неравной силы, то вся тяжесть плуга падает на более сильного из них.

О благословенная тайна! Более того, общение Господа с нами обеспечивает нам покой, но войти в него без Его призвания, одними своими силами невозможно. Значит, и то малое усилие, которое еще требуется от нас, в действительности совершается Им. Вкусите и видите, яко благ Господь!

1965

(перевела мать Юлиания)

Архим. КИПРИАН Керн (1899-1960)

СВ. КЛИМЕНТ РИМСКИЙ

Из лекций по патрологии

Св. Клименту Римскому приписывались многие памятники раннего христианства, из коих часть ему явно не принадлежит. Поэтому предстоит вопрос о следующих памятниках: 1) Первое послание св. Климента к Коринфянам; 2) т. н. Второе послание, и 3) довольно обширная литература, ему не принадлежащая, хотя и надписываемая его именем, но правильнее называемая "псевдо-Климентинами".

I. Послание к Коринфянам

История памятника. Первое послание к Коринфянам дошло до нас в двух греческих рукописях: 1) в известном Александрийском Кодексе, унциальном манускрипте V века, 2) в минускульном Кодексе Иерусалимского мотеха в Константинополе, датированном 1056 г. и содержащем, кроме того, т. н. "Дидахи". Кроме того, известны следующие переводы: сириакский, изданный R. L. Bensly в 1876 г., латинский, изданный Dom G. Morin в 1893 г., и неполный коптский, изданный C. Schmidt в серии "Texte und Untersuchung" в 1908 г.

Лучшие издания Послания с примечаниями и введениями суть: Lightfoot — 1890 (2nd ed.), Knopff — 1899, Gebhardt und Harnack — 1900, Funk — 1901, Hemmer — 1909, Schäfer — 1941.

Русский перевод был сделан свящ. П. Преображенским и издан журналом "Православное Обозрение" в 1895 г. (2-е изд.). До того были переводы 1781 (Москва) и 1824 г. в "Христианском чтении". Последний перевод, четвертый, сделан в магистерской диссертации А. Приселкова в 1888 г.

Автор. В самом произведении писатель себя не называет. Начало Послания гласит: "Церковь Божия, находящаяся в Риме (ἡ παροικῶσα Ῥώμῃ), церкви Божией, находящейся в Коринфе, званым святым, волею Божию, через Господа нашего Иисуса Христа. Благодать вам и мир от Вседержителя Бога через Иисуса

Христа да умножится". Но авторство св. Климента засвидетельствовано церковным историком Евсевием (Н. Е. III, 16; IV, 22), историком Эгезиппом (IV, 22) и св. Иринеем Лионским (III, 3, 3). Дионисий Коринфский пишет папе Сотиру в 170 г.: "... сегодня мы празднуем святой день Господень и прочитали сегодня твое послание, которое мы теперь в дальнейшем будем читать для своего назидания, равно как и ранее написанное нам послание Климента". Письмо Климента было широко использовано впоследствии св. Поликарпом.

По Оригену (Коммент. на Евангелие Иоанна, 6, 36) и Евсевию, под Климентом, автором разбираемого Послания, надо понимать того Климента, которого упоминает ап. Павел в своем Послании к Филиппийцам (4, 3). Судя по "псевдо-Климентинам", этот Климент был из важного рода Флавиев. Высказывалось предположение о тождестве св. Климента с Титом Флавием Климентом, двоюродным братом императора Домициана, которого этот последний казнил по обвинению в атеизме, т. е., возможно, в христианстве. Непонятно в таком случае, как замечает Годэ, молчание об этом мученичестве со стороны свв. отцов.

По св. Иринею, св. Климент — третий, после Лина и Анаклета, епископ римский. По Тертуллиану, он рукоположен самим апостолом Петром. Согласно Евсевию, Климент занимал римскую кафедру с 12-го года Домициана до 3-го года Траяна, т. е. с 91-го по 101-й год после Р. Х. Евсевий умалчивает о мученичестве Климента. Раушен считает, что ссылка в Херсонес Таврический и мученическая там кончина суть легенды. Барденхевер, на основании критического анализа текста Послания, думает, что Климент скорее иудейского, чем языческого происхождения.

Время написания. Оно определяется последним десятилетием первого века. Расхождения в мнениях ученых незначительны. Попов стоит за годы 93-95; Годэ, Барденхевер и Тиксерон защищают мнение о 95-98 годах; Баланос склоняется скорее к первому мнению, определяя время составления 92-96 годами. Архиепископ Филарет Черниговский стоял за 97 год. Определяющим является окончание царствования императора Домициана.

Повод послания. В Коринфе произошло возмущение нескольких членов общины против своих старших. Из Рима св. Климент посылает настоящее послание с увещанием исправиться и подчи-

ниться надлежащему порядку вещей. Носителями послания являются Клавдий Ефев, Валерий Витон и некий Фортунат. Предполагают, что этот последний мог быть и коринфянин родом.

Особенности стиля послания. Этот памятник, в сущности, пастырское увещательное послание, отличается нравственно-библейским тоном. Преимущественно цитируется Ветхий Завет (88 ссылок) перед Новым (только 11 ссылок). Из ветхозаветных книг много раз цитируются книги назидательные: Иов, Притчи, Псалмы. К особенностям цитирования надо отнести перифразы (из Исаии в 42-й главе; из 1 Коринф. в 49-й) и цитирование по памяти: "где-то", "кто-то говорил" и т. д., что, впрочем, является вообще отличительной особенностью церковной литературы того времени. Канон Нового Завета, конечно, еще не сформирован; преимуществуют выдержки из Матфея, Посланий к Евреям, Римлянам и 1 Коринфянам.

Построение послания. В изучаемом памятнике можно обнаружить три части. Первая, общая, охватывает начальные 36 глав; вторая говорит о беспорядках в коринфской общине и призывает подчиниться иерархии (главы с 37 по 61); третья, заключительная, выражает надежду на исправление.

Содержание послания. Послание начинается прямо с главной темы, т. е. с тех "неожиданных и длительных несчастий и бедствий, которые имели место" в Коринфе и "которые так чужды и неприемлемы в среде Божиих избранных", а именно с "преступного и нечестивого возмущения, которое несколько лиц затеяло", благодаря чему "ваше честное, знаменитое и достойное любви имя чрезвычайно бесчестится".

Дальше (1, 2) автор напоминает общине ее прошлое: "Кто же из тех пришельцев, что жили у вас, не испытал вашу крепкую и славную веру? Кто не удивлялся вашему мудрому и достойному благочестию во Христе? Кто не повествовал о вашем великолепном обычае гостеприимства? Кто не ублажил вашего совершенного и крепкого ведения? Вы были нелюбимы во всем, ходили в законе Божиим, подчинялись вашим наставникам, воздавали должную честь вашим старейшинам, воспитывали младших в мерности и благочестии; увещавали женщин совершать все в непорочной, чистой и честной совести, любя надлежащим образом своих мужей.

Вы учили управлять своим домом в правилах подчинения и в совершенном целомудрии".

"Все вы смирялись и никак не превозносились; больше подчинялись, чем начальствовали, с большим удовольствием давали, чем принимали, и довольствовались путями Божиими. Внимая словам Божиим, вы их ревностно утверждали в ваших сердцах, и страдания Господа были перед вашим взором. (2). Таким образом глубокий и крепкий мир был дан всем вам и неутомимая жажда добродетели, и на всех изливалась полнота Святого Духа".

Кроме того, и в главе 47-й автор возвращается к тому же печальному факту разделений: "Возьмите Послание блаженного ап. Павла. Что он в первый раз написал вам в начале своего благовестия? Поистине, он вам писал духовное увещание о себе самом, о Кифе и об Аполлосе, по причине вашей склонности к разделению уже и тогда. Но то разделение причинило вам меньший грех: вы разделились между известными апостолами и мужем, ими установленным. Теперь же некто совратил вас унижить столь известную добродетель вашего братолюбия. Стыдно, возлюбленные, и весьма стыдно, и недостойно жизни во Христе знать, что самая стойкая и древняя Коринфская церковь, благодаря двум или трем лицам, возмутилась против своих старейшин. И это известие не только достигло до нас, но дошло и к другим, отличным от нас, так что оно явилось причиною хулы на имя Господне благодаря вашему неразумию и вас самих поэтому подвергает опасности".

Из Послания обнаруживается и характер самих бунтарей. Это — проповедники, искусные в обсуждении (гл. 21; 48). Кроме того, они — аскеты и превозносились чистотой плоти (38, 2) и харизматики-странники.

Положение Коринфской церкви рисуется по разбираемому памятнику в таком виде. Община эта уже древняя в христианском мире (47, 6). Апостолы уже умерли: "... благодаря ревности и зависти величайшие и праведнейшие столпы (церкви) подверглись гонению и пострадали даже до смерти. Представим себе святых апостолов. Вспомним Петра, который по несправедливой ревности не раз и не два, но много больше претерпел мучений и, засвидетельствовав таким образом свою веру, прошел к должному месту славы. Благодаря ревности и злобе и Павел воспринял награду терпения: он семь раз претерпел узы, изгнания, каменование; будучи проповедником на Востоке и на Западе, он заслужил спра-

ведливую славу своей веры; научив праведности весь мир и дойдя до границы Запада" (т. е. до Испании) (V, 2-7). Умерли и первые пресвитеры церкви (44, 5).

Ныне церковь управляется епископами и диаконами (47, 4-5), но упоминаются и пресвитеры (44, 5; 57, 1). Автор утверждает, что такое устройство не ново (42, 5). Апостолы — от Господа Иисуса Христа; Христос же от Бога послан. И это в воле Божией. Апостолы, благодаря воскресению Господа Иисуса Христа, посланы на проповедь грядущего Царствия Божия. Проповедуя по селам и городам, они поставили епископов и диаконов. От древних времен написано об епископах и диаконах. Так и Писание где-то говорит: "поставлю епископов их в правде и диаконов их в вере". Это является вольным перифразом из прор. Исаии (9, 17): "дам правителей твоих в мире и епископов твоих в правде".

Характерно для эсхатологического настроения памятника это место об апостолах и их наследниках. Апостолы благовествовали грядущее Царство Божие. Точно также и их наследники, епископы и диаконы, призваны на проповедь "веры в будущее". Ударение ставится здесь именно на том чаемом царстве, а никак не на земном, пребывающем граде. Интерес христианской проповеди в глазах людей того времени лежит в будущем. Эта аскетическая незаинтересованность в настоящем обосновывается ожиданием близкой "парусии" Господа. Интересы земные, семья, нация, общество, государство — все это преходящий призрак.

Вообще же слова об епископах и диаконах надо ставить в связь с прощальной беседой ап. Павла, обращенной к мелитским епископам (Дн. Ап. 20, 17 и след.), и наставлениями ап. Павла ап. Титу (1, 5 и след.). Понятие епископа и пресвитера еще не вполне разграничены. Дело епископов (пресвитеров) — приносить Дары (44, 4-5).

Литургия называется не преломлением Хлеба, как в "Дидахи", а приношением Даров. Известны уже "пространные молитвы и моления" (ходатайственные (59, 2).

Богословское содержание этого послания, понятно, не отличается глубиной. До богословской проблематики сознание автора еще не дозрело, да и время к тому не побуждало. Тем не менее, ряд вероучительных истин может быть почерпнут из этого памятника.

Бог — есть отец и творец этого видимого мира (XIX; XXIII; XXIX; XXXV). Ясно выражена вера в Св. Троицу: "един Бог, един Христос, и един Дух благодати, изливавшейся на нас" (46, 6), или "жив Бог, жив Господь Иисус Христос и Святой Дух" (58, 2). Духом Святым говорили "служители благодати" (VIII, 2, 44, 2). Христос Господь призывает через Св. Духа (XXII, 1).

Христос послан от Бога (42). Христос — Сын Божий, но Он и человек с плотью и душою (49, 6). Его страдание есть жертва за людей (VII) для их покаяния и искупления (XII, 7). Воскресение Христово есть основание и нашего воскресения в будущем. Ночь пройдет и день воскресения воссияет (XXIV). Через воскресение и наша вера в грядущее Его Царство (42).

Проповедуется учение и о воскресении людей, умерших от века. В подтверждение приводится аллегория согнивающего в земле и прорастающего семени и легендарной птицы Феникс (XXIV-XXV).

Послание учит о богоустановленности церковной иерархии. Католические писатели в самом факте послания из Рима видят обоснование примата римского епископа и первый прецедент вмешательства его в дела других церквей.

II. "Второе послание Климента"

Автор. Евсевий (Н.Е. III, 38, 4) пишет: "должно существовать еще Второе послание Климента, которым, насколько мы знаем, старшие поколения никак не пользовались". Блаж. Иероним ("De vit. ill.", с. 15) повторяет приблизительно то же. В некоторых кодексах Свящ. Писания, действительно, после Послания св. Климента к Коринфянам прибавлялось и Второе послание с его же именем. Кодекс Александрийский содержит его, однако, в неполном виде, обрываясь на гл. XII, 5. Только после открытия Вриеннием Иерусалимского манускрипта, содержащего "Учение 12-ти апостолов", удалось восстановить полный текст этого послания в размере двадцати глав.

Из самого содержания и из формы этого произведения видно, прежде всего, что это и не послание. Не эпистолярный его характер, отсутствие обычных вступлений и заключений, обращение не к читателям, а к слушателям — "братия", — все это заставляет думать,

что перед нами скорее проповедь, чем послание. То, что оно писалось в кодексах Свящ. Писания непосредственно после книг боговдохновенных, побуждает ученых думать, что это поучение, составленное для чтения в богослужебных собраниях после прочтения Писания.

Второе, что очевидно, — это невозможность приписать его св. Клименту, автору Первого послания к Коринфянам. Против подлинности говорят следующие соображения:

- а) бросающаяся в глаза разница стиля этого произведения и разобранного выше Первого послания;
- б) заимствование из Евангелия от египтян;
- в) некоторые гностические представления о воскресении этой плоти;
- г) неупоминание этого произведения у писателей древности (упомянутое выше соображение Евсевия и слова блаж. Иеронима), равно как и прямое замечание патр. Фотия о том, что "Второе послание Климента признается ложным". ("Библиотека", с. 126).

Если, несмотря на все это, архиепископ Черниговский Филарет и упоминает о "Втором послании" среди произведений св. Климента, то теперь в науке считается окончательно установленным отрицательный взгляд на авторство Климента (Bardenhewer, I, 108; Krüger, "Geschichte der altchristlichen Literatur", 40; P. Godet in D.T.C. III, 55; Quasten, I, 54; etc.).

Для разрешения вопроса об авторстве, как всегда в таких случаях, труднее придти к бесспорному заключению, чем установить неподлинность произведения. Выдвигались разные предположения. Так, например, Hilgenfeld ("Novum Testamentum extra canonem receptum", Leipzig, 1876, S. XLIX) готов был утверждать авторство Климента Александрийского. С другой стороны, Гарнак ("Chronologie" I, 438 sq.) приписывал это произведение папе Сотире, относя, таким образом, время его написания к 166г. Справедливо было отмечено, что не эпистолярный характер произведения противоречит тому, что оно написано кем-то вне Коринфа и послано туда. Stahl ("Patrologische Untersuchungen", Leipzig, 1901, Ss. 280-290) на основании близости некоторых мыслей этого произведения с "Пастырем" Ерма, готов был считать автора "Пастыря" автором и этого послания. Приблизительно так же смотрят Batiffol ("La littérature grecque", Paris, 1897, p. 65) и Godet (loc. cit.): автор — или Ерм, или кто-либо из его окружения и эпохи.

Место и время составления этого произведения точно так же не могут быть с бесспорностью установлены. Если одни стоят за Рим (Гарнак), то для других более вероятным является Коринф как место рождения этого послания. Что же касается времени, то все более или менее сходятся на середине II века, исходя из тех гностических мыслей, что встречаются в произведении. Проф. Попов: 130-145 гг.; Tixeront: 120-140; Quasten: 150; Godet — середина II века или несколько позже.

После этих чисто внешних вопросов следует перейти к самому содержанию произведения, что гораздо важнее всех рассуждений о неподлинности и гадательных предположений об авторе, месте и времени написания, которые так и останутся спорными при настоящем положении дела. В содержании этого памятника несколько мыслей привлекают к себе наше внимание.

Богословские идеи памятника. Первая — это вера в божественность Господа Иисуса Христа. С этого начинается и само произведение. "Братия, об Иисусе Христе мы должны думать как о Боге и Судии живых и мертвых. И не меньше должны мы думать о нашем спасении. Если мы мало думаем о Господе, то мало и надеемся получить... Господь дал нам свет, призвал нас, как отец сынов, спас нас погибающих. Какую хвалу воздадим мы Ему и какую мзду в ответ на полученные нами награды?"

Второй отличительной чертой этого памятника является его нравственно-аскетическая проповедь, характерная для всех вообще произведений того времени. Увещательная, пастырско-нравственная сторона ближе сердцу этих людей, чем тонкие богословские совопросничества. Христиане должны жить по учению Господа. "Исповедание веры в Него состоит в соблюдении того, что Он говорил, и в ненарушении заповедей. Чтить Бога надо не только устами, но и сердцем и мыслью. Не только звать Его Господом, но и творить Его дела, т. е. любить друг друга, не прелюбодействовать, не обвинять друг друга, не ревновать, но быть воздержанными, милостивыми, благими, сострадательными и не сребролюбцами; не бояться человека больше, чем Бога". (гл. III, IV).

Аскетико-эсхатологическое настроение явствует и из дальнейшего. Как и для других произведений эпохи, незаинтересованность делами мира сего, непривязанность к земле и под. отличают этот небольшой памятник. "Оставляя жительство в этом мире, — говорит автор, — мы будем творить волю Призвавшего нас. Не

будем бояться исхода из этого мира... Пребывание плоти в нем мало и кратковременно, а обещание Христово и упокоение будущего Царства и вечная жизнь велики и чудесны". Надо считать "мирские вещи чуждыми и не желать их, ибо возжелание их приобрести отталкивает нас от пути праведного". Опять-таки знакомый мотив "двух путей". Мир и будущий век – враги. То, что дорого одному, противно другому. Невозможно быть друзьями обоих миров. Отсюда и призыв к покаянию, "пока мы на земле" (гл. VIII). После исхода из этого мира покаяние уже невозможно. "Мы – глина в руках горшечника, и пока что может быть изменена наша форма; но когда глина будет уже поставлена в обжигательную печь, то ничто не сможет измениться". Очевидно вдохновение автора мыслью ап. Павла. (Римл. IX, 21).

Эсхатологичность произведения проходит заметной чертой и дальше. Автор увещает "каждый час ждать в любви и праведности пришествия Царствия Божия, т. к. мы не знаем дня явления Божия. Сам Господь, спрошенный кем-то, когда придет Его царство, сказал: "когда будут два – едино, и внешнее – как внутреннее, а мужское с женским, ни мужское, ни женское". Два – едино, это когда мы сами себе говорим истину, и в двух телах нелицемерно будет одна душа. Внешнее, как внутреннее, означает: внутреннее, говорит, душевное, а внешнее телесное. Поэтому, каким образом проявляется твое тело, так и душа будет явлена в добрых делах. Мужское с женским, ни мужское ни женское, означает: чтобы брат, увидев сестру, не подумал о ней ничего, как о женщине; и чтобы сестра не подумала ничего о нем, как о мужчине. Если вы будете поступать так, говорит Господь, то придет Царствие Отца Моего". (гл. XII). Этот отрывок из какого-то утерянного произведения апокалиптической ранне-христианской письменности весьма характерен для настроения того времени.

Третьей и наиболее интересной особенностью этого памятника является учение о "пресуществовании Церкви". Если богословствование возникает на пересечении двух линий – богооткровенных истин, с одной стороны, и движения человеческой мысли с другой, – то в этом учении мы находим едва ли не первое движение христианской богословской мысли. Данная в Божественном Откровении истина о Церкви как Теле Христовом, как столпе и утверждении истины, как Невесты Христовой, как собрания верующих и т. п., ставит перед человеческим сознанием и вопрос о том, когда Церковь создана ее божественным Основателем?

Тут возникает и вопрос о том, каково отношение Церкви к Ветхому Завету, или, как говорит проф. И. В. Попов, может ли христианство быть признано абсолютной и истинной религией, когда раньше уже существовала богооткровенная иудейская религия?

Вот что говорит нам сам памятник: "Братие, творя волю Отца нашего Бога, мы будем из церкви первой, духовной, основанной прежде солнца и луны. Если же мы не будем творить воли Господней, то мы будем от Писания, говорящего: "дом Мой стал пещерою разбойников". Я не думаю, чтобы вы не знали, что Церковь живая есть Тело Христово. Писание говорит: "Бог создал человека – мужчину и женщину". Мужчина есть Христос, а женщина – Церковь. Библия и апостолы говорят, что Церковь не от нынешнего века, но свыше. Ибо и Церковь была духовной, как и Иисус явился в последние дни, чтобы спасти нас. Церковь же, будучи духовной, явилась во плоти Христовой, показывая нам, что если кто из нас сохранит ее во плоти и не растлит ее, то воспримет ее в Духе Святом. Ибо эта плоть есть вместообраз духа. Поэтому никто, кто растлит вместообраз, не причастится подлинного. Поэтому соблюдайте плоть, чтобы причаститься духа. Если мы говорим, что тело есть Церковь, а дух – Христос, то обещивающий тело бесчестит Церковь, и таковой не причастится духа, который есть Христос". (XIV, 1-4).

Из этого отрывка явствует, что Церковь в представлении автора является духовным, живым существом, от Бога происшедшим ранее сотворения мира. Иными словами, до этого эмпирического мира и его тварных частей (солнца, луны и под.) уже в плане духовном существовала Церковь, существовала в плане ином, прежде чем осуществиться в плане настоящем.

Есть ли это прямое влияние гностической доктрины об зонах? Церковь и Христос не являются ли одной из "сизигий" гностической системы мироздания? Или может быть автор в своей энциклопедии высказывает учение о платоновых идеях? Во всяком случае здесь речь идет о том, чего нет непосредственно в Св. Писании. Это, может быть, один из первых домыслов человеческой жажды богословствования. Проф. Попов говорит: "Происхождение учения о предшествовании Церкви таково. Иудеи были проникнуты убеждением исключительного значения их нации в истории, и в своей национальной гордости полагали, что самый мир создан для Израиля. Христиане сознавали себя духовными преемниками Израиля. Иудейская мысль о сотворении мира для Израиля была

усвоена и некоторыми христианами, претерпев лишь то изменение, что под Израилем стали понимать духовный Израиль — Церковь. Возникло учение, что мир создан для Церкви. Но если Церковь есть цель творения, то идеально, в Божией мысли, она существовала ранее своего средства, мира, как в уме человека идея цели предшествует соображениям о средствах. Но это предсуществование Церкви в нашем памятнике превращается в предсуществование реальное. Прежде солнца и луны Церковь создана, как личное существо”.

Церковь, стало быть, в сознании этого памятника понимается как личное существо, что должно привести к заключению о соотношении этой ипостаси Церкви с ипостасями людскими. На этот вопрос мы не находим ответа. На приведенном рассуждении обрывается мысль автора, что, однако, не снимает самого вопроса. Важно, впрочем, и другое в том же контексте, а именно: “Возвеселись неплоды, нераждающая; возгласи и возопий не чревоболевшая, яко многа чада пустыя паче, нежели имущия мужа”. Приведа этот отрывок из Исаии (LIV, 1), автор продолжает: “Говоря ‘возвеселись неплоды, нераждающая’, он (пророк) говорит о нас, т. к. церковь наша была неплодной, прежде чем ей были даны чада”. (II, 1). Упоминаемая выше Церковь “духовная”, Церковь в плане идеальном, неплодствовала до тех пор, пока не явились в плане конкретном и эмпирическом ее дети. Как бы то ни было, в первый раз в истории Церковь является в сознании христианском как Мать.

Экклезиология этого памятника интересна в общем контексте ранне-христианской экклезиологии. Древняя христианская литература не писала обширных теоретических трактатов о Церкви, т. к. христианское общество того времени жило церковью. Эта последняя не была отвлеченной, теоретической истиною. Только изредка мысль писателей того времени останавливается на том или ином облике Церкви. Так, “Учение 12-ти апостолов” в одной из своих молитв остановилось на так сказать “соборной природе Церкви”, пользуясь символом “рассеянной по горам пшеницы, которая собирается от концов земли в Царствие Божие”. Это — социологический облик Церкви, облик соборного единства. С другой стороны, св. Игнатий богословствует о Церкви как о Евхаристии, как о Теле Христовом, вдохновляясь безо всякого сомнения словами ап. Павла. Это обоснование евхаристической экклезиологии. (Пользуюсь выражением прот. Н. Афанасьева). В только что разобранным отрывке из так

называемого “Второго послания Климента” мы встречаемся с третьим вопросом экклезиологии, а именно с предвечным существованием Церкви, домирным, добытийственным ее обликом.

Кто бы ни был автор этой проповеди-послания, под чьим влиянием он ни умствовал, идея о предсуществовании Церкви есть шаг вперед в развитии христианской мысли, и шаг важный.

Текстуальные особенности памятника. В заключение надо сказать несколько слов и об особенностях языка этого произведения. Текст Писания в нем использован гораздо меньше, чем в первом, подлинном Послании св. Климента. Во всем памятнике находим только 25 цитат, из коих на долю Ветхого Завета падает 10, Нового — 9, а кроме того 6 заимствований из какого-то неизвестного источника.

С другой стороны, давно уже обращено внимание на сходство мыслей и языка с “Пастырем” Ерма. Это особенно ясно при сравнении их христологических идей. В самом деле: в разобранным произведении (IX, 5) читаем: “Если Христос Господь, спасший нас, будучи сначала дух, стал плотью, и таким образом призвал нас”... В “Пастыре” (Sim. V, 5, 2): “Сын же есть Св. Дух”. (Sim. V, 6, 5): “Прежде сущий Дух Святыи, создал всю тварь и Бог вселил его в плоть, в которую Он захотел”. (Sim. IX, 1, 1): “Этот Дух есть Сын Божий”.

III. Псевдо-Климентины

Под этим именем в науке подразумеваются произведения раннего христианства, надписывавшиеся именем св. Климента, но ему безусловно не принадлежащие. Все эти сочинения можно свести к трем группам:

1. а) Омилии или беседы,
б) Свидания (“Recognitiones”, *ἀναγνωρισμοί*),
в) их греческие, сирийские и арабские сокращения.
2. Так наз. “Апокалипсис Петра или Климента”.
3. Письма к девственницам и иные послания.

Беседы (омииии) и “Свидания” представляют собою две грани одного и того же “апостольского романа” (Rauschen, S. 60),

повествующего об обращении св. Климента апостолом Петром и о борьбе этого последнего с Симоном волхвом.

Различие их заключается в следующем: Омилии, числом 20, предваряются несколькими вводными статьями, а именно, письмом ап. Петра к ап. Иакову, свидетельством ап. Иакова читателям и письмом св. Климента ап. Иакову. В "Свиданиях" этих вводных частей или нет совсем, или же одна из них, письмо Климента, существовала только в греческом подлиннике, но опущена в латинском переводе. "Свидания" дошли только в латинском переводе Руфина. Самый "роман", т. е. история обращения св. Климента, все злоключения его братьев-близнецов Фавстина и Фавстиниана и их матери Матидии (Митридоры) и пр. по сюжету тождественны как в Омилиях, так и в "Свиданиях", но в деталях наблюдается различие. Кроме того, рассуждение о зле, человеколюбии, пророчествах и некоторые речи в "Свиданиях" или сокращены, или вовсе опущены. Омилии напечатаны в греческой серии Патрологии t. 2. col. 25-458, а "Recognitiones" в t. 1, col. 1207-1474.

Наряду с этим, в свое время были найдены Дресселем одна редакция сокращений (185 глав) этого романа (так наз. "Epitome 1"), а Турнебием вторая версия в 179 глав (так наз. "Epitome 2", напечатанная у Миня t. 2, col. 469-604). Это все перифраз Омилий. Существует и сирийская версия, как сокращение Омилий, и арабская. Они, впрочем, приближаются во многом к тексту "Свиданий".

В результате научных изысканий следует признать, что и Омилии, и "Recognitiones" написаны, вероятно, около IV века двумя арианствующими писателями, дополняющими один другого. Местом написания является предположительно Сирия. Но есть все основания предполагать, что был какой-то общий источник, из которого черпали оба автора. "Свидания" должны быть признаны более православными по сравнению с Омилиями. (Баланос, стр. 96).

Вторую группу псевдо-климентинских произведений составляют несколько редакций так наз. "Апокалипсиса Петра или Климента". Это, в сущности, три версии — эфиопская в 7 книгах, арабская в 8 книгах и арабская же, разделенная на 91 главу, — одного и того же произведения.

Эфиопская редакция была изучена Dillmann'ом в 1858 г., а арабские — Bezold'ом и г-жой Gibson и Nicol. Обе арабские редакции известны еще под названием "Spelunca" ("Die Schatzhöhle"), т. е. "пещера сокровищ" и "Kitab-al-Madjall" или "книга тайн". Во

всех этих версиях одного и того же псевдо-климентинского Апокалипсиса открываются Клименту от имени ап. Петра разные богословские тайны: о Св. Троице, о творении, о рае, об ангелах, о Небесном Иерусалиме, о падении Сатаны, о рождении Девы Марии, о рождении Господа Иисуса Христа, равно как и эсхатологические пророчества.

В третью группу псевдо-климентинских творений включается ряд писем, а именно:

1) Два послания к девственницам, представляющие, собственно говоря, две части одного произведения. Первая — это теоретическое обоснование девства, и вторая — практические указания. Послание восстает против института синизактов, т. е. против совместного жительства девственниц и девственников. Об этих посланиях в древности знали еще св. Епифаний (Haeres. XXX, 15) и блаж. Иероним ("Contra Jovinian". 1, 12). Писал о них и Тимофей Александрийский. Послания впервые изданы Wetstein'ом в 1752 г., потом Gallandi Mign'ем и в латинском переводе Funk'ом в 1881 г. Ряд ученых (Wetstein, Villecourt, Beelen) защищали аутентичность этих писем; к тому же склоняется как будто и архиеп. Филарет (1, 13). Но большинство историков, не отвергая глубокой древности этого памятника, все же не решаются его приписывать св. Клименту. О времени составления этих писем они высказываются различно: Funk — начало IV века; Harnack — начало III века; Cotténil считает их средневековой подделкой под стиль древних произведений, чтобы этим оправдать свидетельство Епифания и Иеронима. За древность этих писем говорит то, что девственницы не жили еще в монастырях, а по домам, что странствующие проповедники еще переходили с места на место для распространения Евангелия.

2) Пять посланий каноническо-дисциплинарного содержания, составленные достаточно поздно, хотя и связанные с именем св. Климента. В них говорится об евхаристии, о крещении, о браке, о священных сосудах и пр. Есть явные заимствования из "Свиданий".

3) Два эфиопских отрывка апокалипсического содержания, где упоминаются откровения ап. Петра св. Клименту, находящиеся в очевидной связи со всей псевдо-климентинской традицией.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ СВЯЩ. П. А. ФЛОРЕНСКОГО *

Павел Флоренский. "Статьи по искусству". Париж, 1985, YMCA—PRESS. 398 стр. (Собрание сочинений, т. 1).

Павел Флоренский. *La prospettiva rovesciata e altri scritti*. A cura di Nicoletta Misler. Roma, 1984, Casa del libro editrice. XII, 153 p., (Collana interpretazioni e documenti, 4).

Pawel Florenski. *Ikonostas i inne szkice*. Wybral, przelozyl i przypisami opatrzył Zbigniew Podgorzec. Wstęp Jerzy Nowosielski. Posłowie Władysław Panas. Wyd. II, poprawione i rozszerzone. Warszawa 1984, Instytut wydawniczy Pax. 252 s.

1984 г. в журнале "Вестник" № 10, стр. 10-11.

Русский священник и универсальный ученый Павел Флоренский (1882-1943), которого за глубокую и всеобъемлющую ученость уже при жизни сравнивали с Паскалем и Леонардо да Винчи, оставил огромное наследие редкой оригинальности и разносторонности. Проводя исследования в таких областях, как математика, физика, философия, богословие, биология, геология, эстетика, археология, фольклористика, филология и др., Флоренский пытался преодолеть специализацию наук и разработать целостное мировоззрение. При этом он достиг таких результатов и открытий, значение которых (например, в области кибернетики и семиотики или физики античастиц) получило признание и оценку лишь в последнее время.

Одна из причин столь долго затянувшегося признания заключается в труднодоступности трудов Флоренского. Хотя список его работ, опубликованных в России и Советском Союзе до 1982 г., насчитывает 338 названий (правда, 13 из них изданы после смерти автора, см. "Богословские труды", 23, 1982, с. 280-309), однако в большинстве случаев речь идет о библиографических редкостях. Это относится и к советским публикациям последнего времени:

*) Перевод с немецкого, статья опубликована в *Ostkirchliche Studien*, 1986.

с 1967 г. были изданы отдельные работы Флоренского, посвященные теории искусства, философии языка и семиотике, опубликованы они в основном в специальных журналах и сериях, малым тиражом и в отдаленных городах. Параллельно с 1969 г. появились публикации трудов из богословского наследия в печатных органах Московской Патриархии, распространение которых внутри Советского Союза, как известно, очень ограничено. Некоторые сочинения существуют также в виде "Самиздата", порой в сильно отличающихся друг от друга вариантах (см. ниже). По словам московского философа А.В. Гулыги, "большинство работ Флоренского" все еще не опубликованы ("Литературная Грузия", 1985, №9, с. 77).

Вопреки этим сложностям и несмотря на критику со стороны идеологических стражей, среди советской общественности за последние годы заметно возрос интерес к идеям и личности Флоренского, не только внутри Православной Церкви, где особо выделился иеромонах Андроник (Трубачов), написавший ряд основательных работ о жизни и творчестве своего деда, — но и среди математиков, физиков, литературоведов и лингвистов (как, например, известных и на Западе семиотиков московской и тартуской школ, считающих Флоренского одним из своих предшественников).

За пределами Советского Союза изучением трудов Флоренского и распространением его философских и богословских мыслей долгое время занимались почти исключительно богословы и религиоведы. В качестве впечатляющих примеров этого можно назвать полные переводы его главного богословского произведения "Столп и утверждение истины" на итальянский (1974) и французский (1975) языки, а также очень тщательно и добросовестно написанное исследование М. Зильберер "Идея Троицизма в творчестве Павла Флоренского" (*Die Trinitätsidee im Werk von Pavel Florenskij*), вышедшее недавно в Вюрцбурге (1984). Между тем за последнее время "открываются", изучаются и благодаря переводам и изданиям становятся доступными широким кругам читателей другие области научных изысканий Флоренского. Об этом свидетельствуют вышедшие независимо друг от друга в короткие промежутки времени в Польше, Италии и Франции сочинения по теории искусства, обсуждение которых предлагается ниже.

Самое полное собрание "Статей по искусству" вошло в 1-й том трехтомного издания трудов Флоренского на русском языке, публикуемого парижским издательством "УМСА" (том 2 будет содержать философские, том 3 — богословские сочинения). Издатель — Никита Струве, который, являясь главным редактором "Вестника Русского Христианского Движения", с давних пор имеет заслуги в распространении трудов Флоренского.

Из 14 текстов две небольшие работы публикуются впервые, обе взяты из "Самиздата", это — отрывок из переписки с В.В. Розановым (1913г.) и письмо, написанное в 1925г. художественному объединению "Маковец" (кстати, у рецензента имеются еще 2 варианта этого письма, существенно отличающихся друг от друга!). До сих пор почти недоступными на языке оригинала были также два сочинения, опубликованные в 1922г. в очень редком журнале "Маковец" и раскрывающие деятельность Флоренского в Комиссии по охране памятников искусства и старины в 1918-20 гг.: в статье "Храмовое действо как синтез искусств" Флоренский выступает против грозящего роспуска Лавры и вывоза икон и ценностей в музеи, где "электрический свет убьет краски", будет нарушена органическая целостность всего произведения искусства. Сочинение "Небесные знамения" содержит размышления о символике цвета и освещенности. Следующая статья "Троице-Сергиева Лавра и Россия" посвящена этой же теме, ее первое издание, выпущенное в 1919г., почти невозможно достать, однако на Западе она несколько раз переиздавалась и переведена на разные языки: Флоренский проникновенно доказывает, что значение Лавры как "осуществления русской идеи" и "ноуменального центра России" уникально, он предлагает превратить ее (в духе Федорова) в "живой музей", где жили бы монахи и совершались богослужения, с тем, чтобы Лавра стала местом исследовательской и творческой работы.

Работа Флоренского в упомянутой Комиссии состояла в изучении и описании икон, панагий и литургических предметов. Опубликована только часть результатов его исследований, в частности, доклад "Моленные иконы Преподобного Сергия", а также трактат по истории искусства "Обратная перспектива". Тексты этих трудов, впервые опубликованных в 1967г. в "Ученых записках" Тартуского университета, что ознаменовало начало "реабилитации" Флоренского в Советском Союзе, с тех пор неоднократно переводились и представлены здесь в несокращенном виде. Дополнения, почерпнутые

из самиздатской рукописи, составляют лишь четыре процента текста, поэтому рецензент ставит под сомнение замечание издателя о том, будто бы смысл работы от этого "значительно" изменился.

Самым длинным и, пожалуй, прихотливым текстом в этом собрании можно назвать написанное в 1922г. эссе "Иконостас". В этом произведении, созданном как часть оставшейся незавершенной "Философии (религиозного) культа", Флоренский пытается объяснить эстетическую концепцию и символическую структуру сакрального произведения на основе его культовой функции. Это сочинение, впервые опубликованное в "Богословских трудах" в 1972г., получило широкое распространение в многочисленных переводах (в том числе, оно вышло отдельной книгой на итальянском языке и переиздано вновь).

Большой труд "Анализ пространственности в художественно-изобразительных произведениях", родившийся из лекций, которые Флоренский читал в 1921-24 гг. в Московской художественной школе ВХУТЕМАС, напротив, известен лишь в отрывках. В нем Флоренский подробно останавливается на проблеме передачи пространства и времени в изобразительном искусстве, в особенности, его интересует так называемая обратная перспектива, характерная для икон и средневековых фресок. Флоренский возражает против традиционного восприятия обратной перспективы как знака художественного бессилия; по словам ученого, в ней выражается живое отношение к действительности, которое утрачено в перспективном изображении. Отрывки "Анализа пространственности" печатаются на основе советских публикаций. Из всех работ Флоренского, посвященных теории искусства, это произведение нашло самый широкий отклик среди советских ученых; несмотря на это, обещанное в 1970г. полное издание до сих пор не вышло в свет.

В приложение к парижскому изданию вошло еще несколько небольших сочинений, в том числе о преобразовании Троице-Сергиевой Лавры в музей, о рисунке В.А. Фаворского для обложки книги Флоренского "Мнимости в геометрии", а также о кукольном театре Ефимовых.

Данное издание представляет ценность как собрание разрозненных и отчасти труднодоступных произведений Флоренского на языке оригинала. Однако тех, кто надеется получить дополнительную информацию, ожидает разочарование: введение и комментарии скудны и ненадежны из-за ряда опечаток, особенно в именах и

датах. За дополнительными сведениями и исправлениями биографических данных (стр. 19-30) читателю следует обратиться к цитируемому на странице 390 статьям иеродиакона Андроника. По мнению рецензента, в чрезвычайно сжатых примечаниях (стр. 389-398) недостает более точных сведений о возникновении и значении соответствующих произведений, т. е. библиографических данных о повторных публикациях и переводах (рецензируемые ниже издания тоже не упоминаются), а также нет ссылок на дополнительную литературу. Там, где она все же указывается, следует быть осторожным: название значительного сочинения Б.А. Успенского звучит "Поэтика (а не "Техника") композиции". Попутно хочется сказать, что Флоренский превосходно владел древнегреческим языком, чего нельзя сказать о наборщике данного издания.

Вышедшее в 1984 г. в Риме итальянское издание трудов Флоренского подкупает прежде всего подробными, толковыми и основанными на хорошем документальном материале введением и комментариями, принадлежащими перу историка искусства Николетты Мислер. Достойная похвалы и с полиграфической точки зрения, книга содержит переводы трудов "Храмовое действо", "Небесные знамения", "Обратная перспектива", а также перевод пояснений к рисунку на обложке книги "Мнимости в геометрии" (все они вошли и в парижское издание); нельзя не упомянуть 74 иллюстрации, среди которых много редких и неизвестных ранее фотографий и репродукций работ близких Флоренскому художников 20-х годов.

В введении ("Il rovesciamento della prospettiva", стр. 3-51) издательнице удается противодействовать распространенной тенденции к стилизации и мифизации Флоренского тем, что она рассматривает личность и творчество Флоренского (эстетические труды периода 1918-1922 гг.) в контексте времени, показывая политические и художественные течения и дискуссии, в которых он принимал участие и которые отразились на его творчестве.

При этом большое место отводится изображению до сих пор малоизвестного художественного объединения "Маковец", к которому Флоренский принадлежал со времени его основания в 1921 г. В одноименном журнале объединения были впервые напечатаны две из переведенных здесь статей. Целью этого поставангардистского

объединения было создание "синтезированного искусства" для преобразования и усовершенствования жизни. Его влиятельный теоретик, художник В.Н. Чекрыгин (1897-1922), мечтал даже о космическом "синтезе живых искусств", благодаря которому вся вселенная исполнилась бы гармонии и воскресли бы мертвые. Восхищавшийся творчеством Чекрыгина Флоренский не мог, правда, следовать его идеям; для него осуществленным синтезом искусств была церковная литургия, в то время как Чекрыгин видел в ней только пример будущей всеобъемлющей внецерковной литургии ("внехрамовое действо"). Идея синтеза искусств и его теургической функции объединяет "Маковец" с символистами, к тому же Чекрыгин находился под определенным влиянием Федорова. Упомянув о тех и о других, г-же Мислер следовало бы в отношении Флоренского быть точнее: он был знаком и дружен с теоретиками русского символизма Белым и Ивановым, а также хорошо знал идеи Федорова.

Мислер подробно останавливается на исследовательской и педагогической деятельности Флоренского во ВХУТЕМАСе. В этой высшей художественной школе, где любили эксперименты, Флоренский читал лекции по теории перспективы, символистике, теории пространства и времени, здесь велись оживленные споры о теории искусства и культурной политике тех лет. В это же время начались нападки на "попа Флоренского" и его "мистическое" объяснение законов искусства" со стороны некоторых левых художников-"производственников". Развязанная тогда кампания травли закончилась арестом Флоренского, многолетним лагерным заключением и смертью при до сих пор невыясненных обстоятельствах.

Многочисленные опечатки, бросившиеся в глаза рецензенту, внимательный читатель сможет исправить сам. Несколько раз повторяется и неправильный год рождения Флоренского 1892 вместо 1882 г. Неправильно переведены названия некоторых русских произведений, так например, трактат Чекрыгина "Собор воскрешающего музея" должен был звучать иначе, чем "La cattedrale che rida la vita", а "Философия общего дела" Н.Ф. Федорова — не "La filosofia del bene comune" (лучше подходит название "Filosofia dell' opera comune". Встречается путаница в инициалах: имя и отчество Федорова "N. F.", а не "N. V."; несколько раз упоминается сестра Флоренского, Раиса Александровна (1896-1932), следовательно, "P. A.", а не "П. А.". Талантливая художница Р.А. Флоренская в 20-е годы училась во ВХУТЕМАСе.

Упомянутые незначительные недостатки не умаляют огромную заслугу Николетты Мислер в создании солидной основы, на которой может строиться любая работа по дальнейшему изучению трудов Флоренского по теории искусства.

Благодаря усилиям прежде всего "независимого русиста" Збигнева Подгоржека творчество Флоренского вот уже в течение ряда лет пользуется повышенным интересом в Польше. В 1976 г. он опубликовал в краковском ежемесячнике "Знак" сочинение Флоренского о Троице-Сергиевой Лавре (вместе с краткой биографией автора), а также интервью Б.А. Успенского о "семиотике иконы", в котором подробно говорилось об исследованиях Флоренского по данному вопросу. В 1981 г. Подгоржек напечатал в варшавском издательстве "Пакс" ("Pax") подборку трудов Флоренского по теории искусства; в 1984 г. сборник вышел вторым, расширенным изданием. В него вошли, переведенные на польский язык, "Троице-Сергиева Лавра...", "Храмовое действо...", "Моленные иконы...", "Иконостас", "Небесные знамения", а также 2 отрывка из книги "Столп и утверждение истины", здесь помещены полезные примечания и ссылки на литературу. Перу Подгоржека принадлежит биографическая справка (стр. 233-238), в которой описаны важнейшие события жизни Флоренского. Упоминается и арест в феврале 1933 г. О времени страданий в пользующемся печальной славой лагере на Соловках говорится: "В период с 1935 по 1937 год Флоренский занимался на Соловецких островах изучением способов извлечения йода из морских водорослей. Он умер там же 15 декабря". (стр. 236. В первом издании речь шла только о лагере и гибели от истощения).

Польское издание заслуживает внимания также из-за "Послеловия" Владислава Панаса "Sztuka jako ikonostas" ("Искусство как иконостас", стр. 210-232). В этом оригинальном эссе икона — и в конечном итоге все искусство — рассматривается как "воспоминание" (в платоновском смысле) о "предсемиотическом" состоянии райской гармонии до грехопадения, когда еще не было разделения между знаком и обозначаемым, словом и сущностью, изображением и прообразом. Как доказывает Панас, идеи Флоренского об иконографии, особенно о значении ее строгой каноничности, находят удивительное подтверждение в учении Г. Юнга о символах

и архетипах, а также в коммуникационной теории советского семиотика Юрия Лотмана.

Изучение творчества Флоренского и его влияния только начинается. Чтобы эта работа могла развиваться дальше, необходима публикация его наследия. В архивах все еще находятся рукописи больших произведений, известны только их названия. То, что работы Флоренского в области эстетики стали теперь доступными и, можно сказать, как бы заново открытыми, является большой заслугой названных издателей и авторов. Можно надеяться, последуют новые публикации такого рода (также из естественно-научного наследия) и Флоренский получит то признание, которое соответствует его значению.

ВО ЧТО ХРИСТИАНЕ ВЕРЯТ *

Меня просили вам сказать, во что христиане верят, и я начну с того, что я вам скажу, во что христианам нет надобности верить. Если вы христианин, вы не обязаны верить, что все другие религии решительно во всем неверны. Если вы атеист, вы должны верить, что главное во всех религиях всего мира просто невероятная ошибка. Если вы христианин, вы имеете право думать, что все эти религии, даже самые странные, содержат по крайней мере какой-то намек на истину. Когда я был атеистом, мне надо было стараться себя убедить в том, что приблизительно вплоть до одного столетия тому назад весь род людской состоял из настоящих дураков. Когда я стал христианином, я получил возможность придерживаться более либеральной точки зрения. Но, конечно, будучи христианином, надо верить, что в тех отношениях, где христианство отличается от других религий, христианство право, а те не правы. Как в арифметике — есть только одно правильное решение задачи, а все другие решения неверны; но иные неверные решения ближе к верному, чем другие.

Первое важное деление человечества дает нам две категории людей — большинство, состоящее из верующих в Бога или богов, и меньшинство, состоящее из неверующих. В этом отношении христианство принадлежит к большинству, вместе с древними греками и римлянами, современными дикарями, стойками, платонистами, индусями, магометанами и пр., а не к современному западноевропейскому материализму. Имеются разного рода причины верить в Бога, но здесь я отмечу только одну. Она заключается в следующем. Предположим, что нет разума, скрытого за вселенной, нет творческого ума. В таком случае никто не предназначил мой мозг для мышления; дело просто в том, что, когда атомы внутри моего черепа по физическим или химическим причинам случайно образуют известный порядок, я испытываю в качестве

*) Из бесед в Магдален Колледж, составивших книгу "Сущность христианства" (изд. *Mere christianity*).

побочного следствия некое чувство, которое я называю мышлением. Но если это так, могу ли я доверять своему мышлению и знать, что оно верно? Этак можно надеяться, что брызги молока из опрокинутого кувшина расположатся так, чтобы образовалась карта Лондона. Но если я не могу полагаться на свое мышление, я конечно не могу доверять доводам, которые ведут к атеизму, и потому у меня нет оснований быть атеистом или чем бы то ни было. Если я не верю в Бога, я не могу полагаться на мышление, и таким образом я не могу пользоваться мышлением, чтобы отрицать Бога.

Теперь я могу перейти к следующему важному делению. Всех людей, верующих в Бога, можно разграничить соответственно с тем, в какого Бога они верят. Существуют два весьма различных понятия об этом предмете. Одно из них есть понятие о Боге, находящемся по ту сторону добра и зла. Мы называем одни вещи хорошими, а другие плохими. Но, согласно пониманию некоторых людей, это есть лишь человеческая точка зрения. Эти люди говорят, что чем мудрее вы становитесь, тем меньше у вас желания называть что-либо хорошим или плохим и тем яснее вы видите, что все хорошо в одном отношении и плохо в другом и нет ничего отличного. Поэтому, согласно мнению этих людей, задолго до того, как вы достигнете относительной близости к божественной точке зрения, всякое различие совершенно исчезает. Вы называете рак плохим, потому что он убивает людей; но вы можете с таким же основанием называть хирурга, совершившего успешную операцию, плохим, потому что он рак убил. Все зависит от точки зрения. Другое, противоположное понятие состоит в том, что Бог определенно "хорош" или "праведен", что Он одних одобряет, других нет, что Он — любовь и ненавидит ненависть, что Он желает, чтобы мы вели себя так, а не иначе. Первое из этих понятий, согласно которому Бог пребывает по ту сторону добра и зла, характеризует пантеизм. Такого взгляда придерживался великий прусский философ Гегель и, насколько я их понимаю, придерживаются индуся. Другого взгляда придерживаются евреи, магометане и христиане.

Помимо этого весьма значительного различия между пантеизмом и христианским понятием Бога есть еще другое. Пантеисты обыкновенно верят, что Бог так сказать оживляет вселенную, как вы оживляете свое тело; что вселенная почти что и есть Бог, так что если бы ее не было, Он также не существовал бы, и все то, что вы находите во вселенной, есть часть Бога. Мысль христиан совершенно иная. Они думают, что Бог сотворил вселенную, как человек

написал картину или сочинил мелодию. Художник не есть картина, и он не умирает, если его картина уничтожена. Вы можете сказать, что "он много вложил в нее своей личности", но это только означает, что всю красоту и весь интерес картины он из головы взял. Его мастерство не содержится в картине таким же образом, как в его голове или даже в его руках. Я полагаю, что вы видите, как это различие между пантеистами и христианами соответствует другому. Если вы не принимаете всерьез различие между добром и злом, то нетрудно говорить, что все, с чем вы сталкиваетесь в нашем мире, есть часть Бога. Но, конечно, если вы считаете, что некоторые вещи суть действительно зло, а Бог есть действительно добро, то так говорить вы не можете. Вы должны верить, что Бог существует отдельно от вселенной и что некоторые вещи, которые мы в ней видим, противны Его воле. Сталкиваясь с такими явлениями, как рак или трущоба, пантеист может сказать: "Если бы вы только могли смотреть на эти явления с божественной точки зрения, вы бы поняли, что они также Бог". Христианин на это отвечает: "Не говорите таких мерзких глупостей".* Ведь христианство боевая религия. Оно думает, что Бог сотворил вселенную, что пространство и время, тепло и холод, все цвета и вкусы, все животные и растения суть вещи, которые Бог "взял из Своей головы", как человек сочиняет рассказ. Но оно также думает, что многие вещи уклонились от правильного пути в сотворенном Богом мире, и что Бог настаивает, и настаивает весьма решительно, на том, что эти вещи надо исправить.

Это, конечно, выдвигает весьма серьезный вопрос. Если Бог, который есть добро, сотворил мир, почему он сбился с правильного пути? В течение многих лет я просто отказывался выслушивать ответы христиан на этот вопрос, потому что я продолжал думать, что, "несмотря на все ваши утверждения и как бы ни были искусны ваши доводы, гораздо проще и легче утверждать, что мир не был сотворен силой, обладающей разумом. Разве все ваши доводы не являются просто сложной попыткой отвернуться от очевидного?" Но затем это ввергло меня обратно в те затруднения,

*) Один слушатель выразил недовольство, говоря, что слово "мерзкие" есть легкомысленное ругательство. Однако я именно это и хочу сказать: "мерзкие" глупости мерзки перед Богом, и (помимо Божьего милосердия) приведут тех, кто верит в них, к вечной смерти.

касающиеся атеизма, о которых я только что говорил. А вскоре я натолкнулся на другое затруднение.

Мой довод, отрицающий Бога, заключался в том, что вселенная казалась такой жестокой и несправедливой. Но каким образом я усвоил эту мысль о *справедливом* и *несправедливом*? Человек не называет линию кривой, если у него нет понятия о том, что такое прямая линия. С чем я сравнивал эту вселенную, когда я называл ее несправедливой? Если весь мир плох и лишен всякого смысла от альфы до омеги, так сказать, то почему я, являющийся частицей этого мира, так отрицательно и сильно на него реагирую. Человек чувствует, что он промок, после падения в воду, потому что он не водяная тварь, но рыба не чувствует себя в воде мокрой. Конечно, я мог бы отказаться от понятия справедливости, сказав, что она только личная моя мысль. Но если я это сделаю, то весь мой довод, отрицающий Бога, подорван, потому что довод зависит от утверждения, что мир действительно несправедлив, и несовместим с утверждением, что несправедливость есть лишь детище моей личной фантазии. Таким образом, в тот самый момент, когда я стараюсь доказать, что Бог не существует, другими словами, что вся реальность не существует, я принужден признать, что одна часть реальности, а именно, моя мысль о справедливости, полна смысла. Оказывается, поэтому, что атеизм слишком прост. Если вся вселенная не имеет смысла, нам никогда не удалось бы узнать, что она не имеет смысла; совершенно как в том случае, если бы не было во вселенной света и не было бы поэтому живых существ с глазами, мы не знали бы, что в мире царствует мрак. Слово *мрак* не имело бы смысла.

Итак, значит, атеизм слишком прост, и я вам скажу о другом взгляде, который также слишком прост и который я называю разбавленным водой христианством. Согласно этому взгляду, Бог существует на небе, Бог есть добро, и все мило и хорошо, но нет ни слова о всех трудных и страшных доктринах о грехе, об аде, о диаволе и об искушении. Обе философии — юношеские.

Не стоит просить простой религии. В конце концов, реальные вещи *не просты*. Они кажутся простыми, но на самом деле они не таковы. Стол, у которого я сижу, кажется простым: попросите,

однако, ученого сказать вам, из чего он фактически сделан, все насчет атомов, о том, как световые лучи отражаются от них и попадают в мой глаз, как они действуют на оптический нерв и на мой мозг, и в результате вы убедитесь в том, что фраза "видеть стол" вовлекает вас в тайны и осложнения, которым конца нет. Ребенок, который читает детскую молитву, кажется простым явлением. Если вы этим удовлетворены, все в порядке, но если вы не удовлетворены — а современные люди обыкновенно легко не удовлетворяются, — если вы хотите продолжать и выяснять, что фактически происходит, то в таком случае вы должны быть готовы иметь дело с чем-то трудным. Если мы просим чего-то еще помимо простого, то глупо жаловаться, когда это "что-то еще" не просто. Я заметил еще одно обстоятельство насчет действительности, а именно, что она не только трудна, но также странна; она не аккуратна, она не то, чего вы ожидаете. Поясняю свою мысль: после того, как вы поняли, что земля и другие планеты все вращаются вокруг солнца, вы естественно ожидаете, что все планеты сделаны по одному образцу, скажем, все они находятся на равном расстоянии друг от друга, или на расстояниях, которые регулярно увеличиваются, что они все одного размера, или же их размер увеличивается или уменьшается по мере удаления от солнца. На самом же деле вы не находите ни оснований, ни причин (насколько нам видно) для размеров и расстояний, причем некоторые из планет имеют одну луну, одна из них имеет четыре луны, одна имеет две луны, у некоторых нет луны, а одна окружена кольцом.

Действительность на самом деле всегда есть что-то такое, чего вы предугадать не могли. Это *одна* из причин, почему я верующий христианин. Христианство есть религия, которую нельзя было предугадать. Если бы оно нам преподнесло такую вселенную, какую мы всегда ожидали, я бы подумал, что мы ее выдумали. Но на самом деле она не есть вещь, которую кто-нибудь мог бы выдумать. В ней есть как раз такая странная особенность, какую имеют настоящие явления. Итак, оставим в стороне эти юношеские философии, эти слишком простые ответы. Проблема не проста, и ответ также не будет простым.

В чем же состоит проблема? Вселенная, которая содержит много очевидно плохого и повидимому бессмысленного, но в которой находятся живые существа, как мы, знающие, что многое плохо и бессмысленно. Существуют только два взгляда, которые считаются со всеми фактами. Один из них есть христианский взгляд,

согласно которому наш мир — хороший, хотя уклонившийся от правильного пути мир, но все еще помнящий, чем он должен был быть. Другой взгляд называется дуализмом. Дуализм есть верование, согласно которому за всем и вся скрыты две равные и независимые силы, одна добрая, а другая злая, которые во вселенной, как на поле битвы, ведут друг против друга нескончаемую войну. Я лично придерживаюсь мнения, что после христианства дуализм самая мужественная и разумная вера на свете. Однако в ней не все ладно. Упомянутые две силы, или два духа, или бога — один хороший, другой злой — якобы совершенно независимы. Они обе вечно существовали. Ни одна из них не сотворила другую, ни одна из них не имеет больше права, чем другая, называть себя Богом. Каждая из них, надо предполагать, считает себя хорошей, а другую злой. Одной из них нравится ненависть и жестокость, другой — любовь и милосердие, причем каждая отстаивает свое мнение. Теперь, что мы хотим сказать, когда мы называем одну из них Доброй Силой, а другую Злой Силой? Либо мы только говорим, что почему-то предпочитаем одну из них другой, как мы, например, предпочитаем пиво сидру, либо мы говорим, что — независимо от того, что *они* об этом говорят, и независимо от того, какую из них мы почему-то предпочитаем, — одна из них фактически не права, фактически ошибается, считая себя доброй силой. Теперь, если мы хотим сказать только то, что мы почему-то предпочитаем первую, то мы должны совсем прекратить всякие разговоры о добре и зле, потому что добро означает то, что вы должны предпочитать, независимо от того, что вам нравится в тот или иной момент. Если "быть праведным" означает только, что вы присоединяетесь к стороне, которая случайно вам понравилась, без настоящих к тому причин, то добро не есть добро. Таким образом мы должны подразумевать, что одна из упомянутых сил действительно права. Но как только вы это говорите, вы включаете во вселенную нечто третье, помимо двух сил: какой-то закон, какую-то норму или доброе правило, которому одна из сил подчиняется, а другая — нет. Ввиду того, однако, что об обеих силах судят в соответствии с этой нормой, то эта норма или существо, установившее эту норму, находится над и выше, чем каждая из этих сил, и оно должно быть истинным Богом. Фактически, когда мы назвали одну силу доброй, а другую плохой, мы хотели этим сказать, оказывается, что одна из них находится в правильном отношении к истинному, конечному Богу, а другая в неправильном.

То же самое можно изложить иначе. Если дуализм подлинно существует, то Злая Сила должна быть существом, которому зло нравится само по себе. Однако в действительности мы знаем по опыту, что нет такого существа, которому зло нравится лишь потому, что оно злое. Самое близкое к этому мы видим только в жестокости. В действительной жизни человек бывает жестоким по одной из двух причин — либо потому, что он садист, т. е. потому, что он в половом отношении извращен и жестокость доставляет ему чувственное удовольствие, либо ради какой-либо выгоды — ради денег, власти или обеспеченности. Однако удовольствие, деньги, власть и обеспеченность суть, сами по себе, хорошие вещи. Зло заключается в стараниях добиться этих вещей неправильным путем или чрезмерными усилиями. Я не хочу этим сказать, что люди, которые это делают, не являются сугубыми грешниками. Я хочу, однако, сказать, что грехом, когда вы его рассмотрите, оказываются поиски чего-то хорошего неправильным путем. Вы можете быть хорошим человеком, преследуя добро ради самого добра; вы не можете быть плохим человеком, преследуя зло ради зла. Вы можете совершить добрый поступок, не чувствуя себя добрым и когда вам это не доставляет удовольствия, просто потому, что доброта есть нечто хорошее; но никто никогда не совершал жестокости лишь потому, что жестокость нехороша. Человек бывает жестоким только потому, что жестокость доставляет ему удовольствие или выгодна. Другими словами, злу не удается быть плохим *точно таким же образом*, как добру удается быть хорошим. Добро есть нечто самостоятельное, зло же есть только испорченное добро, причем сначала должно быть что-то хорошее, прежде чем оно может быть испорченным. Садизмом мы называем половое извращение, но должно сначала существовать понятие нормальной сексуальности, прежде чем можно говорить об извращении. Кроме того, вам ясно, какое из этих явлений есть извращение, потому что вы можете объяснить извращение, исходя из нормального, но вы не в состоянии объяснить нормальное, исходя из извращенного. Следовательно, Злая Сила, которая якобы равнозначна Дobreй Силе и любит зло таким же образом, как Добрая Сила любит добро, есть не более как призрак. Для того, чтобы быть плохой, она должна желать хорошие вещи и добиваться их неправильным путем; она должна иметь импульсы, которые первоначально были хорошими, чтобы быть в состоянии их

извращать. Но если она плохая, она не может снабжать себя хорошими вещами в качестве объектов желаний или хорошими импульсами на предмет извращения. И то и другое она несомненно получает от Дobreй Силы, а если это так, то она не самостоятельна. Она является частью мира Дobreй Силы; она была сотворена Дobreй Силой или какой-то силой, превосходящей их обе.

Поставим вопрос еще проще. Для того чтобы быть плохой, она должна существовать и обладать умом и волей. Но бытие, ум и воля сами по себе хорошие вещи, следовательно, она несомненно получает их от Дobreй Силы: даже для того, чтобы быть плохой, она должна заимствовать от своего противника или у него красть. Теперь вы, очевидно, начинаете понимать, почему христианство всегда утверждало, что диавол есть падший ангел. Это не есть просто детская сказка. Это есть признание того факта, что зло есть паразит, а не самобытное явление. Способности, которые дают злу возможность действовать, даны ему добром. Качества, которые дают плохому человеку возможность быть действительно плохим, сами по себе хорошие вещи — решительность, ловкость, красивая внешность, сама жизнь. По этой именно причине дуализм, в строгом смысле слова, невозможен.

Я хочу сказать, однако, что истинное христианство (в отличие от разбавленного христианства) гораздо ближе к дуализму, чем люди думают. Одна из вещей, удививших меня, когда я впервые серьезно прочел Новый Завет, состояла в том, что он часто упоминает о Темной Силе во вселенной, могущественном злом духе, который считается силой, скрытой во смерти, в болезнях и в грехе. Различие в том, что по мнению христианства эта Темная Сила была сотворена Богом, была доброй, когда она была сотворена, и сбилась с пути истины. Христианство соглашается с дуализмом в том, что в нашей вселенной идет война, но оно не думает, что эта война ведется между двумя независимыми державами. Христианство думает, что идет гражданская война, происходит бунт, причем мы живем в части вселенной, занятой бунтовщиком. Территория, занятая врагом, — вот что представляет собой наш мир. Христианство есть повесть о том, как прибыл законный царь, так сказать, инкогнито, который призывает нас принять участие в великой кампании саботажа. Когда вы в церкви, вы на самом деле слушаете тайное радиовещание, от наших друзей: вот почему враг так старается препятствовать нашему хождению в церковь. Он это делает,

играя на нашем тщеславии, лени или интеллектуальном снобизме. Я уверен, что кто-нибудь меня спросит: "Неужели вы намерены в наш век опять воскресить нашего старого приятеля черта с рогами, копытами и всей внешностью?" Ну-с, я не знаю, какое значение имеет наше время. На рогах и копытах я не настаиваю. Но поскольку дело касается остального, я отвечу — "Да, я намерен".

Я не утверждаю, что я знаю что бы то ни было об его внешности. Если кто-либо действительно желает получше с ним ознакомиться, я такому человеку скажу: "Не беспокойтесь, если у вас такое желание действительно есть, оно исполнится. Понравится вам это или нет, когда это случится, дело уж иное".

III

Итак, христиане верят, что злая сила стала до поры до времени Князем нашего Мира. Это, конечно, выдвигает ряд проблем. Соответствует ли такое положение дел Божественной воле или нет? Если оно соответствует, вы скажете, что Он странный Бог, но если оно не соответствует, как может что бы то ни было произойти вопреки воле существа, обладающего абсолютной властью?

Всякий человек, обладающий властью, знает, что иное дело может совершаться в соответствии с его волей в одном отношении, но не в другом. Матери вполне разумно, быть может, говорить детям: "Я не намерена убирать вашу комнату каждый день. Вы должны научиться сами ее прибирать". Но приходит она как-то вечером и находит мишку, чернильницу и французскую грамматику брошенными в камин. Это противоречит ее воле. Она предпочла бы, чтобы дети были аккуратными, но, с другой стороны, ее воля дала детям возможность самостоятельности. Такое же положение может создаться в любом полку, в любом профсоюзе, в любой школе. Превратите какое-либо дело в добровольное, и половина людей его не станет выполнять. Вы этого не хотите, но ваша воля создала для этого возможность. Вероятно то же самое происходит со вселенной. Бог создал существа, обладающие свободой воли, которые могут выбрать праведный или неправедный путь. Иные люди думают, что они могут себе представить свободное существо, не имеющее возможности стать на неправедный путь. Я этого сделать не могу. Если некое существо имеет возможность быть праведным, оно имеет также возможность быть неправедным.

Таким образом, благодаря свободе воли зло стало возможным. Почему же в таком случае Бог дал существам свободу воли? Потому что свобода воли, хотя она и делает зло возможным, придает цену любви, добру или радости. Едва ли стоило бы создавать мир, состоящий из автоматов, т. е. из существ, действующих, как машины. Счастье, которое Бог намечает для своих высших тварей, заключается в добровольном, свободном слиянии с Ним и с другими существами, сопряженном с любовью и радостью, по сравнению с чем самая восторженная любовь между мужчиной и женщиной на этой земле есть то же, что вода в сравнении с молоком. Вот почему люди должны быть свободны.

Конечно, Бог знал, что случится, если они используют свою свободу неправильным образом: повидимому Он думал, что стоило рисковать. Быть может, мы склонны с Ним не согласиться. Но мы наталкиваемся на затруднение, когда не соглашаемся с Богом. Он есть источник нашей способности рассуждать: вы не можете быть правыми, а Он неправым, так же, как ручей не может подняться выше своего источника. Когда вы Ему оппонируете, вы оппонируете именно той силе, которая дает вам способность вообще аргументировать: этим вы уподобляетесь человеку, который рубит сук, на котором сидит. Если Бог думает, что такое состояние войны во вселенной есть цена, которую стоит платить за свободу воли, — т. е. за то, чтобы создать *настоящий* мир, в котором живые существа могут действительно творить добро или приносить вред и где может случиться что-то действительно важное, вместо игрушечного мира, который движется, только когда Он заставляет его двигаться, как марионетку, — то в таком случае мы можем согласиться с тем, что стоит ее платить.

Когда мы поймем, что такое свобода воли, мы увидим, как глупо задавать вопрос, который мне раз как-то задали: "Почему Бог создал живое существо из такого плохого материала, что оно стало негодным?" Чем лучше материал, из которого создано живое существо, чем оно способней, сильнее и свободней, тем лучше оно будет, если выберет правильный путь, но тем хуже оно будет, если выберет неправильный. Корова не может быть очень хорошей или очень плохой; собака может быть получше и похуже; ребенок может быть лучше и хуже; обыкновенный человек еще более того; гений еще больше; а сверх-человеческий дух — наилучшим или самым плохим.

Каким образом Темная Сила сбилась с пути истины? Как только появляется отдельная личность, появляется возможность ставить себя на первое место, появляется желание быть центром, быть даже Богом. В этом состоял грех Сатаны, и этому греху он научил человеческий род. Некоторые люди думают, что грехопадение связано каким-то образом с полом, но это неверно. Сатана внушил нашим прародителям мысль, что они могут "быть подобными богам" — могут стать независимыми, как будто они сами себя создали, — могут сами себе быть господами — могут изобрести для себя какое-то счастье вне Бога, отдельно от Бога. Эта безнадёжная попытка породила все то, что мы называем историей человечества — деньги, бедность, честолюбие, война, проституция, классы, империи, рабство — всю ту длинную историю человека, старавшегося найти что-то иное помимо Бога, что сделает его счастливым.

Причина, препятствующая успеху этого начинания, заключается в следующем. Бог нас создал, изобрел нас, как человек изобретает машину. Автомобиль сделан так, чтобы двигаться при посредстве чего-то другого. Бог спроектировал человеческую машину так, чтобы она двигалась при Его посредстве. Он Сам является горючим, предназначенным для потребления нашим духовным естеством, или пищей, предназначенной для питания нашего духовного естества. Другого горючего или другой пищи нет. Вот почему не имеет смысла просить Бога дать нам такое счастье, какое мы сами хотим без всякой религии. Бог не может дать нам счастье, мир и тишину помимо Себя, потому что таковых нет. Такие вещи не существуют.

Вот в чем состоит ключ к истории. Тратится громадное количество энергии — воздвигаются цивилизации — изобретаются различные учреждения: но каждый раз дело неладится. Какой-то роковой недостаток всякий раз выносит наверх эгоистичных и жестоких людей, и все скользит обратно в страдания и развал. Машина в действительности не в порядке; она как будто хорошо снимается с места, но, пробежав несколько шагов, останавливается, так как ее пробуют гонять не на том горючем. Вот что с нами, людьми, сделал Сатана.

А что сделал Бог? Во-первых, Он оставил нам сознание, понимание добра и зла: в течение всей истории человечества были люди, которые старались (иные всеми силами) Ему повиноваться. Во-вторых, Он даровал роду человеческому то, что я называю

хорошими снами: я имею в виду те странные рассказы, встречающиеся во всех языческих религиях, о некоем боге, который умирает, но затем воскресает, и своей смертью каким-то образом дает новую жизнь людям. В-третьих, Он избрал один особый народ и в течение нескольких веков Он вбивал ему в голову понятие о том, какого рода Он Бог, и о том, что Он любит хорошее поведение. Этим народом были евреи, и Ветхий Завет сообщает о том, как происходил этот процесс вбивания в голову.

Затем происходит самое потрясающее событие. Среди евреев внезапно появляется человек, который во время своих странствований говорит так, как будто он Бог. Он заявляет, что он может прощать грехи. Он утверждает, что он всегда существовал. Он говорит, что в конце времен он придет, чтобы судить мир. Давайте внимнем в это. Среди пантеистов вроде индусов всякий может сказать, что он часть Божества или находится в единении с Ним. В этом нет ничего странного. Но вышеупомянутый человек, будучи евреем, не мог иметь в виду такого рода Бога. Бог — на еврейском языке — означает Существо, находящееся вне мира, которое этот мир создало и бесконечно отличалось от всего остального. Когда вы это поймете, вы увидите, что сказанное этим человеком было самым потрясающим заявлением, когда-либо произнесенным устами человеческими.

Я стараюсь здесь не дать кому бы то ни было сказать самую настоящую глупость, которую люди часто про Него говорят: "Я готов признать Иисуса в качестве великого учителя нравственности, но не могу признать его претензию на то, что он Бог". Этого превыше всего не следует говорить. Человек, который был бы лишь человеком и говорил то, что Иисус говорил, не был бы великим учителем нравственности. Он был бы либо сумасшедшим — вроде человека, утверждающего, что он яйцо всмятку, либо — исчадием ада. Вы должны сделать выбор. Либо этот человек был и есть Сын Божий, либо он сумасшедший или нечто похуже. Вы можете заставить Его замолчать как глупца, вы можете плевать на Него и убить Его как демона; или же вы можете пасть к Его ногам и назвать Его Господом Богом, но давайте не будем покровительственно говорить глупости о том, что Он великий учитель человечества. Он не предоставил нам такого права. Он не намеревался этого делать.

(продолжение следует)

Имка-Пресс

САМОЕ ДАВНЕЕ И КРУПНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
РУССКИХ КНИГ ЗАРУБЕЖОМ:

11, rue de la Montagne Ste Geneviève, 75005 Paris
Tél. 43.54.74.46

ЛЕОНИД УСПЕНСКИЙ
НА ПУТЯХ К ЕДИНСТВУ?

"Если икона принадлежит древней Церкви, то это значит, что она несет и веру этой Церкви, т.е. как раз то, что нарушено Западом. И принять икону значит принять все то, что она в себе несет..."

48 стр. (3 илл.). Цена — 25.- фр.

То же на французском языке:

VERS L'UNITE?

Цена — 25.- фр.

Прот. СЕРГИЙ БУЛГАКОВ
СЛОВА И ПОУЧЕНИЯ

Отец Сергей Булгаков был не только великим богословом, но и выдающимся проповедником. Впервые, после небольшого сборника, составленного самим автором в 1938 г., собраны воедино все сохранившиеся проповеди и беседы о. Сергия с начала его священства в Ялте и до последних лет его жизни, когда, лишенный голоса, он проповедей не произносил, а раздавал их в виде напечатанных листков.

Проповеди расположены по ходу церковного года, слова и беседы — хронологически.

535 стр. Цена — 150.- фр.

Литература и жизнь

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

SARABANDE

Георга Генделя музыка роковая,
как наступательная поступь звуковая,
как смерть под барабан.
И солнце снулое, и ветер взывший
сдувает с зеркала снежок, запорошивший
поверхность стран.
Необратимая, позолотила
руно ты париков
на гладких черепах, скользящих, как перила,
тобой толкаемых — а впереди могила —
танцоров-стариков.
То рассыпается, то стаею кружится
над чашей воронье.
Пред тем, как лечь костыми, должны вооружиться
музыкой дробною мы, воодушевиться
накатами ее.

Шеренгой юноши, на выданье девицы,
чьи грудки жалкие атласный вспенил лиф,
с полярным космосом сравнимые куницы,
фламинго сонные, подвижницы-синицы
и попугай-халиф

— из упомянутых кому не страшно
тут на земле
пред рукопашной
с музыкой важной
в предвьюжной мгле?

Давно закопанным — и то там слышно
то топ ударных, то — завывы духовых.
Припомнить выпало, а позабыть не вышло
жемчуг и вишню
румян твоих.

II

Волной воздушною, атакой лобовою
и барабанною музыкой боевою
из гнезд взметнуло нас
скользить по воздуху... И после снегопада
искусный механизм архангельского сада
функционирует невидимо для глаз.
... Такая тишина, что белка на тропинке,
пушистый хвост прижав к такой же пышной спинке,
с гримаской заждалась.
Иерихонские еще не взвыли трубы,
еще не сплюснуты их мундштуками губы,
улитки медные, они в чехлах сейчас.

На крупных лацканах и клапане кармана
эдемской флорой расшитого кафтана
акант парчовый стар.
Мне кажется — я не вчера родился,
к тебе приблизился — и перевоплотился
в морозный пар.

Угль в крепостном аду — скрипичной канифоли
янтарные куски.
Служенье сладостно, а не избыток воли.
Свободолюбцы — то и запороли
и сжали кулаки...
Кто слышит музыку не там, где врут крамольно
истцы в поту,
с того довольно
в минуту ту.

III

Еще в Останкино не зажигали свечи,
но окна-зеркала блестели, ибо вечер
от середины дня.
Расчехлена труба гобоя голубая,
и барабанная музыка гробовая
приветствует меня.
Приковылял медведь на снежную поляну,
не он ли на ухо и наступил тем спяну,
кто иерархию раскатывает вишьрь?
Окситесь, гаврики! Не рубит же румяный
свой сук снегирь.

Найдется ль дирижер, который вас остудит?
По снегу в тувельках попрыгает — и будет
в батистовый платок высмаркивать катар.
... Мне кажется — ты не вчера родилась,
ко мне приблизилась — и перевоплотилась
в морозный пар.

Пока не поздно,
насуплюсь грозно,
но как смятенному не уступить смычку,
когда морозно,
аккомпанировать товарищу сверчку?
Музыки рыцари — мы те же полиглоты,
что и покойники... И нет иной заботы
у нас давно,
как видеть небеса в плафонной дымке сладкой.

А под лопаткой
дощато дно.
В пенатах прибранных хозяйничают лары.
Как трудно и в версте от дома после кары
узнать своих.
И треуголками, надвинутыми на лоб,
мы защищаемся от вьюги свистких жалоб,
ударных грохота и взыва духовых.

31.12.1986

СУДЬБА СТИХА – МИРОДЕРЖАВНАЯ...

Судьба стиха – миродержавная,
хотя его столбец и краток,
коль в тайное – помимо явного
заложен призрачный остаток.

Нерукотворное содеется
и до конца не дастся в руки,
спасется – не уразумеемся
ни в встреченное, ни в разлуке.

Казалось бы, давно за скобками
судьбы – Отечество и вера
в орла с змеиными головками,
как всякая земная мера,

ан, с вьюгою разноголосую
скольжение по тропе неровной,
что танец с голубоволосою
Елизаветою Петровной.

... Когда и тайное и явное
в силке забьются шелкокрыло,
на воле уцелеет – главное,
чья неопределимость – сила.

Участники того тревожного
дворцового переворота
– мы, алчущие невозможного
ползка, броска и перелета.

31.1.1987

SILVESTER – 87

1

На клиросных крылах под елями
склонились над виолончелями
в громоздких ризах серафимы.

И знают их смычки тяжелые,
гудящие и длинноствольные,
что наши слезы неделимы.

Подтягивает им сбегающий
поток в холеные овраги
и вихрь, навывлет продувающий
альпийские ареопаги.

2

И вспоминается, как хлопчиком
среди замороженного сада
бежал я из дому окопчиком,
прорытым после снегопада,

то бишь скрипучею траншейкою.
И на морозе резче пахло
пронафталиненной цигейкою,
лоснящейся на горле дряхло.

3

Под растревоженными елями
склонились над виолончелями
в расшитых ризах серафимы.

"Душа и могилы" в свое время высоко оценили классики грузинской литературы Тициан Табидзе и Константин Гамсахурдиа. В 1924 году состоялся вечер Т. Гранели в большом зале Грузинской консерватории, на котором выступил народный поэт Грузии Галактион Табидзе. Но этот вечер — исключение в жизни Гранели. Он сознательно избегал общества и чуждался славы. Лейтмотивом его поэзии, гипнотически завораживающим, оставалась смертная память, ожидание последнего часа.

В последние годы Гранели некоторое время жил в домике старого могильщика Петропавловского кладбища — в Тбилиси. Скончался он в 1934г. в больнице, всеми покинутый и одинокий, как предсказал в одном из своих стихотворений. Чин отпевания был совершен в кладбищенском храме. У могилы поэта, узнав о его смерти, собрались десятка два его знакомых. Почти полное забвение стало его уделом в последующие десятилетия. Память о поэте воскресла в начале 70-х годов. В 1972, 1978 и 1979гг. в Тбилиси были изданы его поэтические сборники на грузинском языке. В журнале "Литературная Грузия" (1984, №4, с. 83-117) появилась большая статья о Гранели, автор которой, Серго Чилая, лично знал поэта. В том же журнале (1983, №6, с. 4-17) были опубликованы в переводе на русский язык лирические стихи Гранели. Переводчик Гиви Орагвелидзе представил русскому читателю любовную лирику Гранели. Религиозные мотивы в его творчестве, а также его смелая мистика, не имеющая себе подобных в мировой поэзии по силе душевной концентрации (мнение академика Шалвы Нуцубидзе), остаются русскому читателю неизвестны.

Публикуемые стихи Т. Гранели в переводах В. Никитина дают представление о религиозно-мистических мотивах этого своеобразнейшего грузинского поэта. Хотя Т. Гранели — поэт сумеречных настроений, в его стихах, безусловно, брезжит некий свет. Это знание о Боге, томление по высшему смыслу бытия; им он особенно дорог нам.

Олег Кузнецов

62

ВОСКРЕСНЫЙ ПОЛДЕНЬ

В белый полдень кресты бронзовеют,
На кладбище глухом тишина.
Недреманное око, пьянею
От тоски, и душа смущена.

Отошла, как погасла, обедня, —
Лишь иконы прияли Дары...
О, могила отца! Ночь смятенья,
Сестры в трауре, Авель в крови.

Желтый гроб горизонта расколот,
Но воскресной спеленут зарей...
Отчего ж снова мучит злой образ,
Вихрь ноябрьский, рыдающий звон?

Панихид возжжено колокольной!
При свечах умирают дома...
В этот вечер как будто спокойней,
Завтра ж скорбь одолеет тебя.

В белый полдень кресты, как из бронзы,
На кладбище глухом тишина.
Недреманное око, от скорби
Я схожу в белый полдень с ума.

1920

ПИРОСМАНИ

Духан погнался за тобой, сорвав свои шеколды,
Фальшивыми шарманками ночной дразнился дождь.
Ты уходил, не жалуясь, не ждя награды рока,
И тень, луной разгневана, тянулась следом, прочь.

Какие тебя образы бесшумно посещали?
Кошмары потаенные в них выплакал, скорбя.
Ночных гуляк искал, бездомный сын печали,
И дом свой забывал за чашею вина.

Молитвой отверзал надгробья на кладбище,
И воздымал хрусталь Армази на груди.
Художник вдохновенный, был поражен *тем светом*.

Стал красный холст приютом растерянной мечты...
По грешным переулкам ты шел в одной черкеске,
Ужасно необычное тебя сгубило нечто.

1920   *... в отдаленной долине*
... в долине...

... в долине...
... в долине...
... в долине...
... в долине...

ГОЛУБАЯ ДАЛЬ

... в долине...

День уходит, он померк, ночь ко мне приблизилась,
Ночь ко мне приблизилась, темная, безвидная.
Сожаленье обогнет памяти возвышенность,
Прилетит ко мне печаль — моя птица синяя.

Это музыка, когда радуюсь блаженно,
Плакать хочется при том, в траур облачиться.
Мой незримый супостат — ветер, с шумом ветра
Шум ночей в моих глазах слышится, темнит все.

Я всегда вот так живу, и никто не знает,
Что, как черный ворон, зло на меня уставилось.
Но я жажду вновь и вновь аромата мая,
Благодатных летних дней, памятных так сладостно.

Пусть могилы подо мной, надо мною — звезды,
Устремлен мой гений в высь, в синеву небес.
Буду счастлив я, сестра, ведь найдется все же
Близ Тбилиси для меня пядь земли и крест.

Призраки вокруг тебя станут хороводить,
И ненастное грядет, словно залп, число.
Дорогая, у судьбы на вратах засовы,
Но для брата твоего ... чудо ждет его!

Налетают, пролетят бабочки печали;
Что осталось нам с тобой? вечен только стих.
Я уже сгорел, но я вновь испепеляюсь,
Время Грузии моей гений мой постичь.

Скорбь безмерная моя улеглась, пожалуй,
Хоть измена, зависть, месть и сейчас вокруг.
Я устал, устал навек, вновь покоя жажду,
Чтобы не кружилась жизнь, — и волчок, и кнут!

День уходит, он померк, ночь ко мне приблизилась,
 Ночь ко мне приблизилась, темная, безвидная.
 Сожаленье обогнет памяти возвышенность,
 Прилетит ко мне печаль — моя птица синяя.

1922

Вечер...
 Вечер...
 Вечер...

Вечер...
 Вечер...

Вечер...
 Вечер...

Вечер...
 Вечер...
 Вечер...

Вечер...
 Вечер...
 Вечер...

Вечер...
 Вечер...
 Вечер...

Вечер...
 Вечер...
 Вечер...

ОЖИДАНИЕ СУДЬБЫ

Эта тусклая полночь
 Налетела, как ястреб.
 И над дальней дорогой
 Глаз не виден хранящий.

Горечь зимней молитвы
 У потухших роз стонет.
 На дворе било* вскрикнет,
 Ночь пройдет мимо стекол.

По ту грань белых бдений
 Голубые снега...
 И душа — тайны трепет —
 Реет склонами сна.

Вблизи комнаты темной
 Слышен дождь, его зовы.
 Улыбаюсь, но только
 Полон жизненной скорби.

Плоть слаба, утомляет.
 Об отце тяжело помню.
 Жду свой жребий я дальний,
 Как без солнца погоду...

1922

Вечер...
 Вечер...
 Вечер...

*) Доска, заменяющая колокол.

ИЗ ДНЕВНИКА МЕРТВЕЦА

Меня не узришь, искать не надо,
Куда-то темными взят руками;
Я умер в полночь, ушел вчера я,
Когда на небе звезды мерцали.

Окрест померкло, померкло в доме,
Печалью окна мои затмило;
Я тихо спал в белоснежном гробе,
Несли мне розы, несли венки мне.

И мир, наверно, смерть мою чуял,
Но из тумана возврата нету...
Был бездыханен я, был бесчувствен,
И пасть могилы тянулась к сердцу.

Струились тихо дожди на нивы,
С небес далеких, с иного берега...
У гроба замерли серафимы,
И Божья Матерь по мне скорбела.

И были дальних сестер молитвы
О грешном брате уже бесплодны.
И даже ангелы не воздвигли!
Но шел Христос, весь в слезах, пред гробом.

Рука костлявой меня сжимала;
Неукротима ж душа — и снова
Сквозь тьму прорваться она желала
И в мир явиться была готова.

Меня не узришь, искать не надо,
Куда-то темными взят руками;
Я умер в полночь, ушел вчера я,
Когда на небе звезды мерцали...

1923

БЕСЦЕЛЬНОЕ СКИТАНИЕ

Эта осень и тихое поле
Призывают скитаться бесцельно,
Но хочу я на небо, на волю!
Ведь душа не приемлет землю.

Кровь вонзается в сердце, как жало, —
Алчет улица легкой пищи.
Что скитаться, когда встречаю
На кладбище распутниц и нищих?

И сейчас, в отягченный миг этот,
Когда сам на ветру и не спасся,
Я приветствую человека,
Кто проходит юдоль эту, плача.

Вновь ту ночь вспоминаю, бедняга,
Когда в мусорном ящике спал...
Рвется ветер, рыдает шарманка
И, нахохлясь, грустит попугай.

А земля устрашает все больше,
Хоть мечтой обойму небеса.
Почему Ты создал меня, Боже,
Я просил ли об этом Тебя?

Я прикован к земле, приживалец
(Кто-то в страхе опять побледнел),
Но придет завтра некий страдалец
С тихой думой к могиле моей.

С этой мыслью не легче кручина,
Жаждут света глаза как-никак.
Боже мой! что за тьма окружила,
Боже мой! что за морок и мрак!..

1924

ЛУНА У ОКНА

Вновь полны мои очи слезами,
Смерть приму, если явится скоро.
Скорбь все больше похожа на пламя,
И сильнее таинственность в скорби.

Голубой край мечты обнажая,
К небу мысль свой полет устремила.
У окошка акация встала,
И луна у оконца застыла...

1926

***

Может, ты вспыхнешь, — время придет,
Ныне минута тяжелой тоски.
Небо немое стоит над землей,
Мир этот замкнут, как ящик, увы.

Жизнь существует, однако, есть смерть,
И незавиден, и проклят наш рок.
Колокол, смолкнув, висит, словно жердь;
Сердце собора, когда же он смолк?

Думаю так, вот и ночь приманил,
Призраки скоро придут на ночлег.
Веет зеленым покоем могил,
Нету метели, но церковь как снег...

1926

К 25-ЛЕТИЮ ВЫХОДА В СВЕТ ПОВЕСТИ "ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА"

Четверть века назад, в ноябрьской книжке "Нового Мира" вышла в свет повесть, которая, открыв России и миру дотоле никому неизвестного крупнейшего писателя, стала высшей точкой в хрущевской оттепели (уже тогда замороженной неистовым наступлением на Церковь). В ознаменование этого художественно-общественного события, которому в русской литературе XX-го века не было равных (его сравнивали с появлением "Бедных людей", прославивших молодого Достоевского), мы печатаем несколько отрывочных суждений из прессы того времени, а также никогда не публиковавшийся разбор анонимного читателя, вошедший в самиздатский сборник конца 60-х годов, посвященный первым произведениям Солженицына.

I ОТРЫВКИ ИЗ ПРЕССЫ

Е. БРОЙДО

Необычна судьба одиннадцатого номера журнала "Новый мир". Иные книжки толстых журналов неделями, а то и месяцами лежат в киосках "Союзпечати". А этот, как рассказывают мурманские киоскеры, был раскуплен буквально за несколько минут. В библиотеках на последний номер "Нового мира" стали занимать очереди.

Что же привлекло в нем в первую очередь внимание читателей? Повесть А. Солженицына "Один день Ивана Денисовича".

(Из статьи "Такому больше никогда не бывать!"
"Полярная Правда", Мурманск, 2.12.1962)

Н. ЗОРИН

"Эту повесть, напечатанную в одиннадцатом номере журнала "Новый мир", сейчас передают из рук в руки, прочитывают "зальпом", оживленно обсуждают".

(Из статьи "Правда горькая, но необходимая",
"Кузнецкий рабочий", Новокузнецк, 15.12.1962)

Б. КАГАН

"Печатные отклики на первое произведение А. Солженицына уже наверняка превышают размеры этой небольшой повести. Устных откликов еще больше. Счастливые владельцы журнала "Новый мир" (№11) регулируют очередь знакомых и незнакомых, жаждущих прочитать "Один день Ивана Денисовича". Библиотекари лишь улыбаются и разводят руками. "Журнал на руках..."

(Из статьи "Да будет полной правда",
"Кировский рабочий", Киров, 16.12.1962)

А. АСТАФЬЕВ

"О повести А. Солженицына "Один день Ивана Денисовича", напечатанной в одиннадцатом номере журнала "Новый мир", много говорят и спорят. Такой интерес не вызывают произведения литературы, обычные по содержанию и форме. Это произведение действительно выходит из ряда вон.

/ ... / Если заглянуть поглубже в историю литературы, то мы найдем там немало примеров бесстрашия мысли и любви к честному, мужественному слову. Поэтому, говоря, что А. Солженицын порвал с традициями, нужно уточнить, какими именно. Отвергнув в своем произведении худшие традиции нашей жизни, он отказался и от эстетики, восхваляющей их. А. Солженицын продолжает лучшие традиции великой русской литературы".

(Из статьи "Солнцу не прикажешь",
"Ульяновская Правда", 18.12.1962)

М. НОЛЬМАН

"Одиннадцатый номер "Нового мира" с первой повестью доселе никому неизвестного А. Солженицына, учителя из Рязани, ни в киоске, ни в библиотеке захватить невозможно.

/ ... / Интерес читателей и внимание критики к литературному дебюту А. Солженицына не покрывается "экзотической" свежестью и недавней запретностью самой сферы повествования о "эзаках" (заклоченных). Дело в свежести и глубине художественной трактовки этого "первооткрытого" материала".

(Из статьи "Счет тяжких дней",
"Северная Правда", Кострома, 29.12.1962)

Н. КРУЖКОВ

" ... Я не знаю А. Солженицына, но наверняка угадаю его судьбу: только тот, кто был там, кто пережил все это каждой жилкой своего естества, мог дать такую исчерпывающую и точную панораму жизни заключенных в ежовско-бериевское время, создать волнующий документ обвинения канувшего в прошлое культа личности. Но это не только документ. Это — художественное произведение, написанное рукой великолепного мастера, умеющего коротким, как бы случайно брошенным мазком, точно подмеченной деталью, выразительной репликой, двумя-тремя оброненными словами дать законченную характеристику человека и его чувствований во всем их своеобразии и своеобразности.

Пришел в литературу новый большой писатель".

(Из статьи "Так было, так не будет", "Огонек", 1962, №49, с. 28-29)

И. ДРУЦЭ

"Литература — это еще и полемика. Спорит герой с героем, спорит роман с романом, писатель с писателем, но очень часто в наших литературных баталиях, когда кажется, что истина, приемлемая для всех литературная истина, уже у нас в руках, непременно кто-нибудь из писателей скажет тихо, как будто про себя:

— Вот поступится к нам завтра никому не известный художник с никем еще не прочитанной книгой, и все, о чем мы толкуем, окажется пустяком.

/ ... / И вот такая книга появилась. Ее стали рецензировать до выхода в свет, по типографским оттискам.

А еще до оттисков об этой сравнительно небольшой повести в литературных кругах много говорилось. Потом стали рассказывать друг другу сюжет, детали.

Наконец это произведение в своем устном варианте обрело и название — "Один день Ивана Денисовича", и только фамилия человека, написавшего эту повесть, упрямо ускользала от нашей памяти.

И вот она появилась в 11-ой книжке "Нового мира". Автор ее Александр Солженицын. Хочется верить, что читатель, познакомившись с этим произведением, запомнит это имя и поставит его в заветном ряду своих любимых писателей.

Мы привыкли и приучили своих читателей к определенному темпу читки художественных произведений.

То ли времени нам не хватает, то ли интереса, но мы наловчились в погоне за интересными сценами пробегать глазами многие десятки страниц, легко скользя по поверхности смыслового узора. Это вошло у нас в норму, и на это как будто никто не в обиде — ни писатели, ни читатели.

Но вот постучался к нам художник, которому сам этот способ читки не приглянулся.

Солженицын с первых страниц своей повести предложил нам другой, давно забытый нами, святой и робкий способ сложения букв по слогам.

/ ... / саму повесть Солженицына начали читать просто из любопытства. Дочитывали мы ее с чувством удивления: оказывается, маленькую повесть можно читать, приобщаясь к самой заветной, жизненно необходимой для себя истине.

"Один день Ивана Денисовича" — это, на мой взгляд, самое крупное и емкое художественное осмысление произвола, царившего у нас во время культа личности Сталина.

Больше того, это не столько осмысление самой механики произвола, сколько переключка с будущими поколениями.

На предполагаемый вопрос потомства: "Как же вы все-таки выжили?" — русский крестьянин Иван Шухов отвечает удивительно просто, печально и мудро:

"Вот так и жили, день за днем... Глядишь — и выжили!"

/ ... / "Один день Ивана Денисовича" — произведение на редкость глубокое, цельное, удивительно национальное, о нем можно

спорить в разных планах — в философском, и в эстетическом, и в социальном, но сегодня мне представляется наиболее актуальной его политическая заостренность. Сталин в этой повести упоминается лишь дважды, но он присутствует в этой вещи от первой до последней страницы. Он противоположность Ивану Денисовичу, и действие повести есть поединок, из которого победителем выходит Иван Шухов.

Трагедийность повести заключается в том, что один из его героев презирал другого. И начинается повествование после того, как Иван Шухов отсидел уже 8 лет за колючей проволокой. Еще недавно с трибуны ноябрьского Пленума раздались слова Хрущева о том, что Сталин не верил в массы.

Это сложнее и трагичнее, чем может показаться на первый взгляд. Сегодня мы вменяем в вину Сталину не только количество жертв произвола. Сегодня мы должны говорить о том, что Сталин, не любя народ, унизил, как никогда, имя гордое, имя человека, сведя его до положения механического, бездушного винтика. Многочисленные массы бывших винтиков нуждаются сегодня в моральном восстановлении своих прав. Мы должны еще бороться против последствий культа личности потому, что кое-каким винтикам, устроившимся в узловых частях машины и обязанным следить за винтиками малыми, понравились, вероятно, их не слишком обременительные обязанности.

Солженицын рассказал нам о том, что и за колючей проволокой действовали винтики разных величин, а еще он рассказал, что простой колхозник Иван Денисович Шухов ни за что не хочет стать просто винтиком. Его Иван Денисович — удивительно точно найденная частица каждого из нас, частица нашего здравого смысла. И не оттого ли поражают нас скупые пейзажи этой повести, что и мы сами зачастую разглядывали небо болезненно обостренным взглядом? И не так ли и мы сами клали кирпичи, каждый в своей стенке, не просто клали, "лишь бы", а, увиваясь чудом своих рук, словно подозревали, что только этот труд, этот монументальный переход осмысленной энергии из одной формы в другую, поможет нам в нашей беде? / ... /

(Из статьи "О мужестве и достоинстве человека",
"Дружба народов", 1963, № 1)

II ОБ ИСТОРИЧНОСТИ ПОВЕСТИ А. СОЛЖЕНИЦЫНА "ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА"

(Разбор анонимного читателя)

О повести А. Солженицына "Один день Ивана Денисовича" уже много сказано в печати и еще того более будет написано в будущем. Со временем ее будут изучать не только литературоведы, но и историки, потому что это не только выдающееся художественное произведение, но и обличительный документ, относящийся к самому трагическому этапу в истории советского общества в России.

Вероятно, сейчас не найдется людей, включая совсем молодых, которые хотя бы понаслышке не знали о том, что в тридцатые-сороковые годы в Советском Союзе существовали лагеря заключенных. Что многие люди попали в заключение безвинно и были впоследствии реабилитированы, стало широко известно только в пятидесятых годах. О том же, что это были за лагеря, с каким режимом, сколько их было, где они располагались — знали очень немногие, да и то по темным, подземным слухам.

И вот большой писатель, поразительный по единственности своей литературной манеры, открыл непроглядную завесу перед миллионами советских людей и показал один такой лагерь, нарисованный с подлинной художественной реалистичностью. И мы увидели другой мир, совсем еще недавно существовавший рядом с нами, но о котором до этого ничего не ведали, или смутно догадывались. И этот мир отверженных встал перед нами в своем, казалось бы, будничном облике, но облике страшном и вдвойне трагическом именно вследствие этой будничности.

Таково первое, общее, потрясающее впечатление, которое оставляет книга "Один день Ивана Денисовича". Впечатление физической боли и горечи от мысли, что нет страшнее врага человеку, чем сам человек. И одновременно чувство глубокой благодарности к писателю, который всем замыслом своей книги, всеми художественными средствами призывает: "Люди, современники, опомнитесь, взгляните на себя, поглядите вокруг! Неужели вы допустили, чтобы Иван Шухов, Сенька Клевшин, тишайший Алеша-баптист снова очутились за тюремной решеткой?"

Социальное и нравственное значение повести А. Солженицына трудно переоценить: оно велико и очевидно.

Но что не сразу бросается в глаза, а открывается лишь при особенно внимательном прочтении повести — это поразительная насыщенность ее фактическим материалом. В этом отношении удельный вес "Ивана Денисовича" огромен. Поразительно еще и то, с каким блистательным мастерством автор сумел распределить этот материал в повести, не повредив ее художественной структуре, как он сумел густо пропитать ткань повествования фактами и вместе с тем избежать пестроты, измельчания основной темы своего страшного рассказа.

И думается, что главный замысел А. Солженицына был не в том, чтобы через один день одного заключенного показать, как физически и нравственно гибли в лагерях и погибали для общества безвинные люди. Нет, этот замысел состоял в том, чтобы в историческом аспекте осветить большой отрезок того пути, по которому прошло советское общество, начиная от периода коллективизации сельского хозяйства, через годы войны, и кончая первым послевоенным пятилетием.

Поэтому нам кажется, что А. Солженицын прибегает к фактографии не как к литературному приему, способствующему наибольшей выразительности изображения описываемого предмета. Нет, он определил ей самостоятельную и куда более важную роль: фактам определена роль исторических документов.

И действительно, если поставить себе задачу установить фактографическую ценность повести путем выборки и сопоставления казалось бы мелких фактов, сообщаемых будто бы скороговоркой, то из их сочетания вырисовывается огромная картина, проступающая на фоне изображения одного лагеря и расширяющая и углубляющая смысл этого изображения.

Получается так, как если бы из мозаичной картины вынуть отдельные цветные стеклышки, разложить их в том же порядке, что и на картине, и вдруг увидеть, как эти мелкие стеклышки сами собой выросли, слились и расположились уже в другой картине, несравнимо более монументальной, чем та, из которой они были вынуты.

И наблюдать это чудо — проступания исторического сквозь эмоционально-художественное — доступно каждому, кто пожелал бы его увидеть. Для этого надо только внимательно прочесть "Один день Ивана Денисовича".

Допустим, что с повестью ознакомится человек, который понятия не имел о периоде сталинских репрессий в стране. Что

узнает такой читатель из повести, разумеется, если он прочтет ее вдумчиво и беспристрастно сопоставит все факты, которыми она так богата? А узнать он может историю советских лагерей — как уродливое порождение сталинского кровавого режима. Автор умно и умело разместил в повести кости этого чудовища. Попробуем же, как это делают палеонтологи, по этим костным остаткам восстановить его скелет.

1. Время повествования датировано очень точно: это январь 1951 года. "Начался год новый, пятьдесят первый" (стр. 23). * Это важно запомнить, потому что указанная дата — отправная веха для отсчета шагов вспять в историю хождения советских людей по лагерным мукам.

2. О том, где располагался лагерь Шухова, в повести прямо не говорится. Но указывается, что он находился в безлесной степи, где и летом ничего не родится. "Свистит над голой степью ветер — летом суховейный, зимой морозный. Отроду в степи той ничего не росло..." (стр. 35). Стало быть, исключаются таежная и лесостепная полосы СССР, опадают центральные, южные и восточные плодородные области. Остаются северные районы Средней Азии или окраины Сибири.

Но, пожалуй, точно знать местонахождение данного лагеря не так уж и важно. Существенно другое — лагерь этот был не единственным в стране. Об этом автор не говорит прямо, но мы узнаем из повести, что Иван Денисович, до того как попасть в Особлаг, сидел в лагере в Усть-Ижме. Усть-Ижма — это Коми АССР. Бригадир Тюрин побывал и в Усть-Ижме и на Печоре. Еще известно, что семь лет Шухов находился в северных лагерях "и как он на бревнотаске три года укатывал тарный кряж да шпальник". Значит, скорее всего он был в лагерях Архангельской области, где так развита заготовка лесоматериалов на экспорт.

Упоминается Тюриным Котласская пересылка, т.е. пересыльная тюрьма. И это тоже не случайно: Котлас — крупнейшая на севере узловая станция, от которой железные дороги идут на Коношу и Архангельск, на Воркуту, на Киров и на юг. Не трудно

*) Здесь и ниже ссылки на журнальное издание повести. "Новый мир", №11, 1962г.

догадаться, почему была создана Котласская пересылка — отсюда эшелоны с заключенными шли в разные концы Союза. Но если оставить в стороне догадки и придерживаться только фактов, отмеченных в повести, то все равно возможен лишь один вывод: лагерей и тюрем было много, очень много. Мы это опять усматриваем из самого текста: "... паек этих тысячу не одну переполучил Шухов в тюрьмах и лагерях" (стр. 17), "по лагерям да тюрьмам отвык Иван Денисович..." (стр. 20).

Следовательно, лагеря были разбросаны на пространстве от далекого севера (Архангельская область, Коми АССР) до окраинного юго-востока (Особлаг, описанный А. Солженицыным).

3. В какие годы существовали лагеря? И на этот вопрос мы находим в повести точный ответ. Бригадир Тюрин в 1951 г. в Особлаге отбывал свой второй срок, а всего двадцатый год заключения.

Из замечательного по своей малословности и предельной емкости рассказа Тюрина мы узнаем, что он в первый раз попал в лагерь как сын кулака в тридцатом году (стр. 40-41). Первый бригадир Ивана Денисовича Куземин к 43-му году сидел уже двенадцатый год, стало быть, он оказался в заключении в 31-м или 32-м годах (стр. 9). Следовательно, в 1930 году лагеря уже существовали и не случайно, что и Тюрин и Куземин оба были раскулаченными: мужиками и членами их семей заполнялись лагеря в начале тридцатых годов.

Далее тот же Тюрин упоминает о кировском потоке заключенных тридцать пятого года и вспоминает одну каплю этого потока — девушку-студентку из Ленинграда, которую он встретил на Печоре. Кировский поток — это надо понимать так: провокационное убийство Кирова в 1934 г., послужившее предлогом для репрессий.

От Тюрина же мы узнаем, что были посадки заключенных в тридцать седьмом году: в Котласской пересыльной тюрьме он повстречал своего бывшего комвзвода, и тот ему рассказал, что и командир и комиссар полка, в котором Тюрин проходил действительную службу, оба были расстреляны в 1937 г. Самому комвзводу тогда же "сунули десятку", т. е. десятилетний лагерный срок.

Имеются и другие, не менее руководящие даты: сам Шухов попал в лагерь в 1943 году, латыш Кильдагс — в 1949 году, кавторанг Буйновский в 1950 году (находился в Особлаге всего три месяца).

Отметим последовательно годы, на которые приходится заключение в лагерь разных лиц, упоминаемых в повести:

Тюрин	1930
Куземин	1931/32
Студентка из Л-да	1935
Командир взвода	1937
Шухов	1943
Кильдагс	1949
Буйновский	1950

Из сопоставления этих дат вытекает единственно возможный вывод: к 1951 году лагеря существовали в стране не менее 20-ти лет.

О непрерывности функционирования лагерной системы можно судить по тем "сынам ГУЛага" вроде старика Ю-81, старика Х-123 — "каторжанина по приговору" (стр. 38), Тюрина, которые все эти двадцать лет провели в лагерях. Кроме того, есть в повести упоминание о том, что заключенные, у которых срок освобождения пришелся на годы войны, не были выпущены на волю, а содержались в лагерях до конца войны и даже позже, "... у кого в войну срок кончался, всех до особого распоряжения держали, до сорок шестого года. У кого и основного-то сроку три года было, так пять лет пересидки получилось..." (стр. 32-33). Этим самым в нашей таблице заполняются пробелы от 1937 г. до 1943 г. и от 1943 г. до 1946 г.

4. Точные сведения содержатся в повести о том, какие существовали категории лагерей: общего типа — бытовые и особые — особлаги (стр. 33). Иван Денисович прошел и те, и другие. Особлаги появились после войны, в 1949 г. Об этом вспоминает Шухов: "... когда эти лагеря начинали в 1949 г."

И еще из разговоров эзков мы узнаем, что до войны срок заключения обычно не превышал десяти лет, а после войны при аналогичных составах "преступлений" стали присуждать 25-летние сроки. "... Это полоса была раньше такая счастливая: всем под гребенку десять давали. А с сорок девятого такая полоса пошла — всем по двадцать пять, невзирая..." (стр. 32).

О том, что Особлаг, описанный в повести, был каторжным, помимо прямых указаний (стр. 33 и 64) свидетельствует множество примет: и ношение номеров, и то, что в нем содержалось много заключенных со сроками в 25 лет (Кильдагс, баптист Алексей,

помбригадира Павло). /.../ И, наконец, самое существенное — в Особлаге были сосредоточены только осужденные по 58-ой статье УК СССР: ни бытовиков, ни уголовников там не было (стр. 24).

5. В повести имеется материал и для определения числа заключенных Особлага, в котором находился Иван Денисович. Действительно, по всему видно, что эски обычно регистрировались здесь по буквенным группам /.../, а внутри группы — последовательно по числам от одного до тысячи: Шухов — Щ 854, старик-каторжанин — Ю 48, другой старик — Х 123, молдаванин — К 460, и еще эски Б 832, Б 502, Х 990. /.../

6. Естественно возникает следующий вопрос — один ли был такой особый лагерь в Союзе. Ответ дает Шухов своим коротким замечанием: "... когда эти особлаги зачинали в 1949 году ..." Итак, шуховский Особлаг был не единственным. /.../

Если в особых, каторжных лагерях счет эсков шел на десятки тысяч, то какими же цифрами они исчислялись в лагерях общего типа, по всему Союзу? Очевидно — миллионами. Вот еще к какому выводу приводит нас книга Солженицына, повествующая, будто бы, об одном лагере.

Что приведенные цифры не завышены, а в отношении Особлаг, напротив, крайне занижены, легко можно себе уяснить из рассмотрения общественных групп заключенных.

7. Для суждения о социальных и иных группах заключенных Особлага, а также о составе "преступлений", вменявшихся им в вину, мы опять находим в повести богатейший материал. Здесь можно четко разграничить такие группы:

а) прежде всего — это военнопленные или военные вообще, что явствует из прямых упоминаний об этом. Сюда относятся Шухов, Семен Клевшин (стр. 33), бывший герой Советского Союза (стр. 12), сибиряк Ермолаев (стр. 62), кавторанг Буйновский. Еще более определенно позволяет судить о многочисленности военнопленных короткое словцо автора: "... шпионов в каждой бригаде по пять человек, но это деланные, снарошки шпионы. По делам проходят как шпионы, а сами пленники просто. И Шухов такой же шпион". (стр. 51). Шуховская бригада, как вероятно и все другие, была невелика, 24 человека (стр. 62).

Следовательно, военнопленные составляли четвертую или пятую часть всех заключенных. История их окружения и затем взятия в плен в двух незабываемо выразительных словах рассказана самим Шуховым (стр. 33).

В этой группе самая трагичная судьба у Семена Клевшина: узник Бухенвальда, он бежал из фашистского лагеря смерти, чтобы попасть у себя на родине в Особлаг. Трагична и сама его фигура: глухой, и тем отделенный от товарищей по несчастью, он, будучи в лагере, как бы заключен еще и в другую, более тесную тюрьму — духовный карцер.

б) огромная группа заключенных, судьба которых так или иначе связана с войной: с проживанием на оккупированной немцами земле, или с послевоенными государственными дележами территорий. Сюда относятся Голчик, западные украинцы (помбригадира Павло и другие — стр. 13), латыши (Кильдагс — стр. 25), эстонцы (стр. 26).

в) большая группа представителей интеллигенции: инженеры (десятник Дэр, стр. 45), хозяйственники (Фетюков, стр. 44), врачи (новый доктор Степан Григорьевич, стр. 16), люди искусства (Пезарь Маркович — стр. 19, Петр Михайлович — стр. 59, трое художников — стр. 18), студенты (Коля Вдовушкин — стр. 16).

г) кулаки и члены их семей. Этих, повидимому, было уже немного: за двадцатилетие существования лагерей из них выжили только такие кряжи, как Тюрин.

д) и, наконец, в особую внесоциальную группу можно выделить лиц, осужденных за религиозные убеждения. Это была немалая группа, Алеша-баптист был одним из многих, "... по воскресеньям все с другими баптистами шепчется..." (стр. 24), "... вот вы на Кавказе всем своим баптистским клубом молились..." (стр. 72).

8. В лагере находились люди самого различного возраста, включая стариков (Ю 81, Х 123) и детей (Гопчик, мальчишка-молдаванин). Если вдуматься — как страшно видеть Гопчика-юношу, почти мальчика в положении каторжанина! Он был осужден за то, что носил молоко бандеровцам в лес (стр. 30). В 1951г. Гопчику было 16 лет, об этом есть прямое упоминание (стр. 28). Остатки бандеровских групп были ликвидированы уже к 1950-му году, следовательно, когда Гопчика судили, ему было не более 14-ти лет. Дети попадали в каторжные лагеря со сроком в 25 лет! Вот какой еще содержится в повести материал, чтобы представить

ту чудовищно бездушную административно-судебную мельницу, которая перемалывала в эзков не только взрослых людей, но также подростков и детей!

9. В повести неисчислим фактический материал, позволяющий читателю узнать лагерный режим с его писаным и неписаным порядком и произволом лагерной администрации.

Жизнь эзков Особлага была поистине каторжной: от подъема до сна они находились на ногах 17 часов, работали 11 часов, на сон им оставалось 7 часов. Зарплаты не получали ни в каком виде. Паек хлеба 550 грамм и три раза в день баланда. Утром каша-магара, или овсянка, и чай, в обед — похлебка из капустных листьев и мелкой рыбки, чай; вечером опять магара. Премияльные — лишний паек, или, по-лагерному, пайка хлеба 200 грамм. На работу ходили в строю, руки за спиной, по сторонам не глядеть. Собаки, охрана с автоматами, команда: "Шаг вправо, шаг влево — считается побег. Часовой открывает огонь без предупреждения!" (стр. 22). Человек терял имя, которое ему заменяли каторжным номером, нашитым на шапке и на одежде — на груди, на спине и на колене. Голод, холод, истощение, болезни. Сознательное полнейшее угнетение индивидуального в человеке.

Невольно напрашивается сравнение Особлага Солженицына с "Мертвым домом" Достоевского. Оба великих художника нарисовали каторжный мир со стереоскопической выразительностью. Использованный ими большой жизненный материал делает нетрудным сопоставление характеристик каторги дореволюционной и советской. И это особенно поразительно потому, что Достоевский в неторопливой, повествовательной манере описал год жизни Омского острога, а Солженицын всего лишь *один день* Особлага, да еще при этом отнюдь не повествуя, а как бы показывая читателю через диапозитив серию за серией моментально чередующихся художественных фотоснимков.

Сопоставление жизненных условий, в которых находились каторжане Омского острога и эски Особлага, можно было бы значительно расширить, так как фактического материала для такого сопоставления имеется достаточно. Но это привело бы нас к пересказу "Мертвого дома" и "Одного дня Ивана Денисовича". Гораздо важнее оттенить черты сходства и различия в характеристиках каторги омской и особлаговской. А эти черты с несомнен-

ностью свидетельствуют об одном: каторга времен Достоевского существовала в условиях патриархальной и, несмотря на все кандалы и шпицрутены, простодушной пенитенциарной системы, а каторга, современная Солженицыну, — при свирепом режиме исправительно-трудовых лагерей, с его производственными бригадами и голодной шкалой питания, рассчитанными на физическое истребление заключенных через непосильную работу и измор.

1. У Достоевского сказано: "... помещалось нас в остроге всего человек двести пятьдесят, — цифра почти постоянная". (стр. 396). * "... Я думаю, каждая губерния, каждая полоса России имела тут своих представителей..." (стр. 396).

Итак, в Омском остроге, куда ссылались каторжники (в том числе политические преступники) со всех концов России, содержалось всего лишь около трех сотен арестантов. В Особлаге, как уже говорилось, эзков насчитывалось свыше десяти тысяч.

2. "... главное основание всего острожного населения составляли ссыльно-каторжные..." "Это были преступники, совершенно лишённые всяких прав состояния, с проклейменным лицом для вечного свидетельства об их отвержении. Они присылались в работу на сроки от восьми до двенадцати лет..." (стр. 397).

Особлаговским эскам не клеймили лиц, как разбойникам и убийцам Омского острога, но и ребенку Голчику, и молодому Алеше-баптисту с их двадцатипятилетними лагерными сроками фактически было predeterminedено умереть на каторге, за то лишь, что один продавал молоко бандеровцам, а второй молился своему Богу... "ты, Ваня, восемь лет сидел -- в каких лагерях?.. ты в бытовых сидел... а вот в каторжном восемь лет посиди! Еще никто не просидел..." (стр. 33).

3. Арестанты Омского острога были закованы в ножные кандалы, ходили с наполовину бритой головой и с бубновым тузом на спине. Из всех этих атрибутов царской каторги эски Особлага унаследовали лишь бубнового туза, превратившегося в каторжный номер. Но омские каторжане ходили на работу свободно, под присмотром одного-двух конвоиров, а во внерабочее время могли отлучаться из острожных стен: "... я хожу где-нибудь один за острогом..." (стр. 496).

*) Цитируется по десятитомному собранию сочинений 1957г.

А вот как шли на свой рабочий объект эски: "А конвоиров понатыкано! Полукругом обняли колонну ТЭЦ, автоматы вскинули, прямо в морду тебе держат. И собаководы с собаками серыми. Одна собака зубы оскалила, как смеется над эсками..." (стр. 21).

На эсках не было кандалов и внешних унижительных знаков каторжного состояния, но у них отнимали последнюю, каторжную свободу и унижали их более изощренно: "... Стараться надо, чтобы никакой надзиратель тебя в одиночку не видел, а в толпе только. Может он человека ищет на работу послать, может, зло отвести не на ком. Читали ж вот приказ по баракам — перед надзирателем за пять шагов снимать шапку и два шага спустя надеть... сколько за ту шапку в кондей перетаскали..." (стр. 15). "Одно время начальник лагеря еще такой приказ издал: никаким заключенным в одиночку по зоне не ходить. А куда можно — вести всю бригаду строем. А куда всей бригаде сразу никак не надо — скажем в санчасть или уборную, — то сколачивать группы по четыре-пять человек, и старшего из них назначать, и чтобы вел своих строем туда, и там дожидался, и назад — тоже строем..." (стр. 59).

4. Провинившихся арестантов прогоняли сквозь строй, и иногда забивали шпидерутенами насмерть. Эски не знали розог, но наказывали их не менее страшно: сажали в карцер, или по-лагерному БУР, — барак усиленного режима. "... Сами клали БУР... : стены там каменные, пол цементный, окошка нет никакого, печку топят — только чтоб лед со стены стаял и на полу лужей стоял. Спать на досках голых, если зубы не растрясешь, хлеба в день — триста грамм, а баланда только на третий, шестой и девятый день... Десять суток здешнего карцера, если отсидеть их строго и до конца, — это значит на всю жизнь здоровья лишиться. Туберкулез и из больничек уже не вылезешь. А по пятнадцати суток строгого кто отсидел — уж те в земле сырой..." (стр. 69).

5. О вопиющей разнице в условиях труда и питания арестантов и эсков достаточно красноречиво говорят сопоставительные цитаты.

Но нельзя пройти мимо такого заключающего суждения Достоевского... "Бывают и такие, которые нарочно делают преступления, чтоб только попасть на каторгу и тем избавиться от несравненно более каторжной жизни на воле. Там он ... никогда не наедался досыта и работал с утра до ночи ... , а в каторге работа легче, чем

дома, хлеба вдоволь и такого, какого он еще и не видывал, по праздникам говядина, есть подавание, есть возможность заработать копейку..." (стр. 441).

А вот сентенция Солженицына, афористично определяющая всю суть голодной жизни, или точнее медленного умирания особлаговских эсков: "Двести грамм хлеба жизнью правят" (стр. 17). А как много смысла содержит его описание короткой сценки, когда кавторангу Буйновскому случайно досталась лишняя порция еды... "Виноватая улыбка раздвинула истресканные губы капитана, ходившего и вокруг Европы и Великим Северным путем. И он наклонился, *счастливый*, над неполным черпаком жидкой овсяной каши, безжирной вовсе, — над овсом и водой..." (стр. 38). Это мы подчеркнули слово "счастливый", потому что автора в повести — нет, и он нам — своим читателям — предоставил самим судить обо всем, что им рассказано.

6. Не менее разительно несоответствие в условиях и обстановке отдыха арестантов и эсков. У Достоевского читаем: "... первые три дня я не ходил на работу, так поступали и со всеми новоприбывшими: давалось отдохнуть с дороги". (стр. 411) "... Неделя говенья мне очень понравилась. Говевшие освобождались от работы" (стр. 625).

А вот что пишет Солженицын: "... если пять воскресений в месяц, то три дают, а два на работу гонят..." (стр. 58). "... выходной в зоне надсадить умеют, чего-нибудь изобретут — или баню пристраивать, или стену городить, чтобы проходу не было, или расчистку двора... или инвентаризацию: выходи со всеми вещами во двор, сиди полдня. Больше всего им, наверное, досаждают, если эск спит после завтрака" (стр. 59).

Из приведенных сравнительных материалов со всей очевидностью явствует, что "Мертвый дом" Достоевского рядом с Особлагом Солженицына — это гуманное учреждение, о каком особлаговские эски могли бы только мечтать. А ведь омский острог был одним из самых страшных мест заточения в России в девятнадцатом веке.

В конце своих знаменитых записок Достоевский восклицает: "И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погубило здесь даром! Ведь надо уже все сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего.

Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват? То-то, кто виноват?" (стр. 701).

Голоса А. Солженицына мы не слышим в повести "Один день Ивана Денисовича", однако, на каждой ее странице меж строк стоит тот же вопрос — кто виноват? И как Достоевский всем содержанием, всем настроением своей книги обвиняет царское самодержавие, так и Солженицын теми же средствами бичует сталинский диктаторский режим, характернейшей чертой которого было недоверие к людям. "... Пожалееет вас батька усатый! Он брату родному не поверит, не то что вам..." — говорят ээки Солженицына.

И вся история искусственного насаждения массовой лагерной системы берет свои корни в этом негласно государственно узаконенном недоверии. Не могли поверить, что крестьяне добровольно согласятся работать на коллективной основе — последовала великая выкорчевка мужиков с родных мест, возникли лагеря начала тридцатых годов. Страшен стал Киров, как возможный претендент на трибуну вождя народов, — прибегли к провокационному его убийству, и вот опять хлынуло в лагеря новое пополнение заключенных посадки 34-35 годов. Расширился круг недоверия — и в 1937-39 годах в его грандиозный диаметр уже вовлечены полчища "врагов народа".

В войну и в послевоенные годы недоверие симптоматически выражалось в шпиономании — крючками беззакония в лагеря стали стаскивать армии военнопленных и целые народы.

Все сказанное не есть наш домысел, обо всем этом говорится в книге Солженицына. Чтобы не быть голословными, снова прибегаем к цитатам, дополняющим ранее приведенные. Вот, например, как по жизненным перепутьям Тюрина высвечен ход коллективизации и далее одним штрихом обрисована грандиозная провокация — спектакль под названием "Враги народа". "... Мне тогда в тридцатом году, что ж, двадцать два годика было, теленок... — Ну, как служишь, Тюрин? — Служу трудовому народу! — Как вскипятится, да двумя руками по столу — хлоп!.. — Отец твой кулак, а ты скрылся, второй год тебя ищут!" "... Какая же у тебя совесть, — орет, четыре шпалы трясутся, — обманывать рабоче-крестьянскую власть? — ... подписал приказ — шесть часов и за ворота выгнать... И лютую справочку на руки: "уволен из рядов... как сын кулака". Только на работу с той справкой". "... Между прочим, в тридцать восьмом на Котласской пересылке встретил

я своего бывшего комвзвода, тоже ему десятку сунули. Так узнал от него: и тот комполка и комиссар — оба расстреляны в тридцать седьмом. Там уж были они пролетарии или нет. Имели совесть или не имели... Перекрестился я и говорю: "Все ж ты есть, создатель, на небе. Долго терпишь, да больно бьешь" (стр. 40). "... Домой я ночью пришел с огородов. Отца уже угнали, мать с ребятишками этапа ждала. Уже была обо мне телеграмма, и сельсовет искал меня взять. Трясемся, свет погасили и на пол сели под стенку, а то активисты по деревне ходили и в окна заглядывали..." (стр. 41).

Вот как вскрыта причина, почему Тюрин не "служил трудовому народу". А он, по незлопамятности русского человека, грудью защищал бы свой народ на войне. Но ему не доверили и весь свой двадцатилетний срок он был занят тем, что оставался жив.

В сложном переплетении судеб отдельных людей и судьбы всего советского народа имеется своя роковая логика. Тюрину уже в тридцатом году было предопределено не участвовать в будущей Отечественной войне, его полкового командира смертная пуля достигла не в бою, а в ежовских застенках, а все это во многом определило крестный путь русского народа в 1941-1942 годах вослед отступавшей армии.

Незабываемо живописует Шухов картину этих лет. И его рассказ вмещает несравнимо больше, чем простодушное размышление над изгибами собственной биографии в те годы. Нет, им нарисована картина преступной неподготовленности к войне и ее последствия. Снова нащупывается логическая связь: командир Тюрина не участвовал в войне потому, что был расстрелян, инженер Дэр и крупный администратор Фетюков не работали на подготовку обороны страны оттого, что находились в лагерях, а вследствие всего этого (и другого тоже, конечно) Шухов попал в плен. "Считается по делу, что Шухов за измену родине сел. И показания он дал, что таки да, он сдался в плен, желая изменить родине, а вернулся из плена потому, что выполнял задание немецкой разведки. Какое ж задание — ни Шухов сам не мог придумать, ни следователь. Так и оставили просто — задание. Расчет был у Шухова простой: не подпишешь — бушлат деревянный, подпишешь — хоть поживешь еще малость. Подписал.

А было вот как: в феврале сорок второго года на Северо-западном окружили их армию всю, и с самолетов им ничего жрать не бросали, а и самолетов тех не было. Дошли до того, что строга

копыта с лошадей околевших, размачивали ту роговицу в воде и ели. И стрелять было нечем. И так их помалу немцы по лесам ловили и брали. И вот в группе такой одной Шухов в плену побывал пару дней, там же, в лесах, — и убежали они впятером. И еще по лесам, по болотам покралась — чудом к своим попали. Только двоих автоматчик на месте уложил, третий от ран умер, — двое их и дошло. Были б умней, сказали б, что по лесам бродили, и ничего б им. А они открылись: мол, из плена немецкого. Из плена? Мать вашу так! Было б их пять, может сличили показания, поверили б, а двоим никак: сговорились, мол, гады, насчет побега". (стр. 33).

И Шухову тоже не позволили вернуться в строй и снова воевать. А сколько было таких Шуховых — об этом мы говорили уже раньше.

Лагерной темой не исчерпывается круг вопросов, затрагиваемых Солженицыным в повести "Один день Ивана Денисовича". Параллельно с нею, на приглушенных тонах, через восприятие Шухова читатель получает представление и о том, что происходило на воле. В частности об обнищании деревни, ее расслоении, бегстве колхозников в города, на стройки — подальше от колхоза. А это тоже веки истории.

Поэтому, заканчивая нашу заметку по поводу повести А. Солженицына, мы еще раз подчеркнем: "Один день Ивана Денисовича" это — ДЕНЬ, в свете которого ясно видятся главные рубежи четвертьвековой мученической истории советского народа.

Произведение это — художественно-историческое.

Василий БЕЛОВ

НЕРАЗЛУЧНАЯ ПАРА

Из неизданной книги "Лад"

Трудовая цикличность крестьянской жизни неотделима от бытовой. В стройном течении года, рука об руку, проплывает неразлучная пара: быт и природа. В этой неотделимости главное отличие сельской жизни от городской. Но природа, вернее, погода, наделенная женским непостоянством, не всегда ведет себя в соответствии с народными святами. Она то с девичьей резвостью забежит вперед, то с медлительностью беременной отстанет на неделю, а иногда и на две. И русский крестьянский быт с рыцарским добродушием принимал такие капризы, терпеливо подстраивался под ее прихотливый ритм.

Впрочем, на Севере Руси причуды погоды не так уж часто выходили за пределы приемлемого, и Н.А. Некрасов имел право сказать:

Нет безобразья в природе* . . .

Деревенские праздники, обусловленные православным календарем, служили не одному только веселью или отдыху. Они же несли в быт организующее начало, упорядочивали трудовую стихию, были своеобразными вехами, главными ориентирами духовной и нравственной жизни. Время от праздника до праздника, от поста до поста, от одной сельхозработы до другой измерялось неделями. Но с какого времени начинается годовой праздничный цикл? Вопрос опять же нелепый, поскольку годовой круг неразрывен, как неразрывна вся жизнь человеческая... Условно можно допустить, что начинается он с календарного нового года. Но для характеристики крестьянского быта, разорвать этот круг (впрочем тоже условно) приличней всего на стыке масленицы и великопостных недель. Почему же именно здесь? Потому что этот период как раз не отяго-

*) В связи с исчезновением лесных массивов, строительством равнинных гидросооружений и т. д. погода на Северо-Западе заметно утратила стабильность. Это подтверждается наблюдениями народных фенологов и профессиональных ученых.

щен обязательными работами, а бытовая граница между масляной и постом довольно резка и определена. После неудержимого буйства широкой масленицы, словно бы устыдившись содеянного, жизнь входит в обычную, несколько даже аскетичную колею.* Большинство женщин, в руках которых находились бразды домашнего благоустройства, начинало говеть. Это означало, что волею неволей приходилось поститься и остальным, хотя бы в еде. Недаром сложена поговорка: "Чего жена не любит, того мужу не едать". Но для молвы такой вынужденный пост был не в счет, хотя он и шел на пользу каждому в смысле здоровья. (Разгрузочная пора, перемена питания на растительную, более витаминную пищу). Ханжество как раз и сказывалось в притворных постах, в притворной религиозности, когда в церковь ходят "на всякий случай", либо только для того, чтобы не выглядеть белой вороной. Несомненно, многие мужчины говели вполне искренне. В последний день масляной большуха убирала подальше все скоромное. Детям разрешалось доедать остатки мясной и молочной еды. Топили баню. Остепенившись физически и духовно, молодежь прекращала на какое-то время гулянья и песни.

С началом Великого поста связан один извечный обычай высочайшей, как нам кажется, духовной красоты. Он исполнялся чаще всего женщинами. Мужчины бывали намного реже его застрельщиками и непосредственными исполнителями. Но обаяние и сила доброго дела такова, что в его, так сказать, магнитном поле оказывались все, даже самые злые люди.

Анфиса Ивановна рассказывает, как в один из великопостных дней, перед хождением на исповедь, старались припомнить каждого, кого тайно или явно обидели в минувшем году, с кем обменялись руганью, повздорили и т. д. Выходя из дома, по очереди обращались ко всем домашним с искренней просьбой простить ради Христа. При этом тот, к кому обращались, почти всегда отвечал тем же чувством раскаяния. Погасив внутрисемейные неурядицы, старались

_____

*) Москвич Александр Петрович Белик пишет: "Не исключено, что красота праздников займет свое место в "Очерках". Ведь и праздники по-своему членили время, их ожидание и встреча таили в себе могучий эстетический заряд". К сожалению, из экономии места и по некоторым другим причинам, подробное описание престольных и двенадцатых, последовательно сменяющихся русских праздников, не представляется здесь возможным.

припомнить и общедеревенские: "Ой, ой, я ведь Кузмича дураком осенесь* обозвала".

Шли к Кузмичу.

На традиционное "Прости меня грешного!" надо было ответить: "Бог простит". Если грех считался уж очень большим, кланялись в ноги, вставали на колени. Тем крепче и значительнее оказывалось примирение и тем легче становилось у того и другого "на сердце". Окончательное освобождение от сердечной тяжести происходило уже в церкви и после церкви.

Так начинался самый длинный, по преимуществу семинедельный Великий пост — время от Масленицы до Светлого Воскресенья.

Дни становятся все теплей и длинней. На подходе весна. Чем объяснить то, что птицы, животные, дети и даже многие взрослые так любят это промежуточное состояние воды, когда она одновременно тает и замерзает? На застрехе едва заструится первая золотая капель, у зауголка в снегу едва родилась первая лужица, а неунывающий воробей тут как тут. И лезет прямо в воду. Топоршит перья, отряхивается. Примерно с таким же азартом ребятишки зобают снег, проколачивают пятками валенок мартовский наст, сшибают палками с крыш ледяные сосульки и грызут будто бы леденцы. Такому своеобразному "приращению" к окружающей юную душу природе предшествовало настоящее причащение в церкви, когда ребенок берет с ложки святые Дары и когда под звуки торжественного "аллилуйя" священник публично произносит полное имя дитяти. Серьезность и основательность входит в детскую душу сама по себе, естественно и незаметно. Мальчишке необязательно запоминать такую примету: на которой неделе поста падет с елей игла, на той же неделе после Пасхи начнется сев. Но вот на переломе поста, иными словами, на средокрестной неделе, в четверг пекут из теста овыденные кресты, а в один из них запекают настоящий бронзовый крестик. Тот, кому при разборе попадет лакомство с настоящим крестиком, весной будет бросать первую горсть семян. Конечно же, ребенок, если крестик достался ему, с нетерпением дожидается сева, и взрослые никогда не забывают этот обычай.

*) Наречия осенесь, летось, зимусь, вснусь, утресь, вчерась, ночесь — обозначали только прошедшее время.

За неделю до Пасхи, в Вербное воскресенье, взрослые освящали в церкви пучки вербушек — ивовых либо вербных веток, покрытых серебряными барашками. Вербушки украшали божницу каждой избы, такой лозинкой погоняли скотину при первом выпуске из хлева на улицу.

Светлое воскресенье для русского крестьянина — самый великий праздник, самый торжественный и радостный день в году.

Ночь на Пасху также была торжественной и для большинства верующих прихожан бессонной, она вся посвящалась церковным молебствиям. Если во время крестного хода вода под ногами стынет, то до полного торжества весны случится не менее сорока утренников,* иными словами предстоит поздняя весна.

Поутру, в Светлое воскресенье люди разговляются, христосуются, многие обмениваются крашеными яичками. Всю последующую неделю священнослужители ходили по домам. По этому случаю в избе развешивали платы (полотенца), стелили на стол специальную скатерть и запасали деревянные чаши с житом. В эти чаши, прямо в зерно втыкались иконы, на скатерть клали по одному пирогу и одному караваю.**

В день Георгия Победоносца святили также скот, и все это сопровождалось тысячами характерных деталей, поговорок, примет. Так, например, до Троицы не разрешалось ломать березу на веники. В Троицу же улицы в деревнях украшались целыми рядами срубленных берез, которые стояли у домов по нескольку дней.

Троица — самый веселый, наполовину весенний, наполовину летний пивной праздник. Все вокруг в эту пору свежо, зелено, дни длинные, ночи светлые, трава самая молодая — не жесткая и не запыленная; воздух уже сухой, но не жаркий, комаров и мошек очень немного.

В Заговенье перед Петровым постом у взрослых холостяков существовал почему-то обычай биться куриными яйцами, молодые мужики тоже были не прочь поиграть. Некоторые везучие игроки выигрывали по нескольку десятков яиц во время катания — особой игры, когда яйца катали с наклонных лотков.

*) Утренник — заморозок. Все погодные приметы только для родины автора, т. е. примерно для нынешних Вожегодского, Харовского и Кирилловского районов Вологодской области.

**) Пирог предназначался псаломщику, каравай — попу. Описание церковных и религиозных обрядов не входит в задачу автора.

В Петров пост (около двух недель до 29 июня) вновь прекращались подобные развлечения. Словно бы в назидание или в наказание природа для людей и животных припасает в это время тучи всяческих кровопийц: ночью мизерная, еле видимая мошка, днем оводы, вечером комарье. Вообще близость природы к повседневному быту настолько привычна, настолько тесна, что в иных случаях побуждающей на это содружество силой представляется не человек, а сама природа. Например, очень трудно разубедить жницу в том, что порезная трава во ржи вырастает не случайно.* Женщина убеждена в справедливости природы. Она думает, что порезная трава и растет как раз на случай пореза. Такое же отношение ко многим природным явлениям: тот или иной обычай так естествен, так древен, что выглядит произведением самой природы.

Страда летних недель не выглядела гяжелой, если погода стояла сухая. Успевали жать и косить, пахать, сеять, молотить и варить пиво.

Молодежь ухитрялась еще и погулять в светлые ночи Тихвинской, Петрова дня, Казанской, Иванова дня.

За лето много воды утечет.

Иная любовь забудется, иная окрепнет. Женихи и невесты выиваются лишь к осени, а окончательно — на Крещение, чтобы до Великого поста успеть сыграть свадьбу (Крещение — девушкам решение). На Илью — последний летний праздник — днем тень уже "из-за кута не выходит", ночи становятся темней и длинней (конь наедается, казак высыпается). Если в праздничной деревне нет ни родни, ни приятельства, можно подкрепиться на обратном пути лесными ягодами. Впрочем, землянику, например, в эту пору уже не ели, говорили, что ее облизала лягушка. Яблоки нельзя было есть до Спаса-Макавея, до освящения их в церкви, куда носили святить и другие плоды. Перед днем Успения снова две недели постились. Ночь этого праздника была уже совсем темной, гуляли на улице, ничего не видя и узнавая друг друга по голосам да по тону гармошек.

Годовая система праздников** и почти каждый день недели прочно увязаны, "утрясены" с природой и с трудовым циклом.

*) К сожалению, автору неизвестно ее латинское название.

**) Подробней см. об этом в книге А. А. Коринфского "Народная Русь", М., 1901 г.

Поэтому празднование было такой же естественной необходимостью, как и работа. Эта необходимость не зависела от материального достатка. Общедеревенский праздник даже в самой бедной избе отмечался с той же старательностью, что и в других домах. Самые бедные также звали к себе гостей. Богатый гость у бедных родственников должен был вести себя так же, как у зажиточных, на поведении человека в подобных условиях проверялись его душевные и сердечные свойства.

Окончание полевых работ, дожинки, считалось праздничным днем, как и начало сева. Большуха сама дожинает на полосе последний сноп и несет домой. Все, кто участвовал в жнитве, втыкают свои серпы в сноп и ставят его в передний угол. В этот же день готовили и угощались специально — дожиночным саламатом. Сноп стоял под иконою до Покрова. Утром в Покров хозяин или хозяйка несли сноп в хлев, там развязывали его и давали "по волоти каждой скотинке", приговаривая: "Батюшка Покров, закорми скотинку здоровьем". Вообще о Покрове сложено множество пословиц ("Батюшко Покров, покрой избу теплом, хозяина добром, землю снежком, хозяйку пирожком, девушку женишком" и т. д.).

Несколько недель глубокой осени и зимы снова отведены посту. Он назывался филипповками и длился до Рождества. В сочельник, т. е. в канун Рождества, религиозные люди не ели от зари до зари. Ребята и девицы выбегали утром на улицу с сочнем, загадывая желания и замечая, кто первым попадетс я навстречу. Смеху было немало, если ядрену мужиху попадалась навстречу беззубая старушонка, а молоденькой девушке соседский мерин, мирно бредущий на водопой. Смех смехом, а с этого дня начинали справлять сватовства. Тот, кто не успевал жениться до масленицы, оставался с "таким".

Д. ШЛЯПЕНТОХ

"АНТИГОНА" ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

Известно, что многое в античной цивилизации удивительно современно. Ее краски, подобно черному лаку на древних вазах, не поблекли за тысячелетия. Античное право, опосредованное кодексами Юстиниана и Наполеона, оказалось прямо перенесенным в двадцатый век. В шумных сборищах афинского демоса, запечатленных столь ярко и образно в пьесах Аристофана, легко просматриваются политические страсти какого-нибудь современного западноевропейского государства. Примеры можно приводить до бесконечности.

Исследователь, изучающий прошлое, видя его, иногда до удивительности, близость настоящему, увлекаясь аналогиями, может оказаться в "метафизической ловушке". Покажется ему, что все — "вечное возвращение", что вся история, история культуры в том числе, есть не что иное, как бесконечное "переодевание" одних и тех же сюжетов и одних и тех же проблем — "вечных вопросов", вечных в силу их изначальной неразрешимости. Однако, приглядываясь к феноменам различных культур поближе, он может отметить, что сходные элементы в них соседствуют с различными, что внешнее сходство часто не имеет ничего общего со сходством внутренним, сущностным и так далее. Задача его в этом случае будет заключаться в том, чтобы не только отметить сходное, но и отличное в каждом из рассматриваемых феноменов. В нашей работе мы попытаемся сравнить два произведения — "Антигону" Софокла и "Живи и помни" В. Распутина. Будет сделана попытка найти общее и отличное в трактовке двумя этими авторами одной и той же проблемы: иерархии социальных ценностей.

У Софокла и у Распутина сюжет завязан на выборе героев между долгом перед государством и долгом перед родными. И у Софокла и у Распутина герои преступают воинский долг: Полиник приводит к стенам Фив враждебную рать, Григорий бежит с фронта. Поставленные перед необходимостью сделать выбор Антигона и Настенька принимают сходные решения: они оказываются на стороне своих близких, восстают против государства и платят жизнью за бунт.

Однако сходство не должно мешать исследователю видеть то, что отличает два произведения друг от друга.

Начнем с того, что образ Полиника во многом несхож с образом Григория. Измена Полиника отнюдь не вызвана его какой-то особой ненавистью к государству. Мстить ему государству по существу не за что; не обошлось оно с ним уж слишком круто. Не досталась ему власть, но на нее его брат имел столько же формальных прав, что и он. Тем не менее, не ограничился он, как Григорий, дезертирством, а ведет на родные Фивы враждебную рать и с "пикой жаждущей крови" грабит все "у семи ворот". Никаких угрызений совести, никаких колебаний у него нет, его противостояние государству эпически четко, бескомпромиссно.

Однако, несмотря на то, что преступление Полиника гораздо серьезней, чем проступок Григория, общественное мнение к нему довольно снисходительно. Хор, его символизирующий, признает, что Полиник пролил кровь граждан, грабил их имущество и намеревался захватить власть с помощью иноплеменной армии. Хор признает все эти преступления Полиника и высказывает ряд критических замечаний в его адрес. Однако, эти осуждения хора не идут ни в какое сравнение с его филиппиками в адрес Креонта, вся вина которого первоначально заключалась лишь в том, что он запретил Антигоне хоронить труп брата-изменника. Наконец, хор, по существу, не произносит ни одного похвального слова в адрес противника Полиника — спасителя города от иноземного ига — героя-патриота, павшего в единоборстве с отщепенцем-предателем. Все эти факты свидетельствуют о том, что ни Полиник не признает себя потрясателем моральных основ общества, ни хор-общественное мнение не считает его таковым. Полиник несомненно преступник, но не чудовище.

У Григория иные, чем у Полиника, отношения с государством. Еще в раннем детстве подступила к нему не знающая жалости власть, вырвала из семьи и увела на смерть близкого человека. Помнит он, как "пришли чужие бородатые люди, чтобы увести на смерть его дядю, служившего у Колчака".¹ Не забыта им и коллективизация с голодом. И сам-то Андрей нужен власти только как пушечное мясо и нет ей дела до него, до его судьбы. Отчуждение власти передается Распутиным как отчуждение природы. Стоя на палубе корабля, везущего его на фронт, на смерть, Андрей видит, как "спокойно и безразлично к нему течет Ангара, как равнодушно, не замечая его, скользят мимо берега, на которых он провел все

свои годы, — скользят, уходят к другой жизни и другим людям, к тому, что придет ему на смену. Его обидело: что же так скоро? Не успел уехать, оторваться, а уже позабыто, похоронено все, чем он был и чем собирался стать: значит ступай умирать, ты для нас конченный человек".²

Но нет у Андрея полиниковской ненависти к власти, нет желания отомстить ей за дядю, за голод и равнодушие. И хоть хочется ему выжить, он, Андрей, там на фронте "за чужие спины" не прятался. Расстрел дезертиров оправдывает и сам-то он дезертирует скорее по недоразумению, случайно: "Если бы только один-единственный денек побывать дома, унять душу — тогда он опять готов на что угодно".³

Став дезертиром, Андрей в отличие от Полиника мучается муками нечистой совести: "Сколько держался, воевал и воевал, не прятался, не хитрил, а тут нашло".⁴

Хор в "Антигоне" достаточно, как мы показали, снисходителен к грабителю и убийце Полинику. Легко можно представить, что, оказавшись на месте Полиника Андрей, он отделался бы легким порицанием, не более. Но у Распутина общественное мнение безжалостно к Андрею. Нет, не знают односельчане Андрея, что он дезертир, но знай они об этом, то осудили бы Андрея строже, чем военный трибунал.

Вот однорукий односельчанин Андрея вернулся с фронта. Его спрашивают, не может ли случиться такое, что немцы "заворотят" советскую армию подобно тому, как самих немцев "заворотили" у самой Москвы. "Лицо его чуть перекосылось. — Нет, не заворотят. Я обратно с одной рукой пойду, одноногие, покалеченные пойдут, а не заворотят. Хватит. Невозможно, чтоб заворотили, не позволим. Не на тех напали".⁵ А вот Агафья Сомова, мать убитого солдата, узнав о победе, "прикрутила к шесту сыновью рубаху, осиротевшую с прошлой весны, но еще добрую, не выленявшую. Нестор, наскочив, закричал, чтоб сняли, но Агафья и не подумала послушаться, а чтоб без нее не сняли, встала у ворот на страже".⁶ Не трудно представить их приговор Андрею, знай они об его дезертирстве.

И не только односельчане Андрея выносят ему обвинительный приговор, но и его родные. Отец Андрея, догадываясь о дезертирстве сына, говорит: "Что ж он мою седину позорит? У нас в родове всякие бывали, но чтоб до такого дойти... От стервец дак стервец".⁷

Перейдем к Антигоне, образ которой тоже во многом отличен от образа Настеньки. У Антигоны, как и у Полиника, нет колебаний. С самого начала она твердо и бесповоротно решает похоронить брата-предателя. Общественное мнение полностью на ее стороне. Сестра не помогает ей только из-за страха, но не из-за убеждений. Хор осуждает Креонта, в конечном итоге казнившего Антигону за своеобразную государственную измену, в тонах гораздо более решительных, чем Полиника. Наконец, сами боги вступаются за Антигону: Креонт, ее осудивший, жестоко наказан ими — его сын и жена кончают самоубийством.

Отношение Настеньки к укрывательству Андрея совсем иное: ее не покидает чувство вины. Во время встречи с мужем ей кажется, что "она любит" с чьим-то чужим мужиком, на которого она "не имеет права".⁸ Она чувствует себя преступницей, полагая, что она невольно способствовала дезертирству Андрея: "А может она тоже повинна в том, что он здесь, — без вины, а повинна. Не ее ли он боялся никогда не увидеть, не сказать последнего слова?"⁹ Сознание вины, стыда за себя и Андрея не покидает Настеньку и во многом способствует совершению ею самоубийства.

В отличие от Антигоны, не поддерживает ее и общественное мнение. Настенька абсолютно одинока, вся ответственность за происходящее взвалена только на ее плечи.

Итак, при внешнем сходстве сюжетов, герои Распутина и Софокла во многом отличны по существу. В чем тут причина? Может быть все можно свести к индивидуальным особенностям авторов? Нет. Корни расхождений в различных культурных традициях, на которых выросли Софокл и Распутин, в различном понимании ими отношения гражданина к государству.

Античное общество, не только греческое, но даже римское, было глубоко антигосударственно по своей сущности, если, конечно, подходить к нему с мерками современного этатизма. Апелляция к римской истории как к непрерывному жертвоприношению во имя государства всех прочих моральных ценностей совершенно беспочвенна. То, что отец-военачальник мог казнить сына-солдата, не выполнившего приказ, вовсе не означало, что представитель власти мог делать все, что ему угодно. Так, например, обратных случаев, убийства сыном-патриотом изменника-отца, римская традиция не знает. В патриотическо-назидательном предании их нет. Возможно, что такие случаи действительно были, но их предание отнюдь не воспевало и не приводило в пример подрастающему

поколению. Нам неизвестны древнеримские "Павлики Морозовы". Античное государство органически выросло из рода, из семьи, а посему семейно-патриархальные ценности были его неписаной конституцией. Абсолютная власть военачальника-отца над солдатом-сыном как раз и вытекала из этих патриархальных норм. Обычно государство и семья не сталкивались, но если конфликт все-таки возникал, то общественное мнение всегда было на стороне семьи.

Был и другой элемент античного мирозерцания, ограничивающий всемогущество государства, отрицающий идею его вседозволенности и тем самым подчеркивавший значение семейно-патриархальных ценностей. Античное общество практически не знало, что такое "земной рай" — завершение истории. Золотой век находился в прошлом (Гесиод), а не в будущем; что же касается проектов идеального общества, периодически возникающих в умах древних мыслителей, то они были чисто художественными конструкциями, которых их авторы вовсе не намеревались воплотить в жизнь, или же результатом пессимистического видения как настоящего, так и будущего. Платон, например, написал свои "Законы" и "Государство" под конец своей жизни, на излете своей веры в человека. Даже понятие о прогрессе в современном смысле этого слова, веры в то, что будущие поколения будут жить лучше нынешних, в сознании древних отсутствовало. Мир был для них непрерывным круговращением возгорающегося и заходящего космоса, круговращением политических институтов, циклом умирающей и воскресающей природы.

А коль нет лучшего будущего, коль нет идеального общества, то нет возможности для государства оправдывать преступления их необходимостью для грядущего избавления общества от всех возможных зол. Когда софисты утверждали, что "человек мера всех вещей", что нет ни добра, ни зла, а лишь существуют мнения, представления о них, что нужно освободить от нравственных ограничений, налагаемых обществом на своих членов, "молодых львов", как они образно выражались, то вовсе не пытались доказать, что пребывание этих "молодых львов" по "ту сторону добра и зла" есть необходимая предпосылка общественного прогресса. Аморализм был хорош только для самих "молодых львов" и более ни для кого.

Эта вот специфика античного мышления и объясняет нам поведение героев Софокла. Полиник не абсолютный злодей, ибо основных патриархальных заповедей он не нарушил: он напал на родной город, а не на родную мать, убил брата, а не отца. Он не нарушил основ

патриархальной морали, а посему и снисходителен к нему хор и не слишком ценит он жертвенность того, кто пал, поражая изменника у стен Фив. Приоритет патриархальных ценностей над государственными предопределяет и поведение Антигоны, немедленно ставшей на сторону родственника (почитание брата сестрой так же являлось одной из аксиом патриархальной нравственности), и поведение хора-общественного мнения, всецело поддерживающего Антигону в ее поступке.

Иное культурно-философское основание бытия Григория и Настеньки. Оба они продукты общества, не только выросшего на почве патриархально-семейной этики, но прямо ее отрицающей, прямо ей противостоящей.

Советская культурная традиция, и это правильно отметил Синавский, продолжила классицизм. Являясь одним из порождений нового времени, классицизм не только порвал с патриархальной традицией, объявив государство всемогущим, но и ввел понятие прогресса. Отныне аморализм мог быть оправдан пользой общества, рассматриваться как своеобразная искупительная жертва всеобщему благоденствию в будущем. Социализм усвоил эти философские максимы классицизма. Как известно, в сталинскую эпоху особым покровительством официальной идеологии пользовался Иван Грозный и Петр Первый, жестокие, но "прогрессивные государственные деятели". Именно таким и показан Иван Грозный в одноименном фильме. Это советское, официальное видение истории легко просматривается в пьесе Распутина. История — борьба классов. Новейшая история — борьба буржуазии с пролетариатом, но поскольку нет в современном советском обществе буржуазии, борьба носит международный характер: СССР и его союзникам противостоят силы империализма. У Распутина фоном повествования является война: столкновение СССР с фашистской Германией. Цель истории — коммунизм, точка омега, к которой бессознательно или сознательно стремится человечество. У Распутина стремлением всех является Победа. Коммунизм не может быть построен без жертв, мук и крови. И у Распутина Победа покупается ценой гибели миллионов, напряжением сил государства, всего народа. Однако, легко заметить, что схема никак не может быть признана за абсолютно каноническую. И понятно почему.

По мере оттаивания советского общества, трещины начинают пробегать и по советскому классицизму. Все меньше и меньше

граждан полагает, что будущее есть все, а настоящее ничто, что отдельная человеческая жизнь лишь кирпичик для постройки дворца всеобщего благоденствия. Настоящее и человеческая жизнь начинают цениться сами по себе. А посему постепенно исчезают из литературы не только радужные картины недалекой гармонии, но и восхваления "террористическо-прогрессивных властителей". Поэтому-то Настенька-Антигона все-таки идет, хотя и не без колебаний, спасти своего Андрея-Полиника, а не доносит о нем властям.

Примечания :

1. В. Г. Распутин, *Живи и помни. Повести и рассказы*. (Москва, Современник, 1975), стр. 106.
2. Там же, стр. 18.
3. Там же, стр. 21.
4. Там же, стр. 41.
5. Там же, стр. 63.
6. Там же, стр. 143.
7. Там же, стр. 181.
8. Там же, стр. 38.
9. Там же, стр. 46.

ЛИТЕРАТУРА И ПУБЛИЦИСТИКА ПОД ЗНАКОМ "ПЕРЕСТРОЙКИ"

Бремя русской литературы

Начатая новым поколением советского руководства "перестройка", то есть исторически вынужденная, хоть и очень запоздалая, реформа неэффективной тоталитарной системы в более либеральную, отразилась в литературе и публицистике гораздо сильнее, чем в материальных или законодательных сферах. По сути говоря, только в литературе и в прессе "перестройка" пока, к лету 1987 года, и проявилась.

Причину этой избранности можно видеть в двух обстоятельствах. Во-первых, Горбачев нуждается в таком инструменте конструктивного влияния на все еще недоверчивое и пассивное население (ибо более мощный инструмент, КГБ, годится только для "негативного" обеспечения "перестройки", не для конструктивного...). Во-вторых, именно в литературной среде еще задолго до "перестройки" обнаружили себя и заговорили в полный голос мужественные общественные деятели, которые, порою отодвинув на второй план художественное творчество, отдали все силы на противостояние партийным догмам, на защиту памятников старины, русской деревни, Байкала, Севера...

Русская литература всегда активно занималась социально-политической проблематикой. В тоталитарном государстве она осталась едва ли не единственной, хотя бы в подполье, независимой от партии силой (как кто-то сказал: к каждому писателю, водить его пером, комиссара не приставишь), которая взвалила на себя весь груз обсуждения замалчиваемых властью общественных, исторических, духовных проблем. Более открытая информационная политика при Горбачеве дала этим и новым, осмелевшим в ходе "перестройки", писателям новые возможности.

Этот новый всплеск деятельности литераторов проявился в обличении пороков и язв режима, то есть в *негативно-критической* деятельности. Анализ неэффективности системы в отдельных публицистических работах проделан очень квалифицированно и беспощадно

(например, в статье "Бюрократия" социолога В. Шубкина в журнале "Знамя" №4, 1987; или дискуссия "Экология. Экономика. Нравственность" в "Нашем современнике" №1-2, 1987, в которой приняли участие многие писатели и ученые).

Однако гораздо интереснее более редкие случаи *конструктивного* воздействия на состояние общественного духа, попытки отвоевать у партийной монополии новые и новые территории, вплоть до покушений на сами *идеологические принципы*.

Наполнение социалистической терминологии новым содержанием?

Большинство критиков и реформистов, конечно, сознают, что причины всех несчастий — в идеологии системы и что без отказа от идеологии никакие действенные реформы невозможны. Однако партийное руководство и при Горбачеве не может себе позволить отказаться от нее: идеология представляет собой единственную легитимацию их власти. Ведь большевиков в России никто не выбирал, они захватили власть силой и правят на том основании, что "открыли единственно верное учение", которое и должно оправдывать их диктатуру. Отказаться от него — и автоматически встает вопрос к любому коммунистическому вождю, даже самому благожелательному реформатору: а почему страной управляете именно вы?

Поэтому бдительные номенклатурщики не без оснований считают, что "Мишка пилит сук, на котором сидит". Но более умные их братья по классу уже давно поняли, что сук-то уже давно гнилой и что альтернативы реформам нет. Единственное, что им остается — пытаться наполнить социалистическую терминологию "единственно верного учения" иным, более живым содержанием. Как в тактическом средстве в этом заинтересованы и настоящие реформаторы, противники режима.

Не входя в чрезвычайно интересный вопрос, которого мы коснулись в "Посеве" (№3 за 1987 г.) — возможна ли длительная совместимость социалистической формы с несоциалистическим содержанием и может ли реформатор-генсек на основании успешного вывода страны из тоталитарного тупика приобрести новую легитимацию власти, отменяющую старую, — не входя в обсуждение таковой возможности, поищем лишь элементы подобной подмены идеоло-

гического содержания в сегодняшней советской публицистике и литературе.

Так, например, можно найти уже новые определения самого термина "социализм".

Известный историк П. Волобуев говорит в "Правде" (27.3.87) о "зигзагообразном развитии социализма", путь которого к "сияющим вершинам", даже под руководством мудрой партии, теперь не всегда должен быть прямым.

Писатель А. Проханов в весьма примечательной статье в "Литературной России" (3.4.87) использует якобы принятый на XXVII съезде партии термин "эволюционирующего социализма".

А влиятельный при Горбачеве философ Ф. Бурлацкий пишет в "Советской культуре" (2.4.87) о "новом подходе к пониманию социализма в целом", о "понятии этического социализма", в котором бы "поощрялась состязательность и в экономике, и в культуре, литературе" — в отличие от прежнего социализма, с такими его явлениями, как "необоснованные репрессии, преувеличение роли насилия". Бурлацкий считает, что "мы выстрадали новое мышление, которое призвано ликвидировать разрыв между политической практикой и общечеловеческими морально-этическими нормами", что невозможно без "революционных", "качественных перемен в наших общественных науках".

Отказ от социалистического реализма

Введение новых идеологических ценностей через литературу связано с необходимостью преодоления так называемого метода социалистического реализма, который предписывал писателям изображать жизнь не такой, какая она есть, а такой, как она должна выглядеть согласно партийной идеологии. Молчаливые отклонения от этого принципа наблюдались давно, однако сейчас впервые письменно заявляется о необходимости отказа от него.

В "Литературной газете" (1.4.87) критик В. Лукьянин констатирует, что "понятие 'социалистический реализм' выпало из повседневного критического обихода... Похоже, и произносится оно, и воспринимается не иначе, как ритуальный жест, утративший свой первоначальный смысл... Между тем пора признать, что пугавшие критиков отступления от канонических сюжетных схем, излюбленных

типажей и социально-нравственных оценок чаще всего оказывались не злонамеренным посягательством на 'основы' социалистического реализма, а следствием более глубокого постижения тайн человеческой души. Без такого знания наше общество сегодняшних проблем решить не может"...

В послесловии к этой статье редакция главного печатного органа Правления Союза писателей СССР заявляет: "Бесспорно лишь одно, что теория социалистического реализма, по ее состоянию на нынешнем этапе, ... далеко не всегда помогает осмысливать сложные, неоднозначные явления современной литературы".

Пожалуй, самым интересным таким явлением в сегодняшней литературе в Советском Союзе можно считать множасьшие попытки пробить более примирительное отношение к религии. При этом речь идет не только о положительной оценке роли Православной Церкви в русской истории и в развитии русской культуры — такие констатации можно было часто встретить и до "перестройки", например, в работах С. Аверинцева и академика Д. Лихачева. Сегодня речь идет о самой религии, о существовании Бога (примерно год назад это слово все чаще начали писать в советских публикациях с большой буквы, чего раньше даже в цитатах из Библии не позволялось), говорится о смысле пришествия Христа, рассматривается проблема существования зла в мире с христианской точки зрения.

Важные элементы этого религиозного мировоззрения можно найти в произведениях Валентина Распутина, Василия Белова, Виктора Астафьева, Андрея Битова (как видим, не только у "деревенщиков"). Однако роман Чингиза Айтматова "Плаха" стал в 1986г. событием, прецедентом появления в советском журнале, например, таких строк о вере: "Вера — продукт страданий многих поколений, над верой трудиться надо тысячелетиями и ежедневно". Можно говорить о "познании Бога как высшей сути собственного бытия". "Бог, являя себя через любовь, дарует тем самым человеку наивысшее счастье бытия..." ("Новый мир", №6, 8, 9, 1986).

В этом романе Айтматов пытается примирить государственный атеизм и религию, сделав его более терпимым и культурным, а религию — "менее догматической", представив ее как часть общечеловеческой культуры.

В последовавшей на страницах прессы страстной дискуссии об этой попытке примирения, неожиданным образом, верх одержали защитники Айтмагова и нового взгляда на религию. Некоторые даже критиковали писателя (вполне справедливо) совсем с другой стороны — за его некомпетентность в жизни и учении Церкви и, в частности, за слишком человеческое изображение Христа. Например, С. Аверинцев заявил в "Литературной газете" (15.11.86), что считает "ренановскую традицию" (изображение Христа как идеализированного человека) исчерпанной, что в литературе "открытия возможны только на пути 'преодоления Ренана'".

Е. Евтушенко, который временами, когда это не опасно, подкрепляет свою репутацию бегущего "вперед прогресса", тоже сделал несколько интересных замечаний. В "Комсомольской правде" (10.12.86) он хитро попытался отнять у атеистов-догматиков их любимое (и все же неотнимаемое) оружие — антирелигиозную одержимость Ленина: "Ленинская формулировка уничтожающе точна, но сказана она в определенное время, по определенному адресу, и переносить ее в сегодняшнее время, переадресуя к нашим ведущим писателям, неуместно..." И далее еще одна хитрость: "Церковь у нас отделена от государства, и это справедливо. Но нигде в наших законах не записано, что от государства неотделим атеизм"! — восклицательный знак поставим мы, после кавычек, ибо здесь Евтушенко действительно смело забежал вперед: такие законы у нас, к сожалению, есть, как писанные, так и неписанные. Достаточно упомянуть ст. 6 Конституции об абсолютной государственной монополии КПСС, от учения которой атеизм неотделим, или множество инструкций, в том числе секретных, о борьбе против религии.

Наиболее наглядно тенденция отхода от воинствующего атеизма к агностицизму, как нам кажется, проявилась в статье А. Нуйкина "Новое богоискательство и старые догмы" в "Новом мире" №4, 1987. Поскольку он объясняет и феномен религиозного пробуждения в СССР, и хорошо иллюстрирует достигнутую степень гласности об этой теме, позволим себе процитировать его больше, чем других, чтобы к тому же произнести некоторые очевидные истины устами официально печатающегося критика:

"Учась жить в условиях демократии, нам придется научиться спорить и по вопросам религии. . . . ибо от их решения зависят не отдельные наши поступки, не частные наши промахи или неудачи, а успех жизни в ее целостности..."

А. Нуйкин пишет, что некоторые доктора марксистских наук бьют тревогу (а особенно в этом отличились авторы "Комсомольской правды" И. Крывелев 30.7.86 и С. Калтахчян 10.12.86, полемизировавший с Е. Евтушенко), сигнализируют "об обнаруженных подозрительных уклонах у целого ряда писателей, да не каких-то там, а ведущих, авторитетнейших!.. Имеются ли у наших ученых атеистов основания для идеологической тревоги? Имеются, и весьма большие. Всемирного масштаба, можно сказать, основания".

Далее критик разъясняет, что он имеет в виду. Уверенность в том, что по мере увеличения грамотности и развития науки религия "отомрет сама собой" — "была одна из капитальнейших иллюзий многих просветителей прошлых веков". С развитием грамотности и науки "в буржуазной культуре наблюдается довольно парадоксальная тенденция к онаучиванию мистики, с одной стороны, и к мифификации науки — с другой. Миновала ли нас чаша сия? Увы. Статистика, характеризующая рост атеизма в нашей стране, честно говоря, особого доверия не вызывает... За год в стране крестят, как было сказано на одной из лекций, приблизительно миллион младенцев..."

"Но почему вдруг объектом идеологических проработок уважаемые доктора философских наук избрали не тех, кто наживает капитал на спекуляции всякой чертовщиной, . . . а крупнейших наших художников, всем нелегким творчеством доказавших выстраданность и серьезность каждого своего произведения?" Почему "ученые атеисты" . . . не в состоянии отделить шаманствующих псевдоинтеллектуалов от тех, для кого бог — элемент народного сознания или отчаянная попытка хоть как-то аргументировать необходимость добра, совести, любви, милосердия..."

Слово Бог мы оставляем тут с маленькой буквы, как в оригинале, поскольку пишет все это, если верить буквально его заявлению, атеист, который, однако, надеется, что статьи Крывелева и Калтахчяна — "один из последних (хочется думать) окриков догматического атеизма, который в условиях недостаточного демократизма и гласности присваивал себе монополию на конечную истину..."

И тут А. Нуйкин дает прямо классическое определение агностицизма: "Ибо спор о боге всегда уводил и будет уводить в те сферы, где человек знает недостаточно, где гипотезы не проверить практикой..." . . . явно придется еще раз пройти тот круг исканий, проверок, сомнений и споров, который не раз уже проходило человечество в обсуждении двух вопросов: есть ли бог? и нужен ли он,

если его нет?" — этим открытым вопросом А. Нуйкин заканчивает свою статью, пытаясь закрепить победу нового "богоискательства".

Нелишне в этой связи также отметить, что современное "богоискательство" писателей направлено на открытие истинного Бога, в отличие от "богостроительства" как течения в начале XX века в рядах русской социал-демократии, когда такие его представители, как, например, Луначарский и Горький, предлагали некий вариант одухотворенного прагматизма или идолопоклонства: для них Бога как высшей духовной субстанции и как начала мира — не существовало: их бог должен был *строиться* (отсюда термин) человеческой активностью и быть неким коллективистским молохом социалистического общества, требующего от трудящихся безусловного, религиозного поклонения себе. Даже непонятно, почему на такое представление о социализме ополчился Ленин — оно точно соответствует сути коммунистической идеологии, которая у "богостроителей" лишь передана другими словами. Видимо, очень уж не любил Владимир Ильич слово Бог как таковое: почитать его труды — так всегда, когда до религиозной темы доходит, у Ленина проявляется стойкая, доходящая до конвульсий, аллергия. Самые мерзкие слова у него употреблены по отношению к Богу и религии, не в адрес политических противников. Видимо, природа этой аллергии носила вовсе не политический характер...

Но вернемся в 70-й год коммунистической власти, в социализм победивший, зрелый, "застойный", в сущности — идейно мертвый, через который, как через проржавевшие доспехи на бранном поле битвы с Богом, пробиваются множасьи ростки новой жизни. Пусть партия "перестраивает", перекладывает свой ржавый металл из одной кучи в другую — сил на новую историческую битву с религией у нее нет. Религиозное мироощущение медленно, но верно восстанавливает свои права, и уже не только в литературе и искусстве, но и в науке. Академик Я. Зельдович пишет, например, в одном из самх крупнотиражных научно-популярных журналов, "Наука и жизнь" (№ 12, 1986):

"Во все времена религия играла роль хранителя истины. Библия описывает сотворение мира, жизни, человека. Пусть ответы кажутся сегодня наивными — ценность заключается уже в самой постановке вопроса. Человек нуждается в диалоге на вечные, самые простые, самые глубокие и волнующие вопросы. Человек, которого нисколько не волнуют эти вопросы, теряет свое нравственное начало..."

Как же отвечает наука на эти вопросы?.. Огромные материальные и духовные усилия тратятся на поиски истины, на проникновение все дальше вглубь материи, на выяснение все более трудных вопросов. . . . уже делаются попытки построения такой теории (строения Вселенной. — М. Н.), в которой . . . придется использовать пространство с большим числом измерений... В какой-то мере — я возвращаюсь к началу статьи — представление о том, что все законы природы едины, получаются из одного принципа — такое представление родственно религиозному чувству".

Притягательная сила истинного

Такого мировоззренческого измерения хрущевская оттепель, часто сравниваемая с сегодняшней "перестройкой", — не имела. Конечно, цитированные нами работы количественно представляют собой небольшую свежую струю в океане прежней лжи и "старого мышления". Но разве применимы в литературе и духовной жизни общества количественные мерки? — тогда мы должны были бы на пальцах пересчитать наших величайших писателей XIX века и удивляться, как же этой горстке чудачков, со всеми их личными недостатками, удалось оказать столь огромное влияние на культуру и духовное развитие огромной страны...

К тому же бывают и особые времена, когда малое, в силу своей истинности, становится главным стержнем общественного развития — на фоне пусть количественно господствующего, но мертвого, карикатурного мира фиктивных ценностей. Такое время в России, мы уверены, наступило.

Разумеется, дело не в Горбачеве и "перестройке". Это внешняя сторона идущего процесса, о которой мы можем лишь питать надежды, что она предохранит страну от хаоса или войны. Решающее значение имеет внутреннее состояние общества, которое вызревает за фанерным фасадом "социалистической перестройки". С этим главным, как нам кажется, критерием следует подходить к анализу происходящего в стране (и многочисленные по сей день заявления крупных политических фигур в эмиграции, что начатая партией "перестройка" лишь укрепит режим, — мне просто непонятны. Неужели, попав в эмиграцию, они разучились видеть за провозглашаемыми замыслами партии, никогда не осуществляющимися

согласно задуманному сценарию, — общество с независимым от планов партии поведением, общество, к которому они в свое время принадлежали и играли важную роль в его пробуждении? Что же, с их уходом Россия опустела порядочными людьми?..)

Конечно, и внешняя сторона "перестройки" таит в себе много неожиданностей — вплоть до, хоть и маловероятной, реставрации брежневского застоя или до более вероятной остановки на какой-то новой станции в отступлении режима под натиском здравого смысла. Но и в случае такой остановки или даже "реставрации", думается, достигнутое сегодня в области литературы и публицистики — необратимое изменение самосознания общества. Как и перемены во время хрущевской "оттепели", несмотря на ее кратковременность, непродуманность и последовавшие попытки ресталинизации — все же оказались необратимыми завоеваниями в области духа.

Именно дух общества — главная координата для измерения происходящих перемен. Хочется надеяться, что противники тоталитарного режима на Западе сумеют преодолеть политический материализм в своих оценках и смогут быть из-за границы полезными в созидании нового самосознания. Времена только лишь голого отрицания прошли.

От редакции

Печатаемая статья нашего сотрудника "Пушкин и Дантес", мы не можем не выразить несогласия с его выводами. Долгие годы вопрос о дуэли и смерти Пушкина был отравлен сплетением "глупых вымыслов, низких заподозриваний, мерзких домыслов и гнусных клевет" (П.Б. Струве), почин которых положил шестидесятник по духу П.Е. Щеголев. В 30-х годах только эмигрантское пушкиноведение давало этим вымыслам твердый отпор. Ныне их начинают отбрасывать и советские ученые. Однако маятник качнулся слишком далеко в обратную сторону.

К дуэли и смерти Пушкина можно подходить с двух точек зрения: религиозно-метафизической и эмпирико-исторической. С религиозной точки зрения, верно, что не пуля Дантеса убила Пушкина, а тайные законы духа. В этом смысле, как наметил Вл. Соловьев и развил о. Сергей Булгаков, Пушкин повинен в своей смерти.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный?

На правильно поставленный вопрос, усиленный тремя повторными "зачем", Лермонтов не дает ответа. Пушкин был в эмпирическом плане частью этого света, невольником не только чести, но и земной красоты, ложно принятой за небесную (Булгаков). Но и другому общему закону противоборства духа и мира, закону избияния пророков, подчинилась судьба Пушкина. Мир, "свет" духа не понимает, не принимает, его угашает. В эмпирическом плане весь петербургский свет несет вину за смерть Пушкина. Дантес гнусным образом волочился за женой его; Екатерина Николаевна бездумно и бесчестно отдалась Дантесу; Наталья Николаевна не запятнала своей чести, но когда, вопреки воле мужа, взяла под свой кров незамужних сестер, она совершила первый шаг к дальнейшей катастрофе; царь не желал Пушкину зла, но, напав на поэта камер-юнкерский мундир и отказывая ему в отставке, прикрепил Пушкина к завистливому и душному свету.

Права была Ахматова, не когда по-женски набрасывалась на недалекую, прозаичную, светскую, но честную Наталью Николаевну, а когда заключала, что Пушкина убила не столько злоба врагов, сколько непонимание друзей, той "bande joyeuse", которая играла в жизнь и не понимала, что творила.

Найденная перед войной переписка Карамзиных полностью подтвердила ее тезис. (Н. С.)

В.Я. МИКЛАШЕВСКИЙ

ПУШКИН И ДАНТЕС

Знакомство Пушкина с Дантесом

В советском литературоведении принято писать о Дантесе публицистическим тоном презрения и ненависти к нему. Все отрицательные качества личности Дантеса (безнравственный тип, карьерист-проходимец, убийца и т. п.) считаются общепризнанными и не требующими обоснования. К сожалению, сторонники такого представления о Дантесе не хотят видеть в этом оскорбительного и необоснованного унижения достоинства круга лиц, к которому близок был Дантес и к которому принадлежала семья Пушкина и ее ближайшие друзья. Круг этих лиц представлял лучшую часть русского образованного общества. Поэтому личность Дантеса требует серьезного и добросовестного представления, которого до сих пор советские ученые не могли сделать по известным причинам.

Жорж Дантес был внебрачным сыном сестры барона Луи Геккерна, голландского посланника в Петербурге. Родился он 15 февраля 1812 г. в доме своего отца, богатого эльзасского барона Жозефа д'Антеса (Дантеса) в небольшом городке Сульце. Воспитание получил в Сен-Сирском военном училище.

После революции 1830 г. молодой приверженец династии Бурбонов вынужден был бежать в Пруссию, где жил до осени 1833 г. у своих родственников, близких ко двору.

В начале сентября 1833 г. Дантес приехал в Петербург с рекомендательным письмом на имя императора Николая I от его шурина, прусского принца Вильгельма.

В январе 1834 г. Дантес сдал экзамен и с февраля был зачислен в кавалергардский полк, а через два года, в январе 1836 г., был произведен в поручики. В мае этого же года он был усыновлен дядей и стал называться Жорж Геккерн.

По свидетельству многих современников (включая и Пушкина), Дантес был веселого нрава, остроумен, красив. Если прибавить к этому покровительство Николая I и усыновление его богатым дядей, не имевшим других наследников, то станет вполне понятным, почему он вскоре по приезде стал пользоваться большим успехом в светском обществе Петербурга. Во всяком случае называть его проходимцем нет оснований (1.01). *

В гвардии Дантес служил не очень старательно, но и особыми привилегиями не пользовался: за эти три года службы он получил 44 взыскания в приказах по полку, не считая мелких провинностей, как отлучки с дежурства, опаздывания на службу и т. п. (1.02). Так что назвать его карьеристом в дурном смысле также нет оснований.

Не был Дантес и развязным пронырой, каким его представляет, например, В. Сайтанов. (1.03).

Хорошо знавший Дантеса молодой князь П. П. Вяземский оставил о нем такую характеристику: "... был человек практичный, дюжинный, добрый малый, балагур, вовсе не ловелас, ни дон-жуан, а приехавший в Россию сделать карьеру. Волокитство его не нарушало никаких великосветских петербургских приличий". (1.04). О размере его способностей и степени деловой практичности свидетельствуют его политическая карьера во Франции и большой успех в промышленно-финансовой деятельности, о чем подробнее будет речь ниже.

С Пушкиным Дантес познакомился вскоре по приезде в Петербург и с первой встречи понравился поэту. Пушкин любил с ним разговаривать при частых встречах на приемах и балах. В мае-августе 1834 г. жена Пушкина с детьми жила в Полотняном Заводе. В это время Дантеса часто видели в компании с поэтом, сидящими рядом за столом у Дюме.

Ко второй половине 1835 г. относятся частые посещения Геккерном и Дантесом дома Пушкина и домов Вяземских и Карамзиных, которые были самыми близкими семье Пушкина. (Свояченицы Александра и Екатерина с октября 1834 г. проживали в доме Пушкина как члены семьи). К этому времени относится начало ухаживания Дантеса за женой Пушкина. (К этому же времени, возможно, относится и начало связи Дантеса со свояченицей Пушкина Екатериной Гончаровой). Хотя ухаживание это ни для кого не было оскорби-

*) См. примечания в конце статьи.

тельным, тем не менее оно стало предметом сплетен, из которых родилось анонимное пасквильное письмо, разосланное по городской почте. Пушкин и несколько его близких знакомых получили его утром 4-го ноября 1836г. Вот текст этого пасквиля:

"Великие кавалеры, командоры и рыцари светлейшего Ордена Рогоносцев в полном собрании своем, под председательством великого магистра Ордена, его превосходительства Д.Л. Нарышкина, единогласно выбрали Александра Пушкина коадьютором (заместителем) великого магистра Ордена Рогоносцев и историографом ордена.

Непременный секретарь: граф И. Борх". (1.05).

До получения пасквильного письма ничто в двухгодичном знакомстве Пушкина с Дантесом не предвещало такого разрыва, который неожиданно произошел в начале ноября 1836г. и в котором многое до настоящего времени остается непонятым.

Анонимный пасквильный диплом, по мнению всех видевших его, был хулиганством и свидетельствовал только о легкомыслии и низкой нравственности лица, списавшего текст с печатного образца и разославшего его по почте. (1.06). Пасквиль этот ни в какой мере не мог быть оскорбительным для чести Пушкина. И Пушкин понимал это. В письме Л. Геккерну (26.1.1837) он назвал получение "диплома" не причиной вызова, а случаем, который помог ему исполнить свое желание вызвать Дантеса на дуэль. "Случай, который во всякое другое время был бы мне крайне неприятным, — писал Пушкин, — *весьма кстати* вывел меня из затруднения: я получил анонимные письма". (1.07). Получив эти письма, Пушкин в тот же день послал вызов Дантесу.

Ухаживание Дантеса за Н.Н. Пушкиной, как уже упоминалось, никто из современников не считал оскорбительным ни для нее, ни для мужа. И Пушкин, как известно, был уверен в жене и ни в чем не подозревал ее.

Вполне возможно, что Дантес был в тайной связи со свояченицей Пушкина Екатериной. И если эта связь действительно существовала, то началась она раньше ноября 1836г., а сохранение ее в тайне свидетельствует только о том, что Дантес или не мог почему-либо жениться, или не имел к тому намерения. Ухаживание же Дантеса в свете за женой Пушкина было, в этом случае, одним из средств сохранения тайной связи.

Есть основания предполагать, что Л. Геккерн знал об этой связи своего приемного сына, но не одобрял ее: бесприданница Екатерина Гончарова была, к тому же, на три года старше Дантеса. (1.08). Связь эту Л. Геккерн вынужден был раскрыть Жуковскому во время переговоров о посланном Пушкиным вызове. Об этой встрече с Геккерном Жуковский сообщил Пушкину 8-го ноября: "Я остаюсь в полном убеждении, что молодой Геккерн совершенно в стороне, и на это ВЧЕРА еще имел доказательство, получив от отца Г. доказательство материальное, что дело, о котором идут толки (сватовство Дантеса. — В.Я.М.), затеяно было еще гораздо прежде твоего вызова". (1.09).

Ободовская и Дементьев полагают, что о связи Е.Н. Гончаровой со слов Геккерна сообщил "ничего не подозревавшему Пушкину" Жуковский. Основанием такого предположения они считают конспективную запись Жуковского от 7.11.1836г.:

"7 ноября. Я поутру у Загряжской. От нее к Геккерну . . . Открытие Геккерна . . . О любви сына к Катерине. О предполагаемой свадьбе . . ." (1.10).

Если согласиться с тем, что Пушкин о связи его свояченицы с Дантесом *узнал впервые* от Жуковского (на третий день после отправки вызова Дантесу), то связь эта, конечно, не могла быть причиной вызова. Но в этом случае оказывается бессмысленной просьба Пушкина считать его вызов "как не бывший", после получения подтверждения о согласии Дантеса жениться на Екатерине Гончаровой.

Из конспективной записи и из записки можно только заключить, что Жуковский сообщил Пушкину то, что узнал от Геккерна. Но это никак не свидетельствует об открытии этой связи "ничего не подозревавшему Пушкину". Другими словами, сообщение это совсем не исключает возможность того, что связь Дантеса с Екатериной могла каким-то образом стать известной Пушкину. Связь эта со свояченицей поэта, проживающей в его доме, по понятиям того времени, была позорящей честь всей семьи Пушкина. И в этом случае вызов на дуэль Дантеса и все последующие события, связанные с этим вызовом, становятся более понятными. При этом следует заметить, что и это предположение не все делает понятным в событиях, приведших к роковой дуэли.

Узнав о том, что связь Дантеса с Екатериной Гончаровой стала известной Пушкину, Геккерн обещал ему все сохранить в тайне и уладить без скандала женитьбой. И другого, лучшего выхода

действительно не было: раскрытие этой тайны грозило большими неприятностями и Геккернам, и семье Пушкина. (Для Геккернов это усугублялось еще и тем, что Е.Н. Гончарова с 6 декабря 1834г. была фрейлиной). Для улаживания обручения Геккерн просил Пушкина о двухнедельной отсрочке поединка, которую он и получил после трех посещений поэта.

Вполне возможно, что Л. Геккерн говорил правду Жуковскому о принятом решении Дантеса жениться на Е.Н. Гончаровой, и потому вызов Пушкина не имел смысла. Но как бы то ни было, вызов этот определенно ускорил обручение и последовавшую свадьбу. При этом пасквильное письмо действительно послужило Пушкину "весьма кстати", чтобы скрыть настоящую причину вызова: Пушкин делал все, чтобы защитить, в первую очередь, честь своей свояченицы Екатерины.

2.

Сватовство и женитьба Дантеса

16 ноября 1836г. кончилась двухнедельная отсрочка поединка, выпрошенная Геккерном у Пушкина. В этот день на вечеру у Карамзиных Пушкин попросил В.А. Соллогуба условиться с д'Аршиаком о дуэли утром следующего дня.

Приехав на другой день к д'Аршиаку, Соллогуб впервые услышал о намерении Дантеса жениться на Екатерине Гончаровой. Он был, естественно, поражен, так как только теперь узнал настоящую причину поединка: нежелание Дантеса жениться. Секундант Дантеса д'Аршиак сказал, что Дантес готов жениться, но "не может допустить, чтоб о нем говорили, что он был принужден жениться, и женился во избежание поединка". (2. 01) . Он просил Соллогуба, чтобы тот уговорил Пушкина безусловно отказаться от вызова. "Я вам ручаюсь, — сказал д'Аршиак, — что Дантес женится, и мы предотвратим, может быть, большое несчастье". (2. 02) .

Соллогуб тотчас написал записку Пушкину с просьбой немедленно ответить на нее. Д'Аршиак прочел эту записку и одобрил. В ней Соллогуб сообщал, что они с д'Аршиаком условились о поединке на раннее утро 21 ноября 1836г. К этому добавил о согласии Дантеса на женитьбу, но при условии, чтобы Пушкин засвидетельствовал, что он не будет приписывать женитьбу "расчетам, недостойным благородного человека". (2. 03) .

Через два часа кучер Соллогуба привез ответ Пушкина. Вот текст этого ответа в переводе с французского:

"Я не колеблюсь написать то, что могу заявить словесно. Я вызвал г-на Ж. Геккерна на дуэль, и он принял вызов, не входя ни в какие объяснения. И я же прошу теперь господ свидетелей этого дела сообразоваться рассматривать этот вызов как не имевший места, узнав из толков в обществе, что г-н Жорж Геккерн решил объявить о своем намерении жениться на мадмуазель Гончаровой после дуэли. У меня нет никаких оснований приписывать его решение соображениям, недостойным благородного человека.

Прошу вас, граф, воспользоваться этим письмом так, как вы сочтете уместным.

17 ноября 1836 года. А. Пушкин" (2. 04)

Сохранились два абзаца чернового текста этого письма к Соллогубу. Первый абзац, как увидим, не отличался по смыслу от окончательного текста. Второй же абзац был совершенно не связан с содержанием первого, и потому Пушкин не включил его в беловой текст. В нем говорилось о недопустимом поведении Дантеса по отношению к жене Пушкина. И это поведение Пушкин просил назвать причиной вызова, "если господин Геккерн потребует указать причину вызова". Ниже этот черновой текст письма:

"Господин барон Геккерн оказал мне честь принять вызов на дуэль его сына г-на барона Ж. Геккерна. Узнав СЛУЧАЙНО? ПО СЛУХАМ?, что г-н Ж. Геккерн решил просить руки моей свояченицы мадмуазель К. Гончаровой, я прошу г-на барона Геккерна-отца сообразоваться рассматривать мой вызов, как не бывший.

За то, что он вел себя по отношению к моей жене так, как мне не подобает допускать (в случае, если господин Геккерн потребует указать причину вызова)". (2. 05)

Из второго абзаца совершенно ясно, что ни ухаживание Дантеса за женой Пушкина, ни анонимный пасквиль не были причиной вызова, посланного Пушкиным Дантесу 4 ноября 1836г. (2. 06)

После получения ответа на записку Соллогуба Дантес, понятно, должен был жениться, а Л. Геккерн дать на это свое согласие. И в этот же самый день Дантес и Геккерн оба пришли с официальным предложением к тетке Е.Н. Гончаровой фрейлине Е.И. Загряжской. Приехавший в тот же день, 16 ноября, из Москвы глава семьи Гончаровых Дмитрий Николаевич привез письмо матери, Н.И. Гончаровой, с согласием на брак дочери с Дантесом. Было получено согласие

на брак и из Франции от отца Дантеса — Жозефа Конрада д'Антеса. Д.Н. Гончаров при этом обязался регулярно выплачивать сестре часть ее доходов от наследства деда в сумме пять тысяч рублей в год.

Сообщая об этой помолвке Жуковскому, Е.И. Загряжская писала в своей записке: "Слава Богу, — кажется, все кончено. Жених и почтенный его дядюшка были у меня с предложением. К большому счастью, за четверть часа перед ними приехал старший Гончаров (Д.Н.) и он объявил им родительское согласие; итак, все концы в воду". (2.07)

Невольно возникает вопрос: о каких "концах" здесь речь? И само собой напрашивается, как ответ, предположение о тайной связи, о которой от Л. Геккерн узнал Жуковский, и от него, возможно, узнала Загряжская...

На следующий день, 17 ноября 1836г., о помолвке официально было объявлено на балу у Строгановых, после чего Гончарова и Дантес принимали поздравления как обрученные.

Обручение Дантеса с Е.Н. Гончаровой показалось высшему петербургскому обществу невероятным событием. "Геккерн-Дантес женится! — писала мужу гр. С.А. Бобринская. — Вот событие, которое поглощает всех и будоражит стоустую молву... И чем больше мне рассказывают об этой непостижимой истории, тем меньше я что-либо в ней понимаю..." (2.08).

Сестра Пушкина Ольга, имея в виду назначенную на 10 января 1837г. свадьбу, писала отцу 24.12.1836: "Поверьте мне, тут что-то либо очень подозрительное, либо — недоразумение, и, может быть, будет очень хорошо, если свадьба не состоится". (2.09) Примерно в это же время, в конце декабря, и Пушкин писал отцу, но без выражения своего отношения к свадьбе: "У нас свадьба. Моя свояченица Екатерина выходит за барона Геккерн, племянника и приемного сына посланника короля Голландского". (2.10)

Обручение, казалось, должно бы было удовлетворить Пушкина и изменить его враждебность к Дантесу. Между тем по неизвестным до сих пор причинам этого не произошло. Больше того, как оказывается со слов Пушкина, не только обручение и предстоящая свадьба, но и поединок со смертельным исходом для Дантеса не мог бы что-либо изменить: для той мести, которая могла бы удовлетворить Пушкина, всего этого было уже почему-то недостаточно. "Поединок мне уже недостаточно /.../ нет, — писал Пушкин, — и каков бы ни был его исход, /я не почту себя/ достаточно отмщенным ни

/смертью.../ вашего сына, ни /его женитьбой/ ...". (2.11).

Это довольно длинное, очень оскорбительное письмо Л. Геккерну (о нем будет еще речь ниже) было написано между 17 и 21 ноября 1836г. 21-го Пушкин прочел его В.А. Соллогубу, и, вероятно, тот передал содержание письма Жуковскому, которому тогда удалось отговорить Пушкина от посылки его.

К этому же времени относится и письмо Пушкина к А.Х. Бенкендорфу от 21.11.1836г. "Считаю себя вправе и даже обязанным сообщить вашему сиятельству о том, что недавно произошло в моем семействе", — писал Пушкин в начале письма (2.12). Дальше в более спокойной и деловой форме следовало изложение главных мест письма к Л. Геккерну. Пушкин сообщал о получении анонимного письма, которое, по его убеждению, "исходило от г-на Геккерн"; о вызове, посланном Дантесу; о сделанном предложении Дантеса Е.Н. Гончаровой, которое и сделало поединок ненужным. Письмо это стало известно Николаю I (Пушкин и писал его, зная, что оно будет показано царю), и тот, вне всяких правил, принял Пушкина в присутствии Бенкендорфа. Имея в виду эту встречу, Вл. С. Соловьев писал, что Николай I "после первой несостоявшейся дуэли призвал его (Пушкина. — В.Я.М.) и потребовал от него ЧЕСТНОГО СЛОВА, что в случае необходимости новой дуэли он прежде всего даст об этом знать ему, государю". (2.13).

Венчание Ж. Дантеса с Е.Н. Гончаровой состоялось 10 января 1837г. в православной церкви и католическом костеле. Пушкин демонстративно на свадьбе не был. Наталья Николаевна с братьями Дмитрием и Иваном уехали сразу же после венчания и на обеде, устроенном Строгановыми, не были.

Жорж Геккерн-Дантес состоятельным не был. Он был, правда, богатым наследником: наследником 200 тысяч франков (как и каждый их шести других детей барона д'Антеса) и единственным наследником усыновившего его 46-летнего дяди барона Луи Борхарда Геккерн. Своих средств для жизни с женой у него не было. Обещанных Д.Н. Гончаровым пяти тысяч рублей в год было явно недостаточно для великосветской жизни. Поэтому содержание молодых Геккернов взял на себя Луи Геккерн.

Для Жоржа и его жены в здании голландского посольства Луи Геккерн отдал несколько комнат. В этой богато и красиво обставленной квартире и поселились молодожены, барон и баронесса Геккерны. По свидетельству современников, Екатерина Николаевна

очень скоро и хорошо освоилась со своим положением хозяйки дома в здании голландского посольства.

После свадьбы Пушкин не разрешил принять молодых у себя. Дружеские отношения жены к сестре (сестры с детства были очень дружны) и ее мужу вызывали у Пушкина нескрываемое раздражение, причина которого остается неизвестной. Попытки друзей и желание Геккернов смягчить это недружелюбие Пушкина не имели успеха. Отношения с Дантесом ограничивались только поклонами...

3.

Дуэль и смерть Пушкина

Хотя о преддуэльной истории известно много фактов и написано немало работ, все же, как уже упоминалось, многое в ней и по сей день остается неизвестным, и потому часть известных фактов оказывается непонятной. Так, например, остается неизвестным, что именно побудило Пушкина днем 26 января 1837г. послать письмо Геккерну, содержание которого во многом кажется по меньшей мере странным. В ноябре 1836г., как мы знаем, Жуковский убедил Пушкина не отправлять его. Теперь, 26-го января, Пушкин отредактировал это письмо, частью изменил и, ни с кем не посоветовавшись, послал Л. Геккерну.

Письмо Пушкина было необычайно оскорбительным для Геккерна и содержало угрозу обесчестить его в глазах русского и голландского дворов. Дантес в нем почему-то был назван незаконно-рожденным сыном Геккерна или так называемым сыном, болеющим сифилисом, и даже просто трусом и подлецом. (3.01). Письмо было написано с явным расчетом на то, что оно будет показано Дантесу и тот вынужден будет вызвать Пушкина на дуэль.

На следующий день после похорон Пушкина Николай I писал брату Михаилу Павловичу, что до письма Геккерну "Пушкин вел себя, как каждый бы на его месте сделал... Но последний повод к дуэли, которого никто не постигает, и заключавшийся в самом дерзком письме Пушкина Геккерну, сделал Дантеса правым в сем деле" (3.02).

Вечером 26 января Л. Геккерн был на званом обеде у гр. Г.А. Строганова. Обер-камергер, член Государственного Совета, Строганов пользовался большим уважением двора и всего высшего

общества. Он был двоюродным дядей Н.Н. Пушкиной и вместе со своей женой принадлежал к кругу ближайших друзей и доброжелателей Пушкина. Геккерн привез с собой только что полученное письмо Пушкина и просил совета, как ему поступить. Строганов, как и следовало ожидать, нашел дуэль неизбежной. После этого Геккерн показал письмо Дантесу, и тот послал через д'Аршиака вызов Пушкину. С этого момента события приняли катастрофически быстрое развитие, приведшее к вечеру следующего дня к трагическому поединку у Черной Речки.

Отправив письмо Геккерну, Пушкин до 5 часов вечера не выходил из дому, ожидая ответа. Первая записка д'Аршиака (с приложением картели от имени Геккерна, одобренной Дантесом) была отправлена после 5 часов и не застала Пушкина дома. В посланной позже второй записке д'Аршиак писал, что ждет ответа Пушкина до 11 часов вечера у себя, а после этого на балу у гр. М.Г. Разумовской.

На бал Пушкин приехал один. Ни Геккерна, ни Дантеса не было. Пушкин был веселый, много разговаривал, смеялся и шутил. Разговаривал он и с д'Аршиаком, после чего попытался пригласить советника английского посольства Магениса быть его секундантом, но тот хотел знать причину дуэли, а Пушкин на это не согласился.

Утром в среду 27 января Пушкин получил напоминание от д'Аршиака, написанное в 9 ч. утра 27 января. Вот его текст:

"Я настаиваю еще сегодня утром на просьбе, с которою я имел честь обратиться к вам вчера вечером. Необходимо, чтобы я имел свидание с секундантом, которого вы выберете, притом в самое ближайшее время. До полудня я буду дома; надеюсь раньше этого времени увидеться с тем, кого вам угодно будет ко мне прислать". (3.03).

Пушкин сначала отказался было в довольно резкой форме от присылки своего секунданта для переговоров. В ответ на это д'Аршиак напомнил ему: "вы же мне говорили вчера и писали сегодня, что принимаете все его (Дантеса. — В.Я.М.) условия". (3.04). После этого Пушкин решил ехать к К.О. Россету, чтобы предложить ему быть секундантом. Не застав его дома, Пушкин случайно встретил на улице своего лицейского приятеля, подполковника К.К. Данзаса, и пригласил его сесть к нему в сани, чтобы быть свидетелем одного разговора. Только когда приехали во французское посольство, где жил д'Аршиак, Данзас узнал, в чем дело. Человек слабовольный и очень уважавший Пушкина, Данзас не посмел отказать Пушкину в его просьбе и согласился быть его секундантом.

Пушкин уехал, оставив секунданта договариваться об условиях поединка.

Оба секунданта, признав невозможность примирения, выработали условия поединка, которые и подписали. С этими условиями Пушкин полностью согласился. Данзас заметил, что по его мнению следовало бы стреляться с Геккерном, так как оскорбительное письмо адресовано ему. На это Пушкин ответил, что Геккерн по своему положению посла драться не может.

Вечером около 4-х часов Пушкин и Данзас встретились в кондитерской, выйдя из которой сели в сани и поехали к месту поединка, куда приехали к половине пятого.

Отмерив десять шагов, секунданты отметили барьеры. В пяти шагах от них поставили дуэлянтов с пистолетами в руках. По данному сигналу противники двинулись к своим барьерам, целясь друг в друга.

Дантес выстрелил первым. Пушкин упал в снег. Приподнявшись и опираясь на локоть левой руки, он прицелился и выстрелил.

Дантес упал контуженный. Пуля пробила мякоть правой руки, которою он защищал грудь, и наткнулась на пуговицу мундира. Продавив два ребра, пуговица эта причинила сильную боль, но она и спасла жизнь Дантесу.

Выстрелив, Пушкин на короткое время потерял сознание, а придя в себя спросил у д'Аршиака:

— Убил я его?

— Нет, — ответил тот, — вы его ранили.

— Странно, — сказал Пушкин... — Впрочем, все равно. Как только мы поправимся, снова начнем". (3. 05) .

В среду 27 января 1837 г. в 6 часов вечера камердинер внес на руках раненого Пушкина в его кабинет.

Секундант Данзас отправился за врачом. Доктора Х.Х. Саломона дома не оказалось. Не было дома и доктора Н.Ф. Арендта. Оставив у них записки, Данзас направился в Воспитательный дом, где мог определенно найти доктора. У ворот он встретил выходящего из дома акушера В.Б. Шольца, который пообещал привезти доктора.

В седьмом часу вечера Шольц приехал с доктором К.К. Задлером, который осмотрел рану и наложил компресс.

В начале восьмого часа приехал доктор семьи Пушкина И.Т. Спасский и застал у раненого доктора Саломона и лейб-медика

Николая I Арендта. Они вскоре уехали, оставив раненого на попечение Спасского, который всю ночь оставался у его постели.

К этому же времени один за другим съехались ближайшие друзья Пушкина: П.А. Валуев, Мих.Ю. Виельгорский, П.А. Вяземский, В.А. Жуковский, Е.И. Загряжская, П.А. Плетнев, А.И. Тургенев...

"По желанию родных и друзей Пушкина, я сказал ему об исполнении христианского долга, — пишет Спасский. — Он тот же час на то согласился.

— За кем прикажете послать? — спросил я.

— Возьмите первого ближайшего священника, — отвечал Пушкин". (3. 06) .

Доктор Арендт возвратился в 8 часов вечера. В его присутствии прибыл священник. Пушкин исповедался и причастился. Об этом так рассказал Вяземский в письме Д.В. Давыдову от 5 фев. 1837 г.: "Священник говорил мне после со слезами о нем и о благочестии, с каким он исполнил долг христианский. Пушкин никогда не был *esprit fort* (вольнодумцем — В.Я.М.), по крайней мере, не был им в последние годы жизни своей; напротив, он имел сильное религиозное чувство: читал и любил читать Евангелие, был проникнут красотой многих молитв, знал их наизусть и часто твердил их". (3. 07) .

Когда Спасский после исповеди вошел к Пушкину, тот спросил его о состоянии жены. Затем, зная, что Арендт по долгу службы должен будет о дуэли доложить царю, спросил, здесь ли еще Арендт. Услышав утвердительный ответ, сказал: "Просите за Данзаса, за Данзаса, он мне брат". (3. 08) . Это желание Пушкина Спасский передал Арендту, который, выслушав его, пошел к больному. Имея в виду свою просьбу, Пушкин встретил его, как пишет Жуковский, словами: "Жду царского слова, чтобы умереть спокойно..." (3. 09) . Прощаясь, Арендт пообещал вернуться к 11 часам. В прихожей сказал провожавшему его Данзасу, что положение Пушкина безнадежно.

Жуковский слышал обращенные к Арендту слова о царском слове. Они показались ему указанием немедленно ехать к государю. Об этом он так рассказывает в письме к отцу Пушкина: "Надобно знать, что, простившись с Пушкиным, я опять возвратился к его постели и сказал ему: может быть я увижу государя: что мне сказать ему от тебя? — Скажи ему, отвечал он, что мне жаль умереть; был бы весь его". (3. 10) .

О состоянии больного до полуночи с 27-го на 28-ое января доктор Спасский записал: "Необыкновенное присутствие духа не оставляло больного. От времени до времени он тихо жаловался на боль в животе, и забывался на короткое время". (3. 11) .

От Пушкина Арендт направился во дворец. Не застав государя, он попросил камердинера передать о поединке. Дальнейшие события описаны Жуковским так: "Около полуночи приезжает за Арендтом от государя фельдъегерь с повелением немедленно ехать к Пушкину, прочитав ему письмо, собственноручно государем к нему написанное, и тотчас обо всем донести. "Я не лягу и буду ждать", — стояло в записке государя к Арендту. Письмо же приказано было возвратить". (3. 12) .

Говоря об этой записке царя, Вяземский писал Д.Б. Давыдову в уже упоминавшемся письме: "Ночью возвратился к нему (Пушкину — В.Я.М.) Арендт и привез ему для прочтения собственноручную записку, карандашом написанную государем, почти в таких словах: "Если Бог не приведет нас свидеться в здешнем свете, посылаю тебе мое прощение и последний совет: умри христианином. О жене и детях не беспокойся: я беру их на свои руки". Пушкин был чрезвычайно тронут словами и убедительно просил Арендта оставить ему эту записку; но государь велел ее прочесть и немедленно возвратить". (3. 13) .

В записке Николая I к Пушкину действительно странными и загадочными, как писал Соловьев, могут показаться слова о прощении Пушкина. "К чему собственно относилось это прощение? — спрашивает Соловьев. — И почему государь как будто брал на себя то, что принадлежит к обязанности духовника?" (3. 14) . Соловьев, не назвав источник своих сведений, как уже упоминалось, писал о *честном слове*, данном Пушкиным царю в присутствии Бенкендорфа. И если это было так (а это очень вероятно), то дуэль Пушкина была нарушением этого слова, и "было здесь, что прощать". (3. 15) .

Записка царя была написана на основании словесного доклада Арендта, переданного царю камердинером. Из совета "умереть христианином" следует заключить, что об исповеди и причастии Пушкина царь не знал. Но, выслушав рассказ вызванного им во дворец Жуковского, царь сказал, имея в виду Пушкина: "Скажи ему от меня, что я поздравляю его с исполнением христианского долга; о жене же и детях он беспокоиться не должен; они мои.

Тебе же поручаю, если он умрет, запечатать его бумаги; ты после их рассмотришь". (3. 16) . На слова Жуковского, что Пушкин тревожится об участии Данзаса, император сказал, что он не может переменить законного порядка, но сделает все возможное.

О состоянии Пушкина после полуночи читаем у Спасского:

"Около четвертого часу (ночи, с 27 на 28) боль в животе начала усиливаться и к пяти часам сделалась значительною. Я послал за Арендтом, он не замедлил приехать. Боль в животе возросла до высочайшей степени. Это была настоящая пытка... Большой испытывал ужасную муку. Но и тут необыкновенная твердость его души раскрылась в полной мере. Готовый вскрикнуть, он только стонал, боясь, как он говорил, чтоб жена не услышала, чтоб ее не испугать". (3. 17) . Боль была настолько мучительна, что Пушкин готов был застрелиться, и Данзас счел нужным вынести из кабинета ящик с пистолетами.

Полуночь, в четверг 28-го, боли несколько утихли, больной попросил пустить к нему жену. О прощании Пушкина с женой Жуковский написал отцу поэта: "Этой прощальной минуты я тебе не стану описывать". (3. 18) . Потом Пушкин простился с полусонными детьми, которых привела свояченица Александра Николаевна. Пушкин молча клал каждому на голову руку, крестил и движением руки отсылал от себя.

Спасский спросил, хочет ли он видеть своих друзей.

— Зовите их, — отвечал он.

Жуковский, Виельгорский, Вяземский, Тургенев и Данзас входили один за другим и братски с ним прощались". (3. 19) .

Пушкин спросил о Карамзиных. Прощаясь с Екатериной Андреевной, "сам положил ее руку себе на лоб и попросил ее благословить его, а потом поцеловал ей руку". (3. 20) .

Около полудня приехал Арендт, и больному дали несколько капель опия, чтобы облегчить боль. Приехавший около часа дня доктор В.И. Даль оставался с этого времени при больном до самой его кончины.

С утра 28 января в передней было полно приходящих. В столовую впускали только знакомых. Среди приходивших многие плакали.

Доктор Арендт раз по шести на день и несколько раз ночью извещал царя о состоянии Пушкина. На записки великой княгини Елены Павловны Жуковский посылал подробные ответы "согласно с ходом болезни". (3. 21) .

Весь день Пушкин был спокоен. К шести часам вечера температура повысилась и сильно участился пульс. К семи часам боль в животе сделалась ощутительнее. "Больной охотно соглашался на все предлагаемые ему пособия, — пишет Спасский. — Он часто требовал холодной воды, которую ему давали по чайной ложечке, что весьма его освежало". (3. 22).

Всю ночь с 28-го на 29-ое В.И. Даль находился у постели больного.

Утром в пятницу 29-го января Пушкин пожелал видеть Жуковского и довольно долго говорил с ним наедине. Собравшиеся врачи нашли положение больного совершенно безнадежным.

В это утро у подъезда образовалась большая толпа и к крыльцу квартиры Пушкина стало почти невозможно протиснуться. По просьбе Данзаса, у крыльца были поставлены часовые из Преображенского полка, которые и помогали поддерживать порядок.

"... Весь город, дамы, дипломаты, авторы, знакомые и незнакомые наполняют комнаты, справляются об умирающем, — писал А.И. Тургенев в день смерти поэта. — Сени наполнены несмеющими войти далее". (3. 23).

В два часа пополудни Пушкин сказал, что хочет спать, и попросил опустить шторы. У изголовья умирающего молча стояли его друзья: Мих. Ю. Виельгорский, П.А. Вяземский с женой, В.И. Даль, В.А. Жуковский, Е.И. Загряжская, П.И. Мещерский, А.И. Тургенев.

"Минут пять до смерти Пушкин попросил повернуть его на правый бок, — рассказывает Спасский. — Даль, Данзас и я исполнили его волю: слегка поворотили его и подложили к спине подушку.

... Не прошло несколько мгновений, как Пушкин сказал:
— Теснит дыхание.

То были его последние слова. Оставаясь в том же положении на правом боку, он тихо стал кончаться". (3. 24).

"Он скончался так тихо, — пишет Даль, — что предстоящие не заметили смерти его. Жуковский изумился, когда я прошептал: "аминь!". Доктор Андреевский наложил персты на веки его". (3. 25).

Александр Сергеевич Пушкин скончался 29 января (10 февраля н. ст.) 1837 года в 2 часа 45 минут пополудни...

Спустя три четверти часа после кончины тело Пушкина перенесли из кабинета в гостиную, а кабинет, исполняя приказание царя, Жуковский запечатал своей печатью.

Первая панихида была отслужена в 8 часов вечера.

За два дня после смерти и до перенесения гроба в церковь в доме Пушкина перебивало множество людей, пришедших поклониться гробу поэта. Прусский посланник в своем донесении называет цифру: "до 50.000 лиц всех состояний". (3. 26). В этом же донесении он писал: "Смерть Пушкина представляется здесь, как несравненная потеря страны, как общественное бедствие" (3. 27).

Отпевание вначале было объявлено на 1-ое февраля в 11 часов утра в Исаакиевском соборе в здании Адмиралтейства, приходяном которого был Пушкин. (Нынешний Исаакиевский собор в то время не был еще закончен). Но, ввиду ожидавшегося большого стечения желающих проститься с поэтом, отпевание решено было перенести в дворцовую церковь на Конюшенной площади.

1-го февраля к началу отпевания улицы, ведущие к церкви, и Конюшенная площадь были переполнены народом. В церковь впускали только тех, кто был в мундирах или имел билеты. "Но народ в церковь не пускали, — пишет об этом А.И. Тургенев. — Едва достало места для блестящей публики. Толпа генерал-адъютантов, гр. Орлов, кн. Трубецкой, гр. Строганов, Перовский, Сухозанет, Адлерберг, Шипов и пр." (3. 28).

"Служил архимандрит и шесть священников, — читаем в том же письме А.И. Тургенева. — Рвались — к последнему целованию. Друзья вынесли гроб; но желавших так много, что теснотою разорвали фрак надвое у кн. Мещерского... Мы на руках вынесли гроб в подвал на другой двор; едва нас не раздавили. Площадь вся покрыта народом, в домах и на набережных Мойки тоже". (3. 29).

Об отпевании Пушкина саксонский посланник бар. К.А. Лютценроде так доносил своему правительству (08.11.1837): "Похороны г. Пушкина отличались особенною пышностью, и в то же время были необычайно трогательны. Присутствовали главы всех иностранных миссий, за исключением графа Держема (английского посла) и кн. Суццо (греческого посла) — по болезни, барона Геккерна, который не был приглашен, и г. Либермана (прусского посла), отклонившего приглашение вследствие того, что ему сказали, что названный писатель подозревался в либерализме в юности, бывшей, действительно, весьма бурною, как молодость многих гениев, подобных ему". (3. 30).

29 марта 1836 г. умерла мать поэта Надежда Осиповна Пушкина. Тело матери сын отвез в Святогорский монастырь для погребения на фамильном кладбище Ганнибалов-Пушкиных при этом монастыре с Успенским собором. Похоронив мать, Пушкин купил для себя могилу рядом с могилой матери. К этой могиле и должен был быть доставлен гроб с телом Пушкина.

По состоянию здоровья вдова Пушкина не могла сопровождать гроб мужа. Через гр. Строганова Наталья Николаевна обратилась к гр. Бенкендорфу с просьбой, чтобы государь разрешил Данзасу проводить тело до могилы. На это царь ответил, что он сделал все, от него зависящее: Данзас не был арестован и ему разрешили оставаться при теле друга до отпевания. Большого снисхождения он сделать не может, так как это будет нарушением закона. При этом Николай I сказал, что он поручил давнишнему другу покойника А. И. Тургеневу проводить тело в Псковскую губернию.

2-го февраля гр. Строганов представил Тургеневу жандармского капитана Ракеева, которому было поручено доставить гроб в Святогорский монастырь. О дальнейшем так рассказывает Тургенев в письме к А. И. Нефедьевой (09.11.1837):

"3-го февраля в полночь мы отправились из Конюшенной церкви, с телом Пушкина, в путь; я с почтальоном в кибитке позади тела; жандармский капитан впереди одного. Дядька покойного желал также проводить останки своего доброго барина к последнему его жилищу, куда недавно возил он же и тело его матери; он стал на дрогах, кои везли ящик с телом, и не покидал его до самой могилы". (3. 31).

На следующий день в 9 часов вечера Тургенев прибыл в Псков, откуда в час пополудни 5-го февраля выехал в Тригорское, куда прибыл в 3 часа пополудни. Остановился он у Прасковьи Александровны Осиповой, которая по его просьбе послала в Святогорский монастырь своих крестьян рыть могилу. Вскоре в монастырь выехал и Тургенев с жандармским офицером. В монастыре условились с архимандритом о похоронах на следующий день. Гроб внесли в верхнюю церковь и поставили там до похорон. Крестьяне Пушкина, узнав о прибытии гроба, пришли помогать крестьянам Осиповой рыть могилу.

На следующий день, 6-го февраля 1837 г., когда могила была готова, "отслужили панихиду в церкви и вынесли на плечах крестьян и дядьки гроб в могилу . . ." (3. 32).

В 1841 г., по желанию вдовы поэта, на могиле Пушкина был выложен кирпичный склеп, куда перенесли прах поэта. Над склепом был установлен привезенный из Петербурга обелиск, а 1-го августа этого года была отслужена торжественная панихида с освящением склепа и обелиска...

4. Дантес во Франции

За участие в дуэли Ж. Геккерн (Дантес) был арестован. Решением генерал-аудитора от 17 марта 1837 г. за вызов на дуэль и убийство Пушкина он был разжалован в рядовые "с определением на службу по назначению инспекторского департамента". (4. 01).

Данзас был признан виновным в противозаконном согласии быть секундантом и непринятии всех возможных мер к предотвращению дуэли. За это был приговорен, сверх нахождения под судом и арестом, к двум месяцам содержания на гауптвахте с последующим возвращением на прежнюю службу.

О Пушкине в этом решении генерал-аудитора сказано: "Преступный же поступок самого Пушкина, подлежавшего равному с подсудимым Геккерном наказанию . . . по случаю его смерти предать забвению". (4. 02).

Утверждая это решение 18 марта 1837 г., Николай I написал: "Быть по сему, но рядового Геккерна, как не русского подданного, выслать с жандармом за границу, отобрав офицерские патенты". (4. 03).

На следующий день в 9 часов утра к Дантесу явился жандармский унтер-офицер. В 11 часов высланному было разрешено свидание в здании голландского посольства с женой и Л. Геккерном, длившееся около 3-х часов. В 1 час 45 мин. пополудни 19 марта 1837 г. Дантес был отправлен до границы в сопровождении жандарма.

Екатерина Николаевна Геккерн и Л. Геккерн выехали в Берлин 1 апреля, где их ожидал Дантес. Оттуда молодые отправились к отцу Дантеса в Сульц, а Л. Геккерн в Гаагу.

В Сульце молодые Геккерны поселились в доме, предоставленном им бароном д'Антесом. Чтобы помочь молодым материально,

Л. Геккерн поручил Дантесу управление частью своего имущества в Эльзасе и за это назначил ему жалование. Кроме этого он сначала дал деньги на обзаведение, а потом выдавал и на содержание.

Дом молодых Геккернов был хорошо обставлен и не уступал их квартире в Петербурге. У Екатерины Николаевны была верховая лошадь, свой экипаж и необходимая прислуга. Значительную часть больших расходов на содержание молодых Геккернов покрывали отец и дядя Дантеса.

В конце июня 1837г. Дантес с женой отдыхали в Баден-Бадене. Встретив здесь Дантеса, А.Н. Карамзин, до этого настроенный недружелюбно, с первой же встречи изменил свое отношение, если не совсем на прежнее дружественное, то на вполне доброжелательное.

В октябре 1837г. Екатерина Николаевна родила первого ребенка — дочь.

В мае следующего года Геккерны жили в Париже. "Мы здесь с 5 мая и в восхищении и восторге от всего, что вижу", — писала Е.Н. брату Дмитрию 25.5.1838. (4.04). Париж оставил много приятных и глубоких впечатлений. Особое впечатление произвели на Е.Н. Геккерн воскресные службы в посольской церкви. О них она писала брату в том же письме: "Это настоящее счастье для меня; я так долго была лишена православной службы, поэтому я этим воспользовалась и говела и причащалась, едва только приехала в Париж". (4.05).

Л. Геккерн до возвращения на службу в 1843г. большую часть времени проживал в Сульце. Осенью 1838г. он купил для Дантеса неподалеку от Сульца ферму. На ней выстроили дом (Екатерина Ник. называла его своим дворцом-замком), в котором семья Дантеса проводила три летних месяца, самых жарких в году.

Последняя часть книги "После смерти Пушкина" Ободовской и Дементьева, "Письма из-за границы", номинально посвящена письмам Е.Н. Геккерн. Фактически же — обоснованию отрицательного облика Дантеса, сложившегося в советском литературоведении. Впервые опубликованные здесь письма из архива семьи Гончаровых сопровождаются замечаниями и толкованиями, которые и заключают в себе это обоснование облика Дантеса, не имеющего никаких положительных черт.

Екатерина Николаевна представлена авторами одуроченной любящим ее мужем и его дядей, который ее будто бы почему-то терпеть не мог и только лицемерил, притворяясь заботливым и

уважающим свою невестку. Вообще Ободовская и Дементьев не допускают, чтобы Л. Геккерн мог сделать что-либо просто доброе для Екатерины Николаевны. (4.06).

В том, что Екатерина Николаевна любила Дантеса неизменно до самой смерти, Ободовская и Дементьев не сомневаются. И, должно быть, в публикуемых письмах находят подтверждение этому. Между тем слова Ек. Ник. в тех же письмах о любви к ней Дантеса авторы считают не заслуживающими доверия: "мы не видим в ее письмах ни одного доказательства любви Дантеса..." (4.07). На основании этих слов комментаторы заключают, что это и есть доказательство его нелюбви к жене. Такое доказательство, по-моему, кажется очень странным.

Комментируя письма, авторы стараются внушить читателю, что письма Екатерины Николаевны содержат в себе притворство и попытку скрыть, что она жертва мужа, который ее не любит (в ответ на ее обожание!), а все вокруг нее в Сульце — только терпят. (4.08).

Переписку жены, по утверждению Ободовской и Дементьева, Дантес будто бы проверял: "(Вообще все ее письма могут быть разделены на две категории: те, которые читались или могли быть прочитаны мужем, и те, которые писались в его отсутствие)". (4.09). Из этого авторы делают заключение, что у Ек. Ник. была двойная жизнь: внешне счастливая и "внутренняя — горестная и печальная, с ощущением своего одиночества в этой чужой стране, чужой семье, с постоянным сознанием, что муж ее не любит. Только дети, которых она безгранично любила, были ее единственной отрадой и утешением". (4.10). Но обоснования этой "внутренней жизни" в книге нет.

В одном из писем Дмитрий Николаевич обещал сестре приехать в Сульц летом 1840г. Екатерина Николаевна обрадовалась этому и очень надеялась, что брат непременно придет. (4.11). Обещание свое брат почему-то не выполнил. По мнению Ободовской и Дементьева, обещание это не было серьезным: "он просто хотел сделать приятное сестре и подать ей надежду на такое свидание в будущем". (4.12). Это предположение, что ложное обещание может сделать приятное, считать серьезным, конечно, нельзя. К тому же оно безо всяких оснований представляет Дмитрия Николаевича в явно нехорошем виде.

Вместо несбывшейся встречи с братом Дмитрием Ек. Ник. весной 1841г. виделась в Баден-Бадене с братом Иваном и его

женой. Об этом И.Н. Гончаров писал брату Дмитрию в письме от 25 марта (ст. стиля) 1841 г.:

"Катя приезжала сюда с мужем и двумя старшими девочками повидаться с нами. Вот уже две недели, как они вернулись в Сульц, пробив с нами четыре дня...

Я хотел сначала посмотреть, каковы их семейные отношения, и когда я понял, что сестра моя счастлива не на словах, а в действительности, это побудило меня, естественно, изменить мой несколько ледяной прием ее мужа на обращение более благожелательное и свободное. В самом деле, он такой же хороший муж, как и отец...

Итак, мы расстались добрыми друзьями, и чтобы им это доказать, я обещал приехать к ним в их поместье в первых числах июня..." (4. 13).

Из этого письма И.Н. Гончарова можно заключить, что Гончаровы действительно и спустя четыре года после свадьбы все еще сомневались, что сестра их в такой степени счастлива, как она писала в письмах. Но Ободовская и Дементьев считают, что Иван Николаевич и его жена (она во всем была того же мнения о Геккернях, что и муж) были очень простодушны и Дантес с женой сумели их обмануть. "Перед ними был разыгран, и, несомненно, достаточно искусно, спектакль, — утверждают комментаторы письма, — изобилующий сценами супружеского счастья". (4. 14).

Здесь замечу, что И.Н. Гончаров был на два года старше Дантеса. Таким простодушным, какое ему приписывают Ободовская и Дементьев, он не отличался. Был он, по отзыву А.Н. Муравьева, блистательным, светски образованным лейб-гусаром и при этом прекрасным пианистом. Был частым гостем в доме Пушкина. В гвардии он дослужил до чина генерал-майора, а в отставке был уездным предводителем дворянства. Жена его Мария Ивановна (урожденная княжна Мещерская) полностью разделяла мнение мужа о семье Дантеса. (4. 15). И она не была из тех простодушных, которые не смогли бы понять четырехдневную игру нелюбимой жены и нелюбящего мужа в роли счастливых супругов.

Ко всему этому можно прибавить отзывы о Дантесе других лиц, встречавшихся с ним и его семьей в Баден-Бадене, Париже, Вене (А. Карамзин, подруга детства Ек. Ник. графиня Сиркур, Фризенгофы, Строгановы...) Отзывы эти в общих чертах совпадают с впечатлениями И.Н. Гончарова и его жены.

И еще несколько слов в защиту нравственного облика Екатерины Николаевны. Ободовская и Дементьев называют ее притвор-

щицей и лгуньей: "то, что она говорит и что чувствует на самом деле, — не одно и то же". (4. 16). Опровергать это утверждение нет надобности, так как оно ничем в книге не подтверждается. Но и не упомянуть о нем нельзя, так как авторы приводят его, как вполне обоснованное.

Обещание свое приехать в Сульц с женой И.Н. Гончаров не выполнил. Причиной тому были, вполне возможно, полученные им в Баден-Бадене два письма от брата Дмитрия, которые его опечалили. Весной 1840 г. Дмитрий написал сестре и Л. Геккерну, что в скорости вышлет 5 тысяч рублей в счет покрытия долга, который к тому времени превышал 10 тысяч рублей. В полученных Иваном Ник. письмах Дмитрий сообщал, что деньги для Екатерины он выслать не может из-за плохого состояния его дел. Долг теперь уже дошел до 15 тысяч. Чтобы не быть замешанным в денежные дела между сестрой и братом Дмитрием, Ив. Ник. в Сульц, должно быть, решил не ехать, а письма эти позже, перед отъездом из Баден-Бадена в Россию, переслал сестре.

Здесь коротко напомню историю с выплатой части наследства, причитавшейся Екатерине Николаевне. Дело заключалось в следующем. Афанасий Николаевич Гончаров умер в 1832 году. Сын его Николай Афанасьевич с 1814 г. был психически болен и потому после смерти деда старший внук Афанасия Николаевича Дмитрий был назначен опекуном своего отца и управляющим всеми денежными и хозяйственными делами семьи Гончаровых. Во время сватовства Дм. Ник. обязался в присутствии Л. Геккерна и Е.И. Загряжской выплачивать Екатерине Николаевне 5 тысяч рублей в год. Причитающуюся сестре сумму Дм. Ник. уплатил только за первые три месяца 1837 г. и прекратил выплату после ее отъезда во Францию. Деньги эти стали предметом огорчений для Ек. Ник., не оставлявших ее до самой смерти: невыполнение братом взятого на себя обязательства она переносила очень болезненно.

Вся эта история с неуплатой причитающихся Ек. Ник. денег закончилась уже после ее смерти. По поводу этих денег Дантес в 1848 г. обратился с письмом к Николаю I. Оно было передано Бенкендорфу с резолюцией царя: "для принятия возможных мер, чтобы склонить братьев Гончаровых к миролюбивому с ним соглашению". (4. 17). После этого, как пишут Ободовская и Дементьев, какая-то сумма задолженности (какая именно, почему-то не ска-

зано) и часть наследства от матери (Наталья Ивановна умерла в 1848 г.) были выплачены детям Екатерины Николаевны.

Комментируя эту историю, Ободовская и Дементьев возмущаются тем, что Дантес, "даже будучи вполне обеспеченным человеком..." (4.18), все-таки обратился к Николаю I, а само это обращение называют почему-то наглостью. Толкование это явно предвзятое и признано серьезным быть не может. Дантес "вполне обеспеченным" не был. Такое обеспечение, как увидим, придет позже. Отказ платить долг, понятно, нельзя признать поступком справедливым, а напоминание о задолженности — наглостью. И размер богатства *напоминающего* тут, понятно, ни при чем. Между тем Ободовская и Дементьев совсем иного мнения об этом. Для них отказ Дм. Ник. от уплаты долга кажется справедливым решением, так как он "обязался сестре выдавать 5000 рублей содержания" потому только, что "его к тому вынудили . . . обстоятельства". (4.19). Напомнивший о задолженности Дантес оказался у авторов наглецом, наглость которого "превосходит все границы". (4.20). И это, оказывается, потому только, что он был вполне обеспеченным человеком...

Хотя эта история с деньгами занимает важное место во всех почти письмах Екатерины Николаевны, о ней все-таки можно бы было и не писать. Но подобного рода, как приведенные здесь, комментарии в книге "После смерти Пушкина" совсем не редкость. Они-то и составляют главное обоснование того отрицательного облика Дантеса, который авторы имели целью создать.

В октябре 1842 г. Дантес с семьей уехал на всю зиму в Вену, где в это время Луи Геккерн был уже посланником голландского короля. По утверждению Ободовской и Дементьева, Л. Геккерн в 1833 г. "потасил за собой Дантеса" в Петербург, где Дантес стал "орудием в его негласной "дипломатической деятельности". (4.21). В чем именно выразилась эта негласная "дипломатическая деятельность" и какую роль в ней играл Дантес, из текста книги узнать нельзя. Тем не менее авторы считают, что именно для этой роли при дворе в Вене Л. Геккерн и привез своего племянника с его семьей. "И Дантес, несомненно, — утверждают Ободовская и Дементьев, — рассчитывал, что он вновь сможет начать делать карьеру. Но оба они просчитались — двери салонов Вены оказались для Дантеса закрытыми". (4.22).

Оставив в стороне вопрос о закрытости дверей салонов, укажу на те факты, которые говорят о том, что Дантесу вообще к тому времени уже не нужно было начинать карьеру в Вене. Живя в родном Сульце, он принимал деятельное участие в местном самоуправлении. Вскоре он стал известен в Эльзасе настолько, что в 1842 г. был уже избран (на место отца, ушедшего в отставку) членом Генерального совета департамента Верхнего Рейна. Было ему в это время 30 лет. Карьера его во Франции, как общественного деятеля, была, как увидим, последовательно возрастающей.

22 сентября 1843 года Екатерина Николаевна родила четвертого ребенка: долгожданного мальчика. Роды были тяжелыми и стоили ей жизни. Заболев родильной горячкой, которую в те годы не умели еще лечить, она умерла 15 октября 1843 г. в возрасте 34-х лет.

Ободовская и Дементьев совершенно серьезно уверяют, что смерть жены принесла Дантесу что-то вроде долгожданного освобождения от уз: "смерть жены, — пишут они, — как будто развязала ему руки". (4.23). Жена, оказывается, была тем, что "каждодневно и ежечасно напоминало о петербургской катастрофе..." (4.24). Вот это напоминание и было будто бы теми узами, связывавшими его, которые должны были исчезнуть со смертью жены. Конечно, все это обоснование освобождения Дантеса явно неубедительно, но вместе с тем в нем ярко выразилась предубежденность по отношению к Дантесу, от которой авторы не могли освободиться...

Сватовство Дантеса и свадьба были, как мы знаем, неожиданными, и потому неизбежно стали источником домыслов и сплетен разного рода. Но при всем этом влюбленность Екатерины Гончаровой ни у кого не вызывала сомнения. Решение же Дантеса жениться вызвало разные толки, содержавшие в себе сомнения в искренности его чувств к невесте. Но во всем этом не было никаких свидетельств выражения его нелюбви к ней. Нет их и в опубликованных Ободовской и Дементьевым письмах Е.Н. Геккерн.

По убеждению Ободовской и Дементьева, Геккерны несомненные виновники смерти Пушкина. Е.Н. Геккерн оказалась будто бы "игрушкой в руках баронов", но вместе с тем гордой и самолюбивой. Она, оказывается, признавала вину мужа в убийстве Пушкина (4.25) и долю своей вины. "Но ни в одном письме, — пишут Ободовская и Дементьев, — даже намеком она не признала ни вины мужа, ни доли своей вины в происшедших событиях. Гордость и самолюбие не позволили ей сделать это . . ." (4.26). (Невольню

возникает вопрос: откуда же авторы узнали об этом признании Екатериной Николаевной собственной вины и ее мужа в гибели Пушкина?). И как возмездие за все это, по мнению Ободовской и Дементьева, "ей пришлось заплатить горькой своей участью на чужбине с нелюбившим ее человеком и ранней смертью". (4. 27) ...

Детей Екатерины Николаевны воспитала незамужняя сестра Дантеса Адель. Дочери выросли красивыми и благодаря высокому положению их отца были приняты при дворе. Сын, выйдя в отставку в чине капитана, женился в Сульце, где и провел большую часть жизни.

Дантес, как уже было сказано, в 1842г. был избран членом Генерального совета Верхнего Рейна. В следующих выборах он был переизбран и выбран председателем Генерального совета. (Одновременно он был избран и мером родного города). Дантес оказался способным администратором и превосходным оратором. В 1851г. он был избран депутатом Национального собрания и переехал в Париж.

17 июля 1851г. в Национальном собрании шло обсуждение конституции Франции. От имени республиканцев выступил с четырехчасовой речью В. Гюго. (Убежденный монархист, Гюго незадолго до падения династии Бурбонов в 1830г. сделался республиканцем). О выступавших против него роялистах он в тот же день напечатал явно плохое ругательное стихотворение "Сойдя с трибуны", в котором писал:

Все эти господа, кому лежать в гробах,
Толпа тупая, грязь, что превратится в прах.

(Вскоре после этой речи В. Гюго бежал в Бельгию, где и прожил 20 лет до поражения Франции в войне с Пруссией). Среди обреченных Виктором Гюго "лежать в гробах" и т. д. был и 39-летний Жорж де Геккерн...

Ссылаясь на книгу Беркова (4. 28), Ободовская и Дементьев к общей характеристике роялистов В. Гюго прибавляют брезгливо-уничтожительное упоминание имени Дантеса Карлом Марксом, назвавшим его "известнейшим выкормышем империи". Признать слова Гюго и это упоминание Маркса серьезной характеристикой нравственного облика Дантеса, понятно, очень трудно. Между тем именно такое значение этим словам и придают авторы (4. 29).

В 1852г., по тайному поручению принца-регента Луи-Наполеона Бонапарта, Жорж де Геккерн имел секретные свидания с тремя

монархами: русским (в Потсдаме), австрийским и прусским. Целью этих свиданий было выяснить, как бы отнеслись эти монархи к восшествию Луи Наполеона на императорский трон. Полученные сведения были одобрительными и 2 декабря 1852г. принц-регент провозгласил себя императором Наполеоном III. Барон Жорж де Геккерн в возрасте 40 лет был избран в сенаторы. Талантливый и влиятельный политический деятель, убежденный роялист, Дантес и был назван не разделявшим его убеждений Карлом Марксом "виднейшим выкормышем империи"...

Помимо многолетней государственной службы, Дантес очень успешно вел многие промышленно-финансовые дела. По словам его внука, Луи Метмана, он был одним из первых учредителей кредитных банков, транспортных и страховых обществ, долгие годы был президентом газовой компании в Париже. Если политическая деятельность принесла ему известность и уважение, то деловая принесла значительное состояние. В Париже, на Елисейских полях, Дантес выстроил большой трехэтажный дом, где жил со всей семьей.

В 1870г., после поражения Франции в войне с Пруссией и падения империи, Дантес вышел в отставку и переехал в родной город Сульц. Здесь он прожил последние 25 лет и умер 2 декабря 1895г., окруженный детьми, внуками и правнуками. Было ему 83 года.

Барон Л. Геккерн умер 11-ю годами раньше, в 1884г., в возрасте 93 лет и похоронен в Сульце. Дантесу было уже 72 года, когда он унаследовал все его состояние...

Безнравственный, вызывающий отвращение и презрение образ Дантеса и его окружения создан в советской литературе утверждениями сомнительной нравственности. И в книге "После смерти Пушкина" примеров такого рода утверждений, основанных на предвзятой враждебности и часто клевете, много. Причины, породившие их, известны, и потому осуждать авторов нет смысла, но нельзя не признать, что утверждения эти унижают достоинство писателя и не делают чести литературоведению, "ибо нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви" (4. 30).

Смерть Пушкина в советском литературоведении

Смерть Пушкина в советском литературоведении представлена результатом замысла, исполнение которого готовилось при дворе. Главными участниками этого заговора называют царя и окружавшую его какую-то великосветскую клику. По этой версии, Дантес был избран заговорщиками орудием для увлечения жены Пушкина и нанесения оскорбления ненавистному поэту. "Но на первых порах Дантес, — как пишет Благой, — по-видимому, и в самом деле искренне и сильно увлекся ею. Однако расчеты пристально за всем этим наблюдавшей придворно-великосветской (уваровско-нессельродской) клики на то, что ему удастся обольстить жену поэта и тем самым нанести ему тяжелый удар, явно не оправдались". (5.01). Тогда Геккерн, усыновив Дантеса, "стал самолично "сводить его с женой поэта". (5.02). Но и эти "попытки Геккерна не дали желанных результатов. Тогда-то окончательно и созрел воистину *дьявольский план*". (5.03).

Утром 4-го ноября 1836г. Пушкин получил анонимное письмо, посланное по городской почте ему и его близким знакомым. "Все, узнавшие о пасквиле, — читаем у Благого, — сочли, что в нем заключен клеветнический намек на связь жены Пушкина с Дантесом... Эта версия считалась само собой разумеющейся всеми дальнейшими исследователями до 3-го издания монографии П. Е. Щеголева". (5.04).

О том, как отнесся к пасквилю Пушкин и как он его понял, речь была выше. Здесь только отмечу, что посланный в тот же день вызов Дантесу мог вполне свидетельствовать о том, что и Пушкин понял его, как все, получившие этот "диплом". Но вот спустя 92 года после получения Пушкиным этого пасквиля Щеголев (5.05) неожиданно открыл в его тексте совершенно новый смысл: в нем, оказывается, заключен намек на связь жены Пушкина не с Дантесом, а с царем (5.06).

Отправив 4 ноября вызов Дантесу (текст его неизвестен), Пушкин, как утверждает вслед за Щеголевым Благой, уже на следующий день "понял и весь зловещий смысл пасквиля, и цель его — и одновременно догадался, от кого исходит он". (5.07). Смысл пасквиля — намек на связь Н.Н. Пушкиной с Николаем I, цель — натравить Пушкина на царя и тем самым погубить его. А исходит памфлет от Геккерна и политических врагов поэта (5.08).

Здесь отмечу, что намек на связь Н.Н. Пушкиной с императором следует признать совершенно несостоятельным. Во-первых, уже потому хотя бы, что потребовалось больше 90 лет для обнаружения этого намека в тексте "диплома". Во-вторых, нужно безо всякого на то основания поверить Щеголеву, что Пушкин будто бы на следующий день уже обнаружил этот намек и при этом никому не обмолвился и ничего не сделал со своей стороны для предотвращения оказавшейся теперь формально бессмысленной дуэли с Дантесом. И, наконец, последователи Щеголева не приняли во внимание последствий, которые вызвало бы вполне возможное раскрытие лиц, причастных к составлению пасквиля с таким намеком на царя...

По версии Щеголева, вызовом на дуэль Дантеса Пушкин спутал все расчеты злоумышленников и "привел в панику Геккерна" (5.09), так как дуэль даже в лучшем случае значила бы для Дантеса конец службы в России. Поэтому, как полагают сторонники Щеголева, крайне растерянный Геккерн, получив вызов для своего приемного сына, в тот же день явился к Пушкину с просьбой, если нельзя взять вызов обратно, то разрешить отложить дуэль.

По Щеголеву, эта растерянность Геккерна и натолкнула будто бы Пушкина на мысль, что в пасквиле идет речь о связи его жены с царем, а сам Геккерн причастен к "дипломату". Пушкин при этом, по словам Благого, рассуждал так: "В самом деле, зачем, если он так боялся дуэли, он стал бы наводить на нее инспирированным им дипломом. Значит, речь в нем идет не о Дантесе". (5.10).

Приведенное рассуждение Благого, приписанное Пушкину, считать серьезным, конечно, трудно. Но само предположение о наличии в пасквиле намека на царя сделало необходимым существование какой-то новой причины, которая заставила Геккерна, добившегося отмены дуэли, неожиданно решить делать все возможное, чтобы дуэль Пушкина с Дантесом стала неизбежной.

Такой причиной Благой называет не скрываемое Пушкиным обещание обесчестить Геккерна, доказав его причастность к пасквилю. (Подозрение об этой причастности Геккерна, как мы знаем, было уже им изложено в письме к Бенкендорфу от 21 ноября 1836г.). "Речь шла теперь, — пишет Благой, — не о карьере Дантеса, а о предстоящем полном крушении его собственного положения и, еще шире, о грандиозном "скандале", угроза которого повисла не только над ним одним, но который мог задеть и его высокопоставленных покровителей, орудием которых он в значительной степени являлся. Теперь оставался уже всего лишь единственный способ обезвредить

поэта — физически его уничтожить, пока еще он не успел привести свой замысел в исполнение. И все было направлено именно на это". (5.11). Короче говоря, Дантес был избран Геккерном убийцей, и он же его направлял. Сам же Геккерн, в свою очередь, был орудием "придворно-великосветской (уваровско-нессельродской)" клики, будто бы боявшейся обещанного поэтом "скандала"...

Та же самая растерянность Геккерна, которая у Щеголева раскрыла Пушкину намек на ухаживание царя за его женой, стала для Благого подтверждением причастности Геккерна к составлению "диплома". Между тем, эта крайняя растерянность Геккерна в не меньшей мере может служить обоснованием и противоположного предположения. Во всяком случае, это предположение Благого о причастности Геккерна к составлению пасквильного письма признать достаточно обоснованным нельзя. А это, в свою очередь, лишает достоверности утверждение о стремлении Геккерна "физически уничтожить" Пушкина по наущению "придворно-великосветской клики".

Уже Вл. С. Соловьев в статье "Судьба Пушкина" (1897) указывал на несостоятельность распространенного среди критиков и историков литературы мнения о будто бы враждебном отношении "света" к Пушкину. Соловьев спрашивал: почему это у этих авторов Уваров представлял "свет", а не Карамзин, Виельгорские, Вяземский и т. д.? А разве русскую литературу представляли не Жуковский, Гоголь, Баратынский, Плетнев? Утверждение о враждебности "света" к Пушкину (с непризнанием, преследованиями, интригами...) Соловьев назвал несерьезным, так как справедливо считал, что "едва ли был когда-нибудь в России писатель, окруженный таким блестящим и плотным кругом людей понимающих и сочувствующих". (5.12).

Придворную интригу (не указывая, какую именно), как причину гибели Пушкина, в советском литературоведении впервые назвал Б.В. Казанский в 1928 г. в № 1 журнала "Звезда". (5.13). Это предположение сделало необходимым существование "придворной клики", которая "злобно и целеустремленно преследовала поэта" (5.14) и рукою Дантеса убила его (5.15). Это утверждение И. Андроников назвал истиной, давно известной "каждому школьнику", но при этом признал, что она обоснована "только в общих чертах". Не называя этих черт, он оптимистически уверял читателей, что подробности ее "исследователи продолжают уточнять с каждым годом". (5.16).

Существующая в советском литературоведении "придворная банда" (5.17) с царем во главе оказывается на поверку безликой,

так как ее определение ограничивается, в лучшем случае, неопределенным окружением гр. К.В. Нессельроде и С.С. Уварова. К этому следует напомнить, что служебные и личные отношения Нессельроде к Пушкину никогда враждебными не были. Отношение Пушкина к Уварову, действительно, бывало временами недружелюбным и даже несправедливым со стороны поэта ("На выздоровление Лукулла"), но нет никаких данных назвать Уварова смертельным врагом Пушкина. Говоря проще, нет никаких оснований для утверждения, что Пушкин и его жена были будто бы жертвами "тех дьявольских махинаций, тех адских козней и адских пут" (5.18), которыми опутал их "свет" и которые стали причиной гибели Пушкина. Здесь "махинации" и, должно быть, ужасные "козни" с "путами" не что иное, как образы публицистики, известной долголетней пристрастной враждебностью к прошлому России и которую серьезной считать нельзя. Но она все еще значительно определяет облик советского литературоведения и потому о ее утверждениях приходится упоминать.

По свидетельству В.А. Соллогуба, Пушкин вначале подозревал в авторстве "диплома" одну даму, которую и назвал ему. (5.19). Но вскоре он переменял свое мнение и неизвестно на каком основании был убежден, "что анонимное письмо исходило от г-на Геккерна". (5.20). О непричастности Геккерна к составлению пасквиля Вяземский писал вскоре после смерти Пушкина в письме к великому князю Михаилу Павловичу: "На этот счет не существует никаких юридических доказательств, ни даже положительных оснований". (5.21).

Некоторые близкие друзья Пушкина (среди них и С.А. Соболевский) подозревали в составлении анонимного письма П.В. Долгорукова (1816-1868). Спустя долгие годы, в 1927 г., это подозрение получило юридическое доказательство, когда судебный эксперт А.А. Сальков установил, что пасквильные письма были "написаны несомненно собственноручно князем Петром Владимировичем Долгоруковым". (5.22)

В советском литературоведении довольно распространено предположение, будто Николай I сам ухаживал за Н.Н. Пушкиной и, желая отдалить ее от Дантеса, "высочайше повелел" тому жениться на свояченице Пушкина Екатерине. Предположение это ни у кого из современников, близких ко двору, не имеет подтверждения. Между тем для некоторых влиятельных пушкинистов это ухаживание

царя все еще не вызывает сомнений. "Николай I уже давно имел свои виды на жену камер-юнкера Пушкина, — пишет, например, В. Сайтанов. — Обнаружив к осени 1836 г. на своем пути Дантеса, царь решил от него избавиться". (5.23). Средством избавления, по Сайтанову, царь будто бы считал женитьбу соперника. Намерение женить Дантеса каким-то образом стало известно Геккерну и Дантесу. И дядя с усыновленным племянником решили, что если им удастся удалить из Петербурга "предмет соперничества царя и поручика", то и "несвоевременная женитьба последнего" перестанет быть необходимой. Так, по Сайтанову, родилась мысль написать анонимное письмо. "Целью составления анонимного пасквиля было заставить Пушкина увести жену из Петербурга..." — уверяет Сайтанов (5.24).

По этой версии Сайтанова, Геккерны оказались плохими сочинителями: пасквиль не был понят и жену Пушкин из Петербурга не увез, и потому Дантесу пришлось жениться, подчинившись воле Николая I. "Вызов Пушкина разбил планы баронов, — разъясняет Сайтанов. — Дантес вынужден был сделать предложение Екатерине Гончаровой (согласие, видимо, не вызывало у них сомнений)". (5.25).

Упомянувшееся уже утверждение Щеголева (5.05) о связи жены Пушкина с Николаем I прочно вошло в советское литературоведение как обоснованный факт. Щеголев также привел, как заслуживающий доверия, рассказ неизвестной "любезной, умной и добродетельной дамы" из французской книги Кюльтюра. По этому рассказу Николай I оказывается очень блудливым, а его многочисленные связи с женами и дочерьми придворных были будто бы обычными и воспринимались мужьями и родителями как "честь, которая им выпала". Незамужних любовниц царь выдавал замуж, а их мужей обеспечивал хорошей карьерой. Явно пасквильный этот рассказ Вересаев внес в книгу "Пушкин в жизни", вышедшую в 1928 г. (5.26). С тех пор книга эта многократно переиздавалась с этим рассказом без всяких примечаний. И в издании 1984 г. в "Дополнениях и комментариях" В. Сайтанова о нем нет ни слова: комментатор, как и Вересаев, считает этот рассказ заслуживающим доверия...

Как бы в подтверждение правдоподобия рассказа де Кюльтюра и как обоснование своего убеждения в существовавших близких тайных отношениях между Пушкиной и царем, Вересаев предложил свое разоблачение этих отношений. Основанием этому разоблачению ему служило утверждение, что ген. П.П. Ланской согласился будто

бы покрыть эти тайные отношения своей женитьбой, а его блестящая служебная карьера служит доказательством этого. Кроме того, старшая дочь Ланских Александра Петровна (1845-1919), крестница царя, по утверждению Вересаева, на самом деле была дочерью Николая I.

Д. Благой слишком деликатно назвал это разоблачение искусно воздвигнутым зданием на песке (5.27). Заключение это явно излишне деликатно, так как на самом деле разоблачение Вересаева скорее напоминает не искусно построенное здание на песке, а неумело слепленное сооружение не только на песке, но и из песка...

В. Сайтанову разоблачение Вересаева, должно быть, показалось, так же, как и Благому, зданием, и при том на прочном основании. Поэтому оно и послужило ему образцом в построении приведенной выше версии рождения пасквильного письма и причины женитьбы Дантеса, опирающейся на то же основание — существование связи Пушкиной с Николаем I.

Не обоснованная никем связь Н.Н. Пушкиной с Николаем I явилась основанием многочисленных уничижительных (например, у Цветаевой), резко неприязненных (как у Ахматовой, например) предвзятых представлений о жене поэта. Начиная со Щеголева, с его "произвольными домыслами и категорическими приговорами" (5.28), виновность Пушкиной в гибели поэта постепенно возрастала и укреплялась. В конце концов она сделалась "школьной истиной", по которой жена "превратилась чуть ли не в соучастницу заговора против мужа". (5.29).

Выход в свет книг И. Ободовской и М. Дементьева (5.30), по словам В.И. Кулешова, "произвел поистине переворот в укоренившихся представлениях о Наталье Николаевне". (5.31).

"Несколько сотен изученных писем Н.Н. Пушкиной и ее родных позволили создать новый образ жены великого поэта, — пишут Ободовская и Дементьев, — опровергнуть клеветнические измышления, доминировавшие до сих пор в пушкиноведении вследствие того, что большинство ученых опиралось на недостоверные источники прошлого и предвзятые "свидетельства" современников. В особенности это относится к известной монографии П.Е. Щеголева "Дуэль и смерть Пушкина", которая в течение многих десятилетий служила основой для характеристики Н.Н. Пушкиной. Несостоятельность многих его доводов теперь доказана". (5.32).

Приведенная выписка — это первое в советской литературе открытое признание образа жены Пушкина клеветническим измышлением. Но вместе с этим в ней заключена попытка объявить *источники прошлого* причиной создания этого образа. Попытка эта кажется странной (если она не вынужденна), так как нельзя предположить, что авторы сами не понимали ее явную беспомощность...

Установленные в советском литературоведении представления о Пушкине коротко можно свести к следующему. Пушкин был противник существовавшего режима (революционер), ненавидевший и презиравший представителей высшего правящего слоя. Существовавшая якобы в ближайшем окружении Николая I клика, в ответ на враждебные чувства к ней со стороны поэта, стремилась погубить его. Гонения, преследования, интриги и сплетни — были средством, которым травили Пушкина. Иностранец Дантес был избран орудием истребления поэта. Пистолетом, вложенным в его руку, придворная клика во главе с царем убила ненавистного ей Пушкина-революционера. При этом считается признанным наличие неясных, непонятных и других подобных мест в преддуэльной истории, без чего литературоведам нечего бы было делать. К этому прибавляют уверение, что деятельность исследователей с годами будет только подтверждать правильность установленных в советском литературоведении представлений о Пушкине. Вот как это излагает Т. Г. Цявловская:

«Что бы о Пушкине не появилось за последние десятилетия... что бы не открылось о Пушкине нового, оно всегда подтверждает наши представления о нем, обогащает нас новыми подробностями, новыми данными, но не новыми представлениями». (5.33).

Сказано ясно: ни о каком ином представлении о Пушкине, кроме уже установленного, не может быть и речи. И это положение в литературоведении сохранялось все годы при советской власти вплоть до 80-х годов. В настоящее время положение советских литературоведов уже не совсем такое, каким оно было определено Цявловской. Медленно, но непрестанно прошлое России очищается в литературе от многолетней клеветы и вместе с этим начинают проявляться подлинные черты окружения поэта и облика самого поэта, без чего невозможно было ни установить, ни понять причину трагической гибели гениального поэта и умнейшего человека России — А. С. Пушкина. Сейчас достоверно можно сказать, следуя за В. С. Соловьевым, что Пушкин оказался «невольником той страсти гнева

и мшениа, которой он весь отдался». (5.34). Но что было причиной этой страсти, остается неизвестным...

«Теперь еще не настала пора разоблачить тайны, окружающие несчастный конец Пушкина, — писал Вяземский. — Но во всяком случае, зная ход дела, можем сказать положительно, что злорадству и злоречию будет мало поживы от беспристрастного исследования и раскрытия существенных обстоятельств этого печального события». (5.35).

Пора, о которой писал Вяземский, могла бы определенно наступить значительно раньше, чем она наступит. Положение в настоящее время совершенно верно определил Д. Благой:

«Полностью разобраться в мутном потоке сплетен и пересудов, злоречья и клеветы, который был обрушен на последние месяцы жизни Пушкина, отъединить правду от неправды, истину от лжи, слухи и домыслы от действительных фактов и по сию пору не удалось». (5.36).

К этому необходимо прибавить, что многое в этом «мутном потоке» создавалось преднамеренно, в силу существовавших условий. Но названное выше очищение облика прошлой России дает основание надеяться, что в ходе этого очищения все более и более возможным будет становиться беспристрастное, добросовестное исследование, о котором мечтал Вяземский.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1. Знакомство Пушкина с Дантесом

1. 01 См. И. Ободовская, М. Дементьев. *Нат. Ник. Пушкина*. Сов. Россия. М. 1985. В этой книге Дантес назван «проходивцем-кавалергардом» (с. 185).
1. 02 О. А. Панчуладзе. *Сборник биографий кавалергардов*. СПб, 1908, с. 77. Цит. по: В. Вересаев. *Пушкин в жизни*. Моск. Раб. М. 1984. Доп. и коммент. В. Сайтанова. Дальше: Вересаев.
1. 03 В. Сайтанов. Анонимный пасквиль. Первый вызов. Женитьба Дантеса. В кн.: Вересаев, с. 482.
1. 04 П. П. Вяземский. *Сочинения*. СПб., 1893. Цит. по: Вересаев, с. 476.

1. 05 Цит. по: Вересаев, с. 484.
Д. Л. Нарышкин (1758-1838) – обер-егермейстер. Муж урожденной княжны М. А. Святопулк-Четвертинской (1779-1854) – фаворитка Александра I (1777-1825).
И. М. Борх (р. 1807 г.) – титулярный советник, переводчик департамента внешних сношений Мин. ин. дел. Муж Любови (Эммы) Викентьевны (урожд. Гольинской), родственницы Н.Н. Пушкиной и великосветской знакомой Пушкина. Почему имя И.М. Борха оказалось в "дипломе", неизвестно.

1. 06 В. А. Солюгуб так пишет в своих воспоминаниях об этом "дипломе": "В начале декабря д'Аршиак показал мне несколько печатных бланков с разными шутовскими дипломами на разные нелепые звания. Он рассказал мне, что венское общество целую зиму забавлялось рассылкою подобных мистификаций. Тут находился тоже печатный образец диплома, посланного Пушкину".
Цит. по: Вересаев, с. 513.

1. 07 Пушкин. *Письма последних лет (1834-1837)*. Наука, Л., 1969, с. 183.

1. 08 Во время переговоров о дуэли Дантес, как пишет Солюгуб, сказал ему: "Вот уже год, как старик (Геккерн) не хочет позволить мне жениться". (Цит. по: Вересаев, с. 501).
Считать эти слова Дантеса ложью нет оснований хотя бы потому, что лгать не было причины, а оговаривать своего приемного отца было бы, по меньшей мере, неблагоприятно: материально Дантес целиком зависел от него, так как своих средств для великосветской жизни у него не было и жену, понятно, он содержать не мог бы.

Глава 2. — Сватовство и женитьба Дантеса

2. 01 Цит. по: Вересаев, с. 503.
2. 02, 03 Там же, с. 503 и 504.
2. 04 Пушкин. *Переписка последних лет*. с. 161.
2. 05 Там же, с. 199.
2. 06 В. И. Кулешов почему-то считает, что пасквильное письмо и ухаживание Дантеса оскорбляли и честь русского человека и его национальную гордость. Поэтому трагическая дуэль на Черной Речке была будто бы защитой этой чести и этой гордости, оскорбленных иностранцем.
В. И. Кулешов. Жена поэта. с. 12.
Всугл. ст. в кн.: И. Ободовская, М. Дементьев. *Нат. Ник. Пушкина*. Сов. Россия, М., 1985.
2. 07 Цит. по: Вересаев, с. 503.
2. 08 Цит. по: И. Ободовская, М. Дементьев. *Нат. Ник. Пушкина*. с. 189.

2. 09 Цит. по: Вересаев, с. 516.
2. 10 Пушкин. *Письма последних лет*, с. 175.
2. 11, 12 Там же, с. 165.

2. 13 Вл. С. Соловьев. *Памяти императора Николая I (1896)*. В кн.: *Собр. Соч.* Изд. 2-е. СПб, т. 7, с. 378.
В статье "Судьба Пушкина" (1897) Соловьев также пишет об этом *честном слове*: "император Николай Павлович взял у него слово, что в случае нового столкновения он предупредит государя. Пушкин дал слово, но не исполнил его". (Указ. собр. соч., т. 9, сс. 53, 54).

Глава 3. — Дуэль и смерть Пушкина

3. 01 Пушкин. *Переписка последних лет*. сс. 183-184.
3. 02, 03, 04, 05 Цит. по: Вересаев, сс. 552, 554, 555, 565.
3. 06 И. Т. Спасский. *Последние дни Пушкина*.
Цит. по: Вересаев, с. 574.
3. 07, 08 Цит. по: Вересаев, с. 575.
3. 09 Там же, с. 583. (Письмо к С. Л. Пушкину от 15.2. 1837).
3. 10 Там же, с. 583.
Эту цитируемую часть письма Жуковского к С. Л. Пушкину, где говорится о выражении преданности царю, составитель книги "Друзья Пушкина" В. В. Кунин решил изъять.
См. *Друзья Пушкина. Переписка. Воспоминания. Дневники*. В 2-х тт. Изд. Правда, М., 1984, т. 1, с. 368.
Слова Пушкина "был бы весь его" в середине 20-х гг. были названы в сов. литературоведении *предсмертной фразой* Пушкина. С тех пор ей посвящено было много работ. Сначала ее объявили фальсификацией Жуковского, и долгие годы влиятельные ученые (как Б. С. Мейлах, например) считали это несомненным. Затем к имени Жуковского в середине 70-х гг. попытались было, но безуспешно, присоединить Спасского (Я. Л. Лелевич). Наконец к 1980 г. существование "предсмертной фразы" признали несомненным, но тут же начались попытки истолковать ее в смысле противоположном прямому смыслу (В. Сайтанов), то есть считать ее выражением не преданности царю, а презрения и лютой ненависти к нему. Так, например, по Сайтанову, истинный смысл "предсмертной фразы" – это "язвительный и гневный выпад против монарха" (Вересаев, с. 686). И смысл этот, оказывается, уже понимали будто бы какие-то не названные Сайтановым современники, а Жуковский (он все-таки мошенник!) понимал несомненно. "В числе немногих современников, понявших истинный смысл пушкинских слов, – утверждает Сайтанов, – был, несомненно, и Жуковский". (там же, с. 687).
Прим. ред. – О "предсмертной фразе" см. статью В. Миклашевского в "Вестнике РХД" №149.

3. 11, 12 Цит. по: Вересаев, с. 576. Записка царя долгое время считалась вымыслом. В настоящее время существование признано достоверным.
3. 13 Там же, сс. 576-577.
3. 14, 15 В. С. Соловьев. Ук. соч., т. 7, с. 378.
3. 16 Цит. по: Вересаев, с. 583. Я. Л. Лелевич утверждает, что совет Николая I умереть христианином был угрозой лишить семью Пушкина помощи, если он откажется от исповеди и причастия. Короче, Пушкин если и исполнил христианский долг, то только по принуждению. Вот это утверждение: "Николай I обещал умирающему позаботиться о его семье при условии исполнения христианского долга..." См.: Пушкин. *Письма последних лет*. с. 435. (Словарь имен). В ук. кн. "Друзья Пушкина" (т. 1, с. 368) та часть письма, в которой содержатся слова царя о поздравлении с исполнением христианского долга, опущена.
3. 17 Цит. по: Вересаев, с. 579.
3. 18 *Друзья Пушкина*, т. 1, с. 369.
3. 19, 20 Цит. по: Вересаев, сс. 581, 582.
3. 21 Там же, с. 584. Это место в письме Жуковского с упоминанием о царе и великой княгине В. В. Кунин, составитель ук. кн. "Друзья Пушкина" (т. 1, ст. 370), счел нужным исключить из текста.
3. 22 Цит. по: Вересаев, с. 592.
3. 23, 24, 25, 26, 27 Там же, сс. 596, 598, 599, 624, 623.
3. 28 Там же, с. 624. А. И. Тургенев – А. И. Нефедьевой в письме от 11.2.1837.
3. 29, 30, 31, 32 Там же, сс. 625, 620, 627, 629.
- Глава 4. — Дантес во Франции**
4. 01 Дуэль Пушкина с Дантесом. Подлинное военное дело, с. 151. Цит. по: Вересаев, с. 639.
4. 02, 03 Там же.
4. 04 И. Ободовская, М. Дементьев. *После смерти Пушкина*. Сов. Россия. М., 1980, с. 274. (Дальше: После смерти Пушкина).
4. 05 Там же, с. 275. Комментируя это письмо Ек. Ник., Ободовская и Дементьев почему-то полагают, что путешествие в Париж было предпринято "для скупавшего в Сульце Дантеса, а отнюдь не для его жены" (там же, с. 274).

Во всяком случае, судя по впечатлениям Ек. Ник. от этой поездки, она коварства этого не заметила.

4. 06 Ободовская и Дементьев утверждают, что Л. Геккери "надел маску, которую носил до самой ее (Ек. Ник. – В.М.) смерти, как увидим далее из писем" (с. 258). Но дело в том, что "далее из писем" заключить о двуличном его отношении к невестке нельзя. Указания же на двуличие в комментариях оказываются на поверку домыслами, а не заключениями на основании писем.
4. 07 *После смерти Пушкина*, с. 280.
4. 08 Не отрицая фактов явного доброжелательного отношения обоих баронов к Ек. Ник., Ободовская и Дементьев считают, что это отношение было будто бы лицемерным и никакой добросердечности в себе не заключало. Не называя причин, авторы уверяют, что оба барона невзлюбили ее, но "им нельзя было держать невестку в черном теле" (*После смерти Пушкина*, с. 273) и это вынуждало их делать большие расходы, выставляя напоказ свою добросердечность: положение семьи в Сульце обязывало к этому.
4. 09, 10 *После смерти Пушкина*, сс. 288, 289.
4. 11 Если бы Ек. Ник. действительно притворялась в письмах счастливой и скрывала свое тяжелое положение, вряд ли бы она так обрадовалась возможной встрече с братом.
4. 12, 13, 14 *После смерти Пушкина*, сс. 289, 300, 302.
4. 15 Там же, с. 304. (Письмо Н. И. Гончаровой от 21.4.1842). О жене И. А. Гончарова у Ободовской и Дементьева сказано, что ее, "вероятно, очень легко очаровал Дантес". (с. 303).
4. 16, 17 Там же, сс. 303, 336.
4. 18, 19, 20 Там же, сс. 335, 311, 335.
4. 21, 22 Там же, с. 316.
4. 23, 24 Там же, с. 334.
4. 25 В другом месте Ободовская и Дементьев предполагают, что Геккери сумели ее убедить, "что во всех событиях виноват Пушкин". (*После смерти Пушкина*, с. 259).
4. 26, 27 *После смерти Пушкина*, с. 337.
4. 28 П. Н. Берков. *О людях и книгах. Подборка газетных вырезок. (Судьба Жоржа-Шарля Дантеса и его семейства)*. Книга. М., 1965, с. 64-65. Имея в виду приведенные отзывы В. Гюго (о монархистах вообще) и Маркса о Дантесе, Благой пишет, что об его (Дантеса) позорном "общественно грязном поведении... мы уже знали по отзывам Виктора Гюго и Карла Маркса". (см. 4. 04. Новые неустанные поиски, сс. 22-23).

А за этим следует уверение, что читатели *из писем*, опубликованных в книге Ободовской и Дементьева "После смерти Пушкина", "увидят, что столь же позорно-недостойно проявлял он себя и в супружеских отношениях". (там же, с. 23). Все это похоже на то, что Благой названную книгу не читал, так как *из писем*, в ней напечатанных, такого заключения сделать нельзя.

4. 29 Чтобы представить читателю нравственно отвратительный облик Дантеса, Д. Благой (в ук. вступ. ст. "Новые неустанные поиски"), нисколько не сомневаясь, но и ни на кого не ссылаясь, утверждает, что он был любовником Геккерна (с. 5). Геккерн же, кроме этого порока, обозван прожженным подлецом дипломатом (с. 8).

В этой же книге, "После смерти Пушкина", авторы (будучи во всем согласны с Благой), уже от себя клеймят Геккерна, как заправские агитпроповцы, "торгашом от дипломатии", который, служа 14 лет послом в России, по их утверждению, "несомненно нажил солидное состояние" (с. 273), занимаясь будто бы "попросту ... спекуляцией". (там же).

4. 30 А. С. Пушкин. П. С. С. в 6 тт. ГИХЛ. М., 1950, т. 5, с. 380. ("Александр Радищев").

Глава 5. — Смерть Пушкина в советском литературоведении

5. 01 Д. Д. Благой. Погибельное счастье. Вступ. ст. в кн.: И. Ободовская, М. Дементьев. *Вокруг Пушкина*. 2-е изд. Сов. Россия. М., 1975, с. 44.

5. 02, 03, 04 Там же, с. 45.

5. 05 П. Е. Щеголев. *Дуэль и смерть Пушкина*. Исслед. и мат. Изд. 3-е. Госиздат. М., 1928.

В этом издании впервые напечатана глава "Анонимный пасквиль и враги Пушкина", в которой, по словам Благого, Щеголев "убедительно раскрыл "тайну" анонимного пасквиля ..."

Д. Благой. Новые неустанные поиски, новые ценные находки. Вступ. ст. в кн.: И. Ободовская, М. Дементьев. *После смерти Пушкина*. Сов. Россия. М., 1980, с. 12.

5. 06 Я. Л. Лелевич вслед за Щеголевым утверждает, что увлечение Николая I "Н. Н. Пушкиной ... было основным сюжетом анонимного письма ...". (В кн.: Пушкин. *Письма последних лет*. Наука. Л., 1969, с. 435. Словарь имен).

Вообще связь жены Пушкина с Николаем I до 80-х гг. считалась многими советскими учеными доказанной. Только с появлением книги И. Ободовской и М. Дементьева "Нат. Ник. Пушкина" (Сов. Россия. М., 1985) было признано, что образ жены Пушкина в советском литературоведении был тенденциозно искаженным.

5. 07 Д. Д. Благой. Погибельное счастье. с. 45.

5. 08 Там же, сс. 46, 47.

5. 09 Там же, с. 46.

5. 10 Там же, с. 45.

5. 11 Там же, с. 45.

5. 12 В. С. Соловьев, ук. соч., т. 9, с. 50.

Среди придворных у Пушкина в 30-х годах было немало друзей и поклонников, игравших значительную роль при дворе. Среди них были: С. А. Бобринская (подруга царицы), Н. К. Загряжская (кавалерственная дама), Е. А. Карамзина, С. И. Соллогуб, Е. М. Хитрово и ее дочь Д. Ф. Фикельмон, Мих. и Матвей Юрьевич Виельгорские, Н. В. Всеволожский, В. Ф. п П. А. Вяземские, В. А. Жуковский, Е. Н. и П. И. Мещерские, В. Ф. Одоевский, Ю. П. и Г. А. Строгановы... Из этого довольно неполного списка можно сделать только одно единственное заключение: утверждение о существовании "придворной клики", враждебной Пушкину, назвать серьезным никак нельзя.

5. 13 См.: *Кр. лит. Энц.* (КЛЭ). Сов. энц. М., 1978, т. 9, с. 339.

5. 14 А. Ахматова, Вс. Иванов, С. Бонди, С. Маршак. Письмо в редакцию. *Новый мир*, 1962, №7.

5. 15 Эмма Герштейн. Вокруг гибели Пушкина. *Новый мир*, 1962, №2.

5. 16 И. Андроников. Реплики. *Лит. газ.*, 26 мая 1962г.

5. 17 Б. С. Мейлах, например, под "бандой" разумел "царя и его приспешников". (Б. С. Мейлах. Пушкин и декабристы. В сб. *Пушкин. Мат. и исслед.* АН СССР. М.-Л., 1958, т. 2, с. 196.

5. 18 Д. Благой. Погибельное счастье, с. 51.

5. 19 Цит. по: Вересаев, с. 485.

5. 20 Пушкин. *Письма последних лет*, с. 166.
В неотправленном письме Геккерну (17-21. 11, 1836) Пушкин писал: "Анонимное письмо было составлено вами ...". (Там же, с. 164). Неизвестно, на чем была основана эта уверенность, но достоверно известно, что никаких оснований оскорблять Пушкина "дипломом" у Геккерна не было.

5. 21 Цит. по: Вересаев, с. 486.

5. 22 Там же, с. 491. Между тем, в последние годы у некоторых авторов появились выражения сомнения в правильности заключения Салькова. Это отразилось и в комментариях Сайтанова, где он считает диплом роконосцев "разосланным и сделанным, по-видимому, Геккернами ...". См.: Вересаев, с. 684.

5. 23 В кн.: Вересаев, с. 679.
5. 24, 25 Там же, с. 680.
5. 26 Там же, сс. 656, 657.
5. 27 Д. Благой. Новые неустанные поиски, новые ценные находки. Стр. 15. Вступ. ст. в кн.: И. Ободовская, М. Дементьев. *После смерти Пушкина*. Сов. Россия. М., 1980.
В статье Благого довольно подробно разобраны некоторые недостатки книг Вересаева о Пушкине.
5. 28 В. И. Кулешов. Жена поэта. Стр. 6. Вступ. ст. в кн.: И. Ободовская, М. Дементьев. *Нат. Ник. Пушкина*. Сов. Россия. М., 1985.
5. 29 Там же, с. 5.
5. 30 Здесь имеются в виду следующие книги этих авторов: "Вокруг Пушкина" (1975 и 1978), "После смерти Пушкина" (1980), "Пушкин в Ярополье" (1982) и "Нат. Ник. Пушкина" (1985).
5. 31 В. И. Кулешов. Жена поэта, с. 5.
5. 32 И. Ободовская, М. Дементьев. *Нат. Ник. Пушкина*. сс. 13, 14.
5. 33 Т. Г. Цявловская. Неясные места биографии Пушкина. В сб. *Пушкин. Мат. и исслед.* АН СССР. М.-Л., 1962, т. 4, с. 45.
5. 34 В. С. Соловьев. Судьба Пушкина. (В ук. собр. соч., т. 9, с. 54).
5. 35 П. А. Вяземский. Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина. В кн.: *П. с. с.* Изд. гр. С. Д. Шереметева. СПб, 1873, т. 11, с. 172. (Цит. по: *Друзья Пушкина*, т. 1, с. 426).
5. 36 Д. Благой. Погибельное счастье, с. 49.
Несмотря на верное определение положения в изучении преддуэльной истории, ниже в этой же статье, говоря о смерти Пушкина, Благой счел возможным (необходимым?) утверждать, что "по существу, как об этом наглядно свидетельствует вся преддуэльная история (подч. мной. — В.Я.М.), жизнь поэта была пресечена бесстыдной и беспощадной политической расправой". (Там же, с. 50).

Н. АРТАМОНОВА

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ В. МИКЛАШЕВСКОГО

Вряд ли "объективное дантесоведение" сможет уравновесить "советскую тенденциозность", особенно если, как в статье В.Я. Миклашевского, связывать науку о Дантесе с "очищением облика прошлой России", которое с "пристрастной враждебностью" искажается. Действительно, искажается. На самом деле — часто с пристрастной враждебностью. Но значит ли это, что в прошлом России следует видеть ненарушимую гармонию? Нет, тогда это дорогое нам прошлое превращается в мертвую утопию, которая ничего не говорит ни уму, ни сердцу. Может быть и невольно, В.Я. Миклашевский самой формой, построением своей статьи намекает на необходимость уравнивать как бы в человеческих правах Пушкина и Дантеса, а заодно вывести на чистую воду советское литературоведение. При этом автор материал для своих аргументов черпает почти исключительно из советских источников, но забывает один из главнейших по отношению к своей теме — изданную в 1960г. Академией Наук книгу "Пушкин в письмах Карамзиных 1836-1837 годов" (М., 1960).

Собственно, довольно было бы отослать читателя к этому изданию, но тираж его очень невелик. Поэтому, с глубоким почтением отметив высокую академичность публикации и ценность примечаний, сделаем несколько выписок. Вот письмо Ал. Н. Карамзина брату Андрею от 13/25 марта 1837г.:

С. Петербург, 13 марта 1837г.

Здравствуй, брате, что делаешь? здоров ли? весел ли? Я очень был доволен твоими письмами, где ты так хорошо пишешь о деле Пушкина. Ты спрашиваешь, почему мы тебе ничего не пишем о Дантесе или, лучше, о Эккерне. Начинаю с того, что советую не протягивать ему руки с такою благородною доверенностью: теперь я знаю его, к несчастью, по собственному опыту. Дантес был пустым мальчишкой, когда приехал сюда, забавный тем, что отсутствие образования сочеталось в нем с природным умом, а в общем — совершенным ничтожеством как в нравственном, так и в умственном отношении. Если бы он таким и оставался, он был бы

добрым малым, и больше ничего; я бы не краснел, как краснею теперь, оттого, что был с ним в дружбе, — но его усыновил Геккерн, по причинам, до сих пор еще совершенно неизвестным обществу (которое мстит за это, строя предположения). Геккерн, будучи умным человеком и утонченнейшим развратником, какие только бывали под солнцем, без труда овладел совершенно умом и душой Дантеса, у которого первого было много меньше, нежели у Геккерна, а второй не было, может быть, и вовсе. Эти два человека, не знаю, с какими дьявольскими намерениями, стали преследовать госпожу Пушкину с таким упорством и настойчивостью, что, пользуясь недалекостью ума этой женщины и ужасной глупостью ее сестры Екатерины, в один год достигли того, что почти свели ее с ума и повредили ее репутацию во всеобщем мнении. Дантес в то время был болен грудью и худел на глазах. Старик Геккерн сказал госпоже Пушкиной, что он умирает из-за нее, заклинал ее спасти его сына, потом стал грозить мстью; два дня спустя появились анонимные письма. (Если Геккерн — автор этих писем, то это с его стороны была бы жестокая и непонятная нелепость, тем не менее люди, которые должны об этом кое-что знать, говорят, что теперь почти доказано, что это именно он!). За этим последовала исповедь госпожи П./ушкиной/ своему мужу, вызов, а затем женитьба Геккерна; та, которая так долго играла роль посредницы, стала, в свою очередь, возлюбленной, а затем и супругой. Конечно, она от этого выиграла, потому-то она — единственная, кто торжествует до сего времени и так поглупела от счастья, что, погубив репутацию, а может быть, и душу своей сестры, госпожи П./ушкиной/, и вызвав смерть ее мужа, она в день отъезда этой последней послала сказать ей, что готова забыть прошлое и все ей простить!!! Пушкин также торжествовал одно мгновение, — ему показалось, что он залил грязью своего врага и заставил его сыграть роль труса. Но Пушкин, полный ненависти к этому врагу и так давно уже преисполненный чувством омерзения, не сумел и даже не попытался взять себя в руки! Он сделал весь город и полные народа гостиные поверенными своего гнева и своей ненависти, он не сумел воспользоваться своим выгодным положением, он стал почти смешон, и так как он не раскрывал всех причин подобного гнева, то все мы говорили: да чего же он хочет? да ведь он сошел с ума! он разыгрывает удалца! А Дантес, руководимый советами своего старого неизвестно кого, тем временем вел себя с совершеннейшим тактом и, главное, старался привлечь на свою

сторону друзей Пушкина. Нашему семейству он больше, чем когда-либо, заявлял о своей дружбе, передо мной прикидывался откровенным, делал мне ложные признания, разыгрывал честью, благородством души и так постарался, что я поверил его преданности госпоже П./ушкиной/, его любви к Екатерине Г./ончаровой/, всему тому, одним словом, что было наиболее нелепым, а не тому, что было в действительности. У меня как будто голова закружилась, я был заворожен, но, как бы там ни было, я за это жестоко наказан угрызениями совести, которые до сих пор вкрадываются в мое сердце по много раз в день и которые я тщетно стараюсь удалить. Без сомнения, Пушкин должен был страдать, когда при нем я дружески жал руку Дантесу, значит, я тоже помогал разрывать его благородное сердце, которое так страдало, когда он видел, что враг его встал совсем чистым из грязи, куда он его бросил. Тот гений, что составлял славу своего отечества, тот, чей слух так привык к рукоплесканиям, был оскорблен чужеземным авантюристом, приемным сыном еврея, желавшим замарать его честь; и когда он, в негодовании, накладывал на лоб этого врага печать бесчестия, его собственные сограждане становились на защиту авантюриста и поносили великого поэта. Не сограждане его так поносили, то была бесчестная кучка, но поэт в своем негодовании не сумел отличить выкриков этой кучки от великого голоса общества, к которому он бывал так чуток. Он страдал ужасно, он жаждал крови, но Богу угодно было, на наше несчастье, чтобы именно его кровь обогрела землю. Только после его смерти я узнал правду о поведении Дантеса и с тех пор больше не виделся с ним. Может быть, я говорил о нем с тобой слишком резко и с предубеждением, может быть, причиной этого предубеждения было то, что до тех пор я к нему слишком хорошо относился, но верно одно — что он меня обманул красивыми словами и заставил меня видеть самоотвержение, высокие чувства там, где была лишь гнусная интрига; верно также и то, что он продолжал и после своей женитьбы ухаживать за госпожой Пушкиной, чему долго я не хотел верить, но, наконец, сдался перед явными доказательствами, которые получил позднее. Всего этого достаточно, брат, для того, чтоб сказать, что ты не должен подавать руку убийце Пушкина. /.../

Вот что писал вскоре после событий П.А. Вяземский:

”Чтобы объяснить поведение Пушкина, нужно бросить суровые обвинения против других лиц, замешанных в этой истории. Эти

обвинения не могут быть обоснованы положительными фактами: моральное убеждение в виновности двух актеров этой драмы [т. е. Геккерн и Дантеса], глубоко и сильно, но юридические доказательства отсутствуют. Роль дяди, отца или, — я не знаю, как его назвать, — особенно двусмысленна. Одним словом, бедный Пушкин был прежде всего жертвою (будь сказано между нами) бестактности своей жены и неумения вести себя, жертвою своего положения в обществе, которое, льстя его тщеславию, временами раздражало его, жертвою своего пламенного и вспыльчивого характера, недоброжелательства салонов и в особенности жертвой жестокой судьбы, которая привязалась к нему, как к своей добыче, и направляла всю эту несчастную историю. Достоверно лишь то, что меньше всего виноват был сам Пушкин”.

Мы видим, что не одно советское литературоведение упоминает о Дантесе тоном “публицистического презрения”, но и современные пушкинской трагедии, которая ведь не отменяется никакими житейскими добродетелями Дантеса, что бы ни писали о нем Карл Маркс и Виктор Гюго. Для нас, русских, без различия сословий и состояний, так мало осталось общих истин, не требующих доказательства, таких, чтоб согласились между собой “и македонский герой, и гимназист, даже не застрелившийся”, что оставим же себе по крайней мере эту: Дантес был убийцей Пушкина.

Вяземский говорит о “жестокой судьбе”. О “приговоре” судьбы пишет Лермонтов, охотно признаваемый нами пушкинист. “Я нахожу их такими прекрасными, в них так много правды и чувства”, — пишет об известных стихах Лермонтова С.Н. Карамзина. А мы не вдаваясь особенно в дебри социальной метафизики, можем видеть, что содержание этих стихов ни в чем не противоречит тому, что реально известно. Погиб поэт!.. Да, величайший поэт, “солнце нашей поэзии”, как писал в некрологе В.Ф. Одоевский, гений “тайной свободы”, главный в той иерархии, которая всегда была и будет противоречием по отношению к иерархии официально-чиновной, у них ведь и назначение разное, не говоря уж о превходящих осложнениях. Невольник чести... Несомненно.

Молва клеветала, обиды были мелочные, нельзя сомневаться. И чуть затаившийся пожар раздували для потехи (ничем больше нельзя объяснить посылку “диплома”, не ради же истины, в самом деле, старались: см. рассказ д’Аршиака о том, что подобными проделками “всю прошлую зиму” занималось венское общество).

Были друзья, но были и враги, и даже после смерти Пушкина ни вражда, ни примирительная “объективность” не утихали. Приведем известное письмо Е.Н. Мещерской от 16 февраля 1837г.:

“В течение трех дней, в которые тело его оставалось в доме, множество людей всех возрастов и всякого звания беспрерывно теснилось пестрою толпой вокруг его гроба. Женщины, старики, дети, ученики, простолюдины в тулупах, а иногда даже в лохмотьях приходили поклониться праху любимого народного поэта. Нельзя было без умиления смотреть на эти плебейские почести, тогда как в наших позолоченных салонах и раздушенных будуарах едва ли кто-нибудь думал и сожалел о краткости его блестящего поприща. Слышались даже оскорбительные эпитеты и укоризны, которыми поносили память славного поэта и несчастного супруга, с изумительным мужеством принесшего свою жизнь в жертву чести, и в то же время раздавались похвалы рыцарскому поведению гнусного обольстителя и проходимца, у которого было *три отечества* и *два имени*. Можно ли после этого придавать цену общественному мнению или, по крайней мере, мнению нашего общества, бросающего грязью в то, что составляет его славу, и восхищающегося слякотью, которая его же запачкает своими брызгами”.

Стоит ли и Е.Н. Мещерскую порицать за тон “публицистического презренья” по отношению к “позолоченным салонам”?

Стоит ли желать, чтобы каждый клеветник и недоброжелатель оставил письменное свидетельство о себе, что позволит считать его “объективным фактом объективной науки” и лишь тогда признать “объективным основанием” субъективного мнения, руководимого любовью к Пушкину? Вряд ли. Некоторые все же поименованы современниками, современники же оставили немало мнений, подобных высказанному Е.Н. Мещерской. Но даже и неоспоримая любовь иногда была слишком добросовестно-осторожной. Известно, например, что последние 16 строк лермонтовского стихотворения, те, в которых упоминается про “жадную толпу” и “Божий суд”, написаны примерно две недели спустя после смерти Пушкина, т. е. существовали как бы отдельно, и некоторые современники, вообще считавшие стихотворение прекрасным, легко верили слуху, что эти строки принадлежат не Лермонтову, а кому-то другому. Ни стихи Лермонтова, ни этот слух не являются “советской легендой”, и факт их одновременного

существования очень важен с точки зрения упоминавшейся выше социальной метафизики.

В самом деле, где же еще и стоять "жадной толпе", как не у трона? Решительно больше нигде. Значит ли это, что кроме жадных "у трона" никто не стоял? Нет, не значит. Но добродетель редко торжествует, а из чего составит ее окончательное торжество — решить невозможно. И что же тогда? Один подумает об этом с недоумением, другой с раздражением, третий со злостью, четвертый на всю жизнь упрется в благородное негодование, пятый вовремя сообразит, что нечего об этом думать, корнет Лермонтов и губернский секретарь Раевский будут привлечены за написание и распространение "непозволительных стихов" к ответу. А мы по этому вопросу вынуждены обратиться к статье Вл.С. Соловьева "Памяти императора Николая I". "Вынуждены" — потому что для В.Я. Миклашевского Соловьев разрешает проблему.

Что говорить, Вл.С. Соловьев — неоспоримый авторитет. Но не окончательный. Особенно по отношению к дуэли и смерти Пушкина. Надо ведь учесть юбилейный характер статьи, в которой, со свойственным ему художественным талантом, Соловьев говорит, что император был "не только, но и". У него сказано — не только "олицетворением нашей внешней силы. Если бы он был только этим, то его слава не пережила бы Севастополя. Но за суровыми чертами грозного властителя, резко выступавшими по требованию государственной необходимости (или того, что считалось за такую необходимость), в императоре Николае Павловиче таилось ясное понимание высшей правды и христианского идеала..." Вл. Соловьев хотел напомнить о человеческой, духовной, "менее известной", стороне его личности. То есть в некоторой степени прилагал к случаю то, что сказано в известном стихотворении Фета:

Как лик усопшего светить
Душою лучшей начинает!
Не то, чем был он, проступает,
А только то, чем мог он быть.

В день, когда пели Вечную память государю, это было более чем уместно. Уместно не только по существу самого события, но и по тому общественному настроению, которое в очередной раз надеялось разрезать магнит пополам и тем окончательно отделить северный полюс от южного. (Ведь Писарев и эпигоны, к примеру, — это тоже не "клеветническое измышление советского литературоведения"). В Божий суд и христианскую совесть от всей души верю,

но "рыцарское доверие к человеку" (Пушкину) со стороны Николая Павловича — это хоть и возвышенная, хоть и поэтическая, а все-таки несообразность. Для того, чтобы признать положительные стороны николаевского царствования (как это делал, например, Ключевский, с едва прикрытой страстностью относившийся к крестьянскому вопросу и указавший, что именно это царствование начало Великую реформу), вовсе не надо рисовать отношения Пушкина и Николая I как отношения нежной дружбы. Ведь это не более верно, чем то, что "Пушкина убило царское самодержавие".

Были декабристы, был "следствие по делу", длинные объяснения по "государственным вопросам", было и раскаяние, и все же пятерых не только повесили, но зачем-то еще облили известью, а Пушкин все оглядывался на "берег дикий".

Этого никакое величие не изгладит. Недаром один советский поэт просил в связи с этим напомнить, "что должно быть величаво". Был сумасшедший Чаадаев. И много еще. Кстати, знаменитый Киселев, член секретного комитета по крестьянским делам, ("секретность" комитета, в частности, зависела от необходимости не смущать раньше времени заинтересованные толпы), по мнению П.А. Вяземского, "держался противной стороны и не довольно патриотически принял это дело", (т. е. дуэль и смерть). Боже сохрани отрицать из-за этого Великую реформу, да и Пушкин считал, что Киселев "может, самый замечательный из наших государственных людей".

Так что лермонтовское обобщение, может быть, самое точное. И остается только радоваться, что эти стихи "известны каждому школьнику", по условиям времени — "советскому". Конечно, крайняя бестолочь с ее "всемирным значением" всякую истину, всякий даже факт способна превратить в свою противоположность, ну, а вообще люди, углубившись в примечания, из пушкинистики могут извлечь не только массу положительных сведений, не только представление о бесчисленном множестве противоречий, свойственных человеческой природе, не только увидеть связь судьбы Пушкина и его творчества но и понять глубокое различие, существующее между нынешней тоталитарной "справедливостью" и противоречивым, но знающим о христианском идеале, бесконечно более милосердном Трошпом.

Конечно, всякая пошлость раздражает ("имел виды", "не имел видов"), конечно, жаль, что понадобилось много десятилетий, чтобы от "третьего издания" Цеголева вернуться к "первому изданию",

что мало-мальски справедливое отношение к поступкам императора Николая I возможно только через "воссоздание" такого "облика" Натальи Николаевны, что хоть в святцы помещай.

Но беспристрастно изученный Дантес в этом горе не утеша. Ведь и обсыпанный сахаром "облик" его, совершенно так же, как лишенный всякой добродетели, всякого благородства, каких бы то ни было добрых намерений и даже просто добрых дел, которые ему случалось делать, облик государя Николая Павловича приводит к щеголевской классовой концепции. То есть, в простых словах: если не "царское самодержавие" убило Пушкина, если к высшему кругу принадлежали Вяземский и Жуковский, любившие его, то и общество было безусловно (а почему катастрофически падало число подписчиков у "Современника"?), и Дантес, частица общества, превращается в невинную жертву. И драма не только опять превращается в семейную, но и просто обесмысливается. Действительно, сидели, сидели у Дюме, а потом вдруг необузданный Пушкин зачем-то рассердился и случилась необъяснимая дуэль.

Русские пушкинисты, пусть и советского времени, раз благодетельствованные Щеголевым, действительно были бессильны против литературоведчески-политических последствий щеголевского открытия, но неизменно помнили о том, что невозможно отделить трагическую гибель Пушкина от его жизни, невозможно собрание сочинений приписывать великому поэту, а дуэль необъяснимо помрачению рассудка. И то, что среди пушкинистов всегда были и теперь есть прямые наследники "библиотекаря" Петра Бартенева (о Б. Л. Модзалевском, например, просто рука не поворачивается написать "упомянем"), можно рассматривать не только как научный подвиг, но и как дьявольское чудо. Ведь Пушкина (с Дантесом или без него) давно могли сбросить "с парохода современности". (Иначе, но не менее поразительно то, что в самих пушкинистах мелькнул иногда далекие современники событий. Так, роль Благого кажется отчасти напоминающей роль Жуковского).

Поэтому необходимо гораздо отчетливее, чем это делает В. Я. Миклашевский, различать в советской пушкинистике времена и сроки, внимательнее относиться к тому, что одни "роль царя" размазывают, другие замазывают, третьи обходят полувнятной скороговоркой, четвертые, чаще всего в примечаниях и комментариях, старательно воспроизводят реальный ход событий. Благодаря этой работе, в частности, видно, что совершенно не прав В. Я. Миклашевский, когда пишет: "До получения пасквильного письма

[4 ноября] ничто в двухгодичном знакомстве Пушкина с Дантесом не предвещало такого разрыва". Это неверно. Уже в письме от 19-20 сентября / 1-2 октября С. Н. Карамзина писала брату Андрею о разыгрывавшейся у всех на глазах драме и болезненном раздражении Пушкина как о чем-то всем давно известном: "... получился бал, и очень веселый, если судить по лицам гостей, всех, за исключением Александра Пушкина, который все время грустен, задумчив и чем-то озабочен... Его блуждающий, дикий, рассеянный взгляд с вызывающим тревогу вниманием останавливается лишь на его жене и Дантесе, который продолжает все те же шутки, что и прежде, — не отходя ни на шаг от Екатерины Гончаровой, он издали бросает нежные взгляды на Натали, с которой, в конце концов, все же танцевал мазурку. Жалко было смотреть на фигуру Пушкина, который стоял напротив них, в дверях, молчаливый, бледный, угрожающий..."

Подобных упоминаний в переписке Карамзиных несколько, и они доказывают, что Пушкин во всяком случае не видел легкой забавы там, где, может быть, видели или хотели видеть ее другие. Поэтому концепция Миклашевского о "защите чести свояченицы" как единственной причине первой, несостоявшейся дуэли выглядит нелепой. И выброшенный Пушкиным второй абзац письма к Геккерну был, может быть, уничтожен им вовсе не потому, что "он был совершенно не связан с содержанием первого", как пишет Миклашевский (странное допущение относительно пушкинского письма!), а потому что — зачем же оставлять в руках врага расписку в легкомыслии собственной жены, тем более что письмо это было отменой дуэли. Здесь Пушкин скорее жертвовал своей честью, чем "защищал честь свояченицы" — нельзя же требовать от Дантеса сначала умереть, а потом жениться на Е. Гончаровой, раз уж ей так непременно этого нужно. Причины последнего, оскорбительного письма Геккерну, за которым последовал вызов Дантеса, неясны, собственно, лишь в подробностях подробностей, потому что сплетни и пересуды, как и ухаживание Дантеса, продолжались и после свадьбы. "Необъяснимость" пушкинской ярости, пожалуй, сильно преувеличена В. Я. Миклашевским.

Советская пушкинистика (что делать — мы находимся на советском этапе русской истории) упоминает также об отзывах современников о Геккерне, и эти отзывы сильно мешают образу respectable голландского посланника, который возникает в статье Миклашевского. В. Ф. Вяземская говорила, что Геккерн

”окружал себя молодыми людьми наглого разврата и охотниками до любовных сплетен и всяческих интриг по этой части”. Конечно, ”юридических доказательств” тут опять нет, но мнение довольно твердое. Стоит напомнить и о насмешливом отношении современников к тому, как Геккерн самолично распродавал перед отъездом свои домашние вещи. И ничего к респектабельности не прибавляет то, что он вынужден был под угрозой скандала сделать Е. Гончаровой ”пропозицию за своего воспитанника”. Одно это мешает с радостным сочувствием воспринимать семейную идиллию в Сульце, описанную Миклашевским.

Несмотря на то, что в статье своей В.Я. Миклашевский ссылается на определенных авторов и их позиции, в ней слишком сильно, по нашему мнению, стремление к какому-то огульному оуждению ”советского литературоведения”. Это потому настораживает, что в эмигрантском быту и журналистике слово ”советский” имеет массу значений и сильно варьируется в зависимости от говорящего. В частности, его часто употребляют в эмоциональной речи, чтобы определить какое-нибудь явление как абсолютно негативное, не вдаваясь в суть предмета. Это и вызывает желание напомнить читателю, что горемычная советская пушкинистика не так уж черна, и что если гордая своей добродетелью эмигрантская отрасль видит в ней пороки (часто справедливо!), то не должна она также забывать, что ”не она держит дерево, а дерево ее”. Воздадим должное нашим хранителям древностей.

И.Ф. МАРТЫНОВ

ПОЭТИЧЕСКИЕ ОТКЛИКИ НА ГИБЕЛЬ ГУМИЛЕВА

1921 год навсегда войдет черной страницей в историю русской культуры, потерявшей за один только месяц двух ведущих поэтов Серебряного Века. ”Этот год весь я не писала и не зашла к Вам, — оправдывалась перед своим старым другом А.Ф. Кони 9 апреля 1922г. секретарь Петроградского Союза поэтов и издательства ”Всемирная литература” Вера Александровна Сутугина. — Нехороший, жестокий был год. И горя было много, и мучений, и страданий. Хорошо, что он прошел, и опять будет весна. Много убито, много умерло. И папа мой ”сидел” два месяца; и каждый день шел мне по неделям”.¹ Думается, что те же чувства испытывала тогда чуть ли не каждая семья потомственных петербургских интеллигентов, тяжело переживавшая гибель родных, друзей и коллег в застенках зинovieвской Чрезвычайки.

Острая политическая борьба, разделившая Россию после октября 1917 года на два враждебных лагеря, неизбежно вела к кровавым и зачастую бессмысленным жертвам с обеих сторон, однако арест признанного Мэтра русской поэзии — Николая Степановича Гумилева, по таинственной логике судеб совпавший с мучительной agonией Блока, произвел поистине ошеломляющее впечатление даже на издавшее виды, ко всему, казалось бы, готовое русское общество. Литература всегда занимала особое место в духовной жизни России, олицетворяя собой ум, честь и совесть нации, долго лишенной каких-либо иных способов общественного самовыражения. Не удивительно, что любые репрессии старого режима против писателей и поэтов со времен заточения в Петропавловскую крепость Радищева и казни Рылеева были записаны в число его тягчайших преступлений без срока давности и скидки на ”чрезвычайные” обстоятельства.

Новые власти ”красного” Петрограда на первых порах попытались наладить лояльные отношения с местной интеллигенцией вне зависимости от ее политической ”окраски”, упорно избегая острых конфликтов с ведущими ”мастерами культуры” даже в тех случаях, когда последние прямо и недвусмысленно осуждали октябрьский переворот. Характерно, что в этих условиях расстрел молодого

поэта Леонида Каннегисера, убийцы председателя Петроградской губчека Урицкого, не имел широкого общественного резонанса, как частный, хотя и весьма прискорбный эпизод в трагической хронике гражданской войны.

Кронштадтские события знаменовали собой начало радикальных перемен в положении петербургской интеллигенции, избранной Зиновьевым и его подручными в качестве "козла отпущения" за собственные политические просчеты. Именно тогда бывшая столица России впервые по-настоящему ощутила фанатичную беспощадность и поистине тотальный размах "красного террора", официально признанного не только грозным орудием наказания подлинных или мнимых "врагов народа", но и наиболее эффективной мерой *идеологического воздействия* на общество. Горько вспоминать о том, что среди русских поэтов тех лет нашлись фанатики и карьеристы, предавшие гуманные традиции отечественной словесности в угоду узкопартийным и своекорыстным интересам. Певцы насилия и произвола, они, подобно бывшему сотруднику черносотенных изданий Василию Васильевичу Князеву (1887-1937),² щедро сеяли зло, и оно давало обильные всходы, переползая со страниц агитационных брошюр и газет в повседневный быт, становясь этим бытом.

"Мы залпами вызов их встретим" — такова была основная формула зиновьевского "диалога" с инакомыслящей интеллигенцией, бойко зарифмованная и предельно конкретизированная "красным звонарем" — Василием Князевым:

Довольно миндальничать с ними,
Пора обескровить врага —
Топите в удушливом дыме
Враждебные нам берега !..

Мягкотелье, прочь! Наступила
Беспощадных расстрелов пора!
Глубже впейся в гнилые стропила,
Смертоносная сталь топора...

Друзья, не жалейте ударов!
Копите заложников рать —
Чтоб было кому коммунаров
В могильную тень провожать...³

Жизнь жестоко наказала автора этих кровавожадных строк, не думавшего в 1921 г. о том, что через полтора десятка лет воспетый

им топор обрушится на его собственную шею, однако прежде чем сойти в безымянную могилу князевы и их вдохновители отправили на тот свет тысячи бессмысленно замученных людей.

Одной из таких жертв стал Н.С. Гумилев, искусственно замешанный в "таганцевское дело" вместе с тремя десятками других общественных деятелей, ученых, инженеров и свободных художников. Убеденный монархист, он никогда не скрывал своей антипатии к новому режиму, и все-таки легенда о Гумилеве — "заговорщике" представлялась всем его друзьям фантастически неправдоподобной.

"После смерти Гаэтана (Блока — авт.), — вспоминала об августовских днях 1921 г. О.Д. Форш в своем знаменитом романе-хронике "Сумасшедший корабль", — пошли до странности быстрые, как бы нетерпеливые, завершения всех тех горячих, кто силы свои должен был и мог сложить только с веком уходящим.

Под вечер один поэт, с лицом египетского письмоводителя и с узкими глазами нильского крокодила (Гумилев. — авт.), шепелявя сказал обитателям Сумасшедшего Корабля (Дома искусств. — авт.):

— У кого есть что-нибудь для секции детской литературы, принесите мне завтра.

Ночью его арестовали. Никто не знал, почему, но думали, конечно, пустяки..."⁴

В сознании петербургских литераторов тогда еще попросту не укладывалась мысль о том, что Гумилеву, ставшему после безвременной кончины Блока признанным главой местной поэтической школы, может угрожать какая-то реальная опасность. Даже после того, как пуля палача уже оборвала жизнь поэта на самом высоком подъеме его духовных и творческих сил, друзья и ученики покойного несколько дней продолжали тешить себя несбыточной надеждой.

"В коридорах у входа (В Дом искусств. — авт.), — писала О.Д. Форш утром того дня, когда не стало Гумилева, — две трепетные женщины ловили уходящего на заседание коммуниста-кавказца.

Да, они знали, что их просьба бессмысленна, что кавказец работает в учреждении вполне штатском, но все-таки как коммунист он был ближе...

Вперебивку они шептали:

— Ах, не взяли у нас передачу...

Кавказец с акцентом сказал:

— Затэм и не взяли, что сыты. Там кушают хорошо!

Оттого, что кавказец говорил ласково и с акцентом, показалось, что опасного быть не может ничего, и женщины успокоились до завтра.

А на завтра, хотя улицы полны были народом, они показались пустынными. Такое безмолвие может быть только в степи в жгучий полдень, и еще когда в доме покойник, и живые к нему только что вошли.

На столбах был расклеен один, приведенный уже в исполнение, приговор. Имя поэта там значилось.⁵

Никто никому ничего не пояснял. Не спрашивали. Не толкались. К уже стоящим недвижно подходил новый, прочитывал — чуть отойдя, оставался стоять. На простенках, улицах, площадях возникли окаменелости. Каменный город".⁶

Непоправимое свершилось, и каждый петербургский интеллигент, читая приговор по делу "таганцевской группы", невольно ставил себя на место этих беспощадно уничтоженных и посмертно ошельмованных людей, плоти от плоти своей среды, связанных сотнями дружеских, духовных и деловых уз с бессильными свидетелями их гибели.

Жестокие строки приговора и маленькая заметка в разделе "Потери литературы" журнала "Печать и революция"⁷ стали прощальным "венком" советской печати на безымянную могилу поэта "контрреволюционера", чей печальный пример должен был отныне служить грозным предостережением всем непокорным и смутьянам вне зависимости от их литературных или научных рангов. Имя Гумилева навечно "вычеркивалось" из официальной истории отечественной словесности, а любая попытка рассказать русскому обществу правду о нем приравнивалась к политическому преступлению. Мрак и забвение — таков был посмертный удел, предначертанный Гумилеву зиновьевыми и князевыми. Так бы, вероятно, и произошло, если бы на земле не осталось друзей и учеников покойного Мэтра, бесстрашных людей, передавших потомкам, как эстафету, память о поэте-романтике и его бессмертное творческое наследие.

Трагическая гибель поэта развязала почти все запутанные "узлы" в его сложных, а подчас и драматических отношениях со многими ранее близкими ему людьми. Самым ярким впечатлением,

навсегда врезавшимся в память всех участников панихиды по Гумилеву в Казанском соборе, было воспоминание о мертвенно бледной Ахматовой во вдовьем уборе, ее тихие слезы и безысходное одиночество среди толпы учеников, друзей и почитателей покойного Мэтра. Именно к ней подошел тогда, по преданию, неизвестный чекист — свидетель последних минут жизни Гумилева — со словами ободрения и участия: "Ваш муж умер, как герой. Перед расстрелом попросил закурить и спокойно докурил папиросу до конца..." Сказал и исчез навсегда — таинственный вестник великой беды и великого мужества. Страшные предчувствия не обманули Ахматову, когда она, еще надеясь на чудо, записала 16 августа 1921 г. в альбом Э. Ф. Голлербаха две короткие, пророческие строфы:

Не бывать тебе в живых,

Со снегу не встать...

Двадцать восемь штыковых

Огнестрельных пять.

Горькую обновушку

Другу шила я.

Любит, любит кровушку

Русская земля.⁸

Впоследствии Анна Андреевна не раз вспоминала "сероглазого короля", посвятив его памяти практически всю третью книгу своих стихов "Anno Domini",⁹ однако именно это стихотворение по праву открывает гумилевский поэтический мемориал.

В том же альбоме Голлербаха мы находим отрывки еще одного замечательного стихотворения, посвященного памяти Гумилева и Блока, с мистически-мрачным названием "На дне преисподней":

С каждым днем все диче и все глуше

Мертвенная цепенеет ночь,

Смрадный ветер, как свечи, жизни тушит, —

Ни позвать, ни крикнуть, ни помочь!

Темен жребий русского поэта:

Неисповедимый рок ведет

Пушкина под дуло пистолета,

Достоевского на эшафот...

Может быть, такой же жребий выну,

Горькая детоубийца Русь,

И на дне твоих подвалов сгину
Иль в кровавой луже поскользнусь, —
Но твоей Голгофы не покину,
От твоих могил не отрекусь!

Доканает голод или злоба,
Но судьбы не изберу иной:
Умирать — так умирать с тобой,
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба...¹⁰

Его автор — Максимилиан Александрович Волошин — некогда был близок с Гумилевым, однако после дуэли на Черной речке их пути навсегда разошлись, и только роковой август 1921 г. положил конец нелепой, беспочвенной ссоре между двумя талантливыми поэтами и мужественными людьми.¹¹

Виновница этой ссоры, Елизавета Ивановна Дмитриева — поэтесса удивительной, трагической судьбы, впервые выступившая перед читателями "Аполлона" в роли таинственной незнакомки Черубины де Габриак, принадлежала, вероятно, к числу тех женщин, дружба с которыми неизбежно приносит несчастье их избранникам. Смертельно обиженная Гумилевым и безжалостно отомстившая ему,¹² она до конца своих дней так и не смогла забыть о первой любви, зародившейся зимой 1907 г. в романтических мансардах Парижа:

Да, целовала и знала
губ твоих сладкий след,
губы губам отдавала,
греха тут нет.

От поцелуев губы
только алей и нежней.
Зачем же были так грубы
слова обо мне.

Погас уж четыре года
огонь твоих серых глаз.
Слаще вина и меда
был нашей встречи час.

Помнишь сквозь снег на портале
готической розы цветок.
Как я тебя обижала,
как ты поверить мог!¹³

Едкая горечь разочарования лишь однажды, при первом известии о расстреле Гумилева, уступила место совершенно иному, удивительно возвышенному и чистому чувству. Именно тогда, 16 сентября 1921 г., на страницах Черного альбома Черубины де Габриак появилось стихотворение "Памяти Анатолия Гранта",¹⁴ одна из самых ярких, благоуханных роз в поэтическом венке покойнику Гумилеву:

Как-то странно во мне преломилась
пустота неоплаканных дней.
Пусть Господня последняя милость
над могилой пребудет твоей.

Все, что было холодного, злого, —
это не было ликом твоим.
Я держу тебе данное слово
и тебя вспоминаю иным.

Помню вечер в холодном Париже,
Новый мост, утонувший во мгле...
Двое русских, мы сделали ближе,
вспоминая о Царском Селе.

В Петербург мы вернулись — на север.
Снова встреча. Торжественный зал.
Черепеховый бабушкин веер
ты, стихи мне читая, сломал.

После в "Башне" привычные встречи,
разговоры всегда о стихах,
неуступчивость вкрадчивой речи
и змеиная цепкость в словах.

Строгих метров мы читали законы
и смеялись над вольным стихом,
мы прилежно писали канцоны
и сонеты писали вдвоем.¹⁵

Я ведь помню, как в первом сонете
ты нашел разрешающий ключ...
Расходились мы лишь на рассвете,
солнце вяло вставало меж туч.

Как любили мы город наш серый,
как гордились мы русским стихом...
Так не будем обычной мерой
измерять необычный излом.

Мне пустынная помнится дамба,
сколько раз, проезжая по ней,
восхищались мы гибкостью ямба
или тем, как напевен хорей.

Накануне мучительной драмы...
Трудно вспомнить... Был вечер... и вскачь
над канавкой из Пиковой Дамы
полетел петербургский лихач.

Было сказано слово неверно...
Помню ясно сияние звезд...
Под копытами гулко и мерно
простучал Николаевский мост.

Разошлись... Не пришлось мне у гроба
помолиться о вечном пути,
но я верю — ни гордость, ни злоба
не мешали тебе отойти.

В землю темную брошены зерна,
В белых розах они расцветут...
Наклонившись над пропастью черной,
ты отвел человеческий суд.

И откроются очи для света,
в небесах он совсем голубой,
и звезда твоя — имя поэта
неотступно и верно с тобой.

Как ярко показала гибель Гумилева, политический раскол в среде его бывших друзей и соратников оказался намного глубже, чем всякие личные счеты, обиды и амбиции. Гражданская война поставила их по разные стороны баррикад, и нужно было обладать редкой чистотой души, чтобы, презрев идейные разногласия и своекорыстные соображения, открыто назвать эту жестокую и бессмысленную смерть, даже с позиций убежденного большевика,

"страшной трагедией" для "революционной России".¹⁶ Судя по всему, автор столь смелого признания, сибирский поэт-коммунист Вивриан Азарьевич Итин (1893-1945), в прошлом однокашник Гумилева по Петербургскому университету, оказался одиноким в своей отважной попытке подняться над схваткой, и не случайно чуткая совесть много лет спустя привела его вместо удобного кресла литературного "босса" в сталинские "истребительно-трудовые" лагеря. Примечательно, что другой участник Гражданской войны в Сибири, ближайший друг Гумилева и знакомый Итина, Сергей Абрамович Ауслендер (1886-1943), всю жизнь безропотно выполнял любые литературные команды, непринужденно сменив фрак сотрудника либеральных изданий на мундир придворного историографа адмирала Колчака,¹⁷ а последний — на скромную толстовку преуспевающего советского писателя, автора расхожих историко-революционных повестей.

У кожаных курток железный закон:

Дурная трава из поля вон, —

воспевала своих новых друзей-чекистов гумилевская ученица Елизавета Григорьевна Полонская (1890-1969), может быть, именно в те дни, когда ее учителя сразила пуля палача.¹⁸ Впоследствии, много лет спустя, она попыталась в предсмертных мемуарах "объективно" рассказать потомству о Гумилеве, однако и на сей раз не нашла в себе достаточно душевных сил, чтобы до конца оставаться откровенной.¹⁹

Принципиально иную позицию занял по отношению к "грехам молодости" Михаил Александрович Зенкевич (1891-1973), последний из мастеров Цеха поэтов, переживший всех, с кем проводил ночи в кабачке "Бродячая собака". Тяжелая дверь его богатой квартиры на Метростроевской улице в Москве тут же навсегда захлопнулась перед автором этих строк (разговор с Зенкевичем шел через узкую щелку в двери), как только прозвучало "крамольное" имя Гумилева. Дело объяснялось, по-видимому, тем, что автор "Дикой порфиры", в отличие от Полонской, не только прославлял в стихах приговоры ревтрибуналов, но и сам отправил на смерть сотни людей,²⁰ а посему раз и навсегда проникся вполне понятной неприязнью к незванным гостям и сентиментальным мемуарам.

Излишняя сентиментальность явно не входила в число добродетелей мимолетной подруги Гумилева Ларисы Михайловны Рейснер

(1895-1926), профессорской дочери, поэтессы, а затем знаменитой женщины-комиссара, отличавшейся редкостной красотой и удивительной для прекрасного пола кровожадностью. Восторги первой любви, казалось, ненадолго оживили эту бесчувственную статую, и она забросала избранника наивными, ученическими стихами:

Сладкоречивый Гафиз, муж, ягуару подобный,
Силою мышц, в многократном бою укрепленных,
Тучнобедренных месков и овнов отважный хититель,
Славным искусством своим затмивший царей
мирмидонских.

Тщетно тебя избегает прекрасноланитая дева,
В куще родительской прячась.
Плачь, седовласая мать! Почтенный отец, сокрушайся!
Тень амврозической ночи дочь побежденную скроет.²¹

Прошло четыре года, и от былых восторгов не осталось ни следа. Полновластная хозяйка "красного" Адмиралтейства равнодушно встретила известие об аресте "поэта-контрреволюционера", не пожелав ничем (а, вероятно, могла!) облегчить его печальную участь. Можно было бы продолжить на несколько страниц этот "черный список" ложных друзей покойного Мэтра, упомянув имена поэта-моряка Сергея Адамовича Колбасьева (1898-1942), подозрительно пошедшего "в гору" после расстрела участников "таганцевского заговора", несколько других студийцев Дома искусств и "околоакмеистических" критиков, однако всех их превзошел в предательстве и цинизме ближайший гумилевский сподвижник предвоенных лет Сергей Митрофанович Городецкий (1884-1967).

Балованный генеральский сынок, этот "фавн" русской поэзии XX века,²² бездарный версификатор и ловкий интриган, с юных лет сознательно избрал, в противовес строптивому Гумилеву, путь "наименьшего сопротивления", гибко приспособившись к любому социальному заказу сильных мира сего. Трудно перечислить те многочисленные "роли", которые довелось сыграть Городецкому за свою долгую, несправедливую жизнь. Можно только удивляться, насколько непринужденно "политически неблагонадежный" литератор²³ перекрашивался в махрового черносотенца и шовиниста,²⁴ апологет православия — в воинствующего безбожника, и белый офицер — в красного комиссара. Беспринципному авантюристу было абсолютно все равно, кому служить, Николаю II или Льву

Троцкому,²⁵ генералу Деникину или генералиссимусу Сталину, лишь бы его могущественный покровитель щедро одарял своего послушного наемника властью над ближними, прижизненной славой и иными, не менее приятными мирскими благами.

Окружающие быстро разгадывали эти малопривлекательные качества Городецкого, время от времени выставляя их на суд общества, однако он неизменно выходил сухим из воды и жестоко мстил обидчикам. Приехав осенью 1920г. в "красный" Питер, свежеепеченный заведующий литературно-художественной частью Балтфлота побил все рекорды политического цинизма, так как все его бывшие друзья и новые покровители не забыли еще здесь ни восторженных панегириков Городецкого Дому Романовых накануне Февральской революции, ни той удивительной легкости, с которой несколько месяцев тому назад он, будучи командиром агитпоезда белых и попав в плен к красным, тут же "примкнул к коммунистической партии".²⁶ Резкая отповедь Гумилева, справедливо обвинившего этого наглого "хамелеона" в беззастенчивом "предательстве" и низком "политиканстве",²⁷ встретила сочувствие у всех петроградских литераторов, от Блока и Кузмина до Ларисы Рейснер включительно, в результате чего Городецкому пришлось, не солоно хлебавши, с позором покинуть берега Невы.²⁸

Печальное начало советской карьеры было всего лишь досадным, незначительным эпизодом в бурной биографии Городецкого. К моменту расстрела своего бывшего друга, столь неосторожно поплывшего против течения, он уже был в Москве "большим человеком", занимая ответственный пост заведующего литературной частью правительственной газеты "Известия".

Сохранился рассказ Г.В. Иванова о его последней встрече с Городецким осенью 1922г. Примечательно, что именно в эти дни, ханжески оплакивая перед давним знакомцем злосчастную участь "бедного Гумилева", он уже готовил к печати мерзкий стихотворный пасквиль, где попытался расчитаться с покойным Мэтром за все былые обиды:²⁹

На львов в агатной Абиссинии,
На немцев в мировой войне³⁰
Ты шел, глаза холодно-синие
Всегда вперед, и в зной и в снег.
В Китай стремился, в Полинезию,
Тигрицу жизнь хватал живьем.
Но обескровливал поэзию

Стальным рассудка лезвием,
 Любой пленялся авантюрою,
 И светский быт³¹ едва терпел.
 Но над несбыточной цезурою
 Математически корпел.
 Тесня полет Пегаса русого,
 Был трезвым даже в забытьи
 И разрывал в пустынях Брюсова
 Камей древние Готье.
 К вершине шел и рай указывал,
 Где первозданный жил Адам, —
 Но под обложкой лупоглазою
 Журнала петербургских дам.
 Когда же в городе огромнотом
 Всечеловеческий встал бунт, —
 Скитался по холодным комнатам,
 Бурча, что хлеба только фунт.
 И ничего под гневным заревом
 Не уловил, не уследил.
 Лишь о возмездьи поговаривал,
 Да перевод переводил.
 И стал, слепец, врагом восстания.
 Надменно смерть в неволе звал.³²
 В мозгу синела Океания,
 И пела белая Москва.
 Конец поэмы недочисленной
 Узнал ли ты в стенах глухих?
 Что понял в гибели бессмысленной?
 Какие вымыслил стихи?
 О, как же мог твой чистый пламенник
 В песках погаснуть золотых?
 Ты не узнал родного знамени³³
 Или поэтом не был ты.³⁴

Деланное сочувствие к безвременно ушедшему в небытие поэту служило здесь лишь грубой ширмой для язвительных насмешек над строптивым, ограниченным неудачником, потерпевшим поражение в жизненной игре. Новый вариант стихотворения, опубликованный под названием "Николаю Гумилеву" в 1929 г.,³⁵ а в особенности поэтическая характеристика погибшего друга в "коллективной" эпитафии "Могилы поэтов" ("гвардеец вымерших теней", "и пуля с красного зенита летит фантасту в узкий

лоб")³⁶ до конца раскрыли подлинное отношение к нему Городецкого. Характерно, что именно эти дурно зарифмованные пасквили окончательно закрыли гумилевскую тему на страницах советской печати. Ни Городецкий, ни Зенкевич, ни отставной черносотенец, а на склоне дней "патриарх пролетарской литературы" Иероним Иеронимович Ясинский (1850-1931), любивший порассуждать перед доверчивой молодежью о "темноте и некультурности" дореволюционной России,³⁷ не были заинтересованы в повышенном внимании общества к трудам и дням последнего певца романовской Руси и постарались, каждый в меру своих сил, навеки предать его имя забвению.

Конечно, далеко не все старые друзья, соратники и ученики Гумилева, не разделявшие политической платформы покойного Мэтра, присоединились к рептильному хору его ниспровергателей и хулителей. Более того, многие из них, кто как сумел, постарались почтить память великого поэта, иногда — весьма своеобразным образом. "Я помню, — писал в своих мемуарах известный советский литературовед К.Л. Зелинский, — как ныне уже полузабытый поэт-акмеист В. Нарбут, которого очень ценил Эдуард Багрицкий, привез в Харьков изящную книжечку Н. Гумилева "Огненный столп", только что выпущенную издательством "Петрополис". В. Нарбут вынул из ящика письменного стола и показал также книжку своих стихов под названием "В огненных столпах", изданную за год до гумилевской в Одессе Губиздатом. "Нам всем гореть огненными столпами, — сказал он мне, — но какой ветер развеет наш пепел?" В. Нарбут, вступив в партию большевиков, почему-то почти оставил поэзию. Став редактором газет, организатором радиопередач, он словно запер в себе, как краску в тюбике, крутое, почти физиологически ощутимое тесто слов".³⁸ Все друзья и почитатели Владимира Ивановича Нарбута (1888-1944) задавали в те годы тот же риторический вопрос, явно оставляя его без ответа.³⁹ Думается, что объяснение столь странной позиции, занятой одним из ведущих поэтов-акмеистов предреволюционной поры, следует искать в глубоком психологическом шоке, который он испытал при получении известия о расстреле Гумилева.

Чувство необъяснимой разумом вины, свойственное всем тонким поэтическим натурам в подобного рода ситуациях, побуждало честного литератора-большевика к мучительной переоценке своих убеждений и предубеждений, навесало мрачные предчувствия грядущих бед. Сталинская эпоха никак не способствовала

процветанию людей с избытком совести, и не случайно Нарбут, а вслед за ним другой прославленный мастер акмеистического "Цеха" — Осип Эмильевич Мандельштам закончили свои дни в далеких северных лагерях.

Нам, к сожалению, пока не известно ни одного стихотворения Мандельштама, непосредственно посвященного покойному Гумилеву, однако до нас дошла переведенная им зимой 1921/22 гг. драма талантливого немецкого поэта-экспрессиониста Эрнста Толлера (1893-1939) "Человек-масса" — своеобразный укор тем, кто послал Гумилева под пули палачей.⁴⁰ Судя по всему, русского переводчика так же, как и автора этой драмы, глубоко волновала проблема соотношения цели и средств революционной борьбы, недопустимости антигуманных акций даже ради конечного торжества любых, самых возвышенных идей.

Жестокая расправа с Гумилевым болезненно отозвалась в самых робких, далеких от житейских бурь сердцах, свидетельством чему могут служить скромные знаки любви и почтения к его памяти, рассеянные в многочисленных акмеистических изданиях 1920-х гг. Демонстративный уход из "контрреволюционного" Цеха поэтов не помешал М.Л. Лозинскому сохранить посвящение покойному другу в пророческом стихотворении "Камень" ("... И от людей, как Божий гость, уйдешь") при переиздании первой книги своих стихов "Горный ключ" (Пг., 1922, с. 38-39). Такими же посвящениями открывались альманахи гумилевских студийцев "Звучащая раковина" (Пг, 1922), "Избранные стихи" Т. Готье в переводах В.А. Рождественского (Пг., 1923) и его оригинальное стихотворение "О, задержи коня, тюльпан Ширази..." на страницах авторского сборника "Золотое веретено" (Пг., 1921, с. 40).⁴¹ Смелее других оказалась самая молодая ученица Гумилева — Ида Моисеевна Напельбаум. / ... /

Многое разделяло при жизни гордого Мэтра акмеистической школы с бывшими наставниками его поэтической молодости, Андреем Белым и Вячеславом Ивановым, однако и они, пережив непокорного ученика, помянули Гумилева добрым словом, один в мемуарах о Блоке,⁴² другой — пространным некрологом, напечатанным под псевдонимом "Немо" в газете "Бакинский рабочий" (1921, №227, 5 октября). Почти одновременная смерть двух ведущих петербургских поэтов Серебряного Века положила конец многолетней вражде между их последователями и учениками, способствовал постепенному сближению "блоковцев" и

"гумилевцев". "Те, кто определяли пути Петербургской музыки, — сейчас в могиле, — писала в ноябре 1922г. ближайшая наперсница Блока Надежда Александровна Павлович. — Один на Смоленском, под старым кленом; ровно год, как заснул он... А другой — на диком поле, под песком ли, в болоте ли финском — уже не рвется он в дальние страны, уже не слушает жадно скрип якорной цепи. Спит правнук Колумба. И тоже год минул, как перестали мы встречать на улицах сухого, надменного человека с горячим сердцем. Кончен и его "недолгий, горький век", и пусть заплатит ему Господь за него "полной мерой", как мечтал он при жизни. В августе и ему годовщина... Но дух Блока и Гумилева — жив в Петербурге".⁴³

Как и следовало ожидать, самыми горячими пропагандистами гумилевских идей стали ближайшие сподвижники покойного Мэтра, видевшие в нем не только великого поэта, но и высокий образец гражданского мужества. Все они несомненно обратили внимание на тот пункт смертного приговора Гумилеву, где говорилось о его намерении "связать в момент восстания" с "контрреволюционными" центрами антисоветски настроенную "группу интеллигентов",⁴⁴ и справедливо расценили это, как прелюдию к новым арестам, обыскам и расстрелам.

Тучи сгущались, однако "гумилевские сироты" приложили все усилия к тому, чтобы познакомить соотечественников с новейшими достижениями акмеистической школы. После того, как Цех поэтов покинули конформистски настроенные М.Л. Лозинский, В.А. Рождественский, К.К. Вагинов и С.Е. Нельдихен,⁴⁵ оставшиеся (Г.В. Адамович, Г.В. Иванов, И.В. Одоевцева, Н.А. Оцуп) попытались возобновить прерванную арестом их учителя работу, выпустив в свет два поэтических альманаха с публикациями последних стихов Гумилева,⁴⁶ параллельно с этим напечатать двумя изданиями объемистый том его "Посмертных стихотворений" (1922 и 1923),⁴⁷ сборник рассказов "Тень от пальмы" (1922) и подборку литературно-критических статей "Письма о русской поэзии" (1923). Известно, что уже тогда Г.В. Иванов, по заказу издательства "Мысль", приступил к сбору материалов для фундаментальной монографии, посвященной "трудам и дням" своего безвременно ушедшего из жизни друга.⁴⁸ К сожалению, эта книга, которая могла бы стать ценнейшим первоисточником по истории петербургской поэзии Серебряного Века, так и не была дописана до конца.

Публикация гумилевского творческого наследия сопровождалась открытыми чтениями его стихов в литературных салонах, на гимназических и студенческих вечерах.⁴⁹ Широкое распространение в кругах петербургской интеллигенции получило апокрифическое "завещание" Гумилева ("В час вечерний, в час заката..."), а также мужественная эпитафия поэту-мученику, вышедшая из-под пера его любимой ученицы Ирины Владимировны Одоевцевой:

Ирина Владимировна Одоевцева
 Стихотворения
 М., 1922

Мы прочли о смерти его,
 Плакали громко другие.
 Не сказала я ничего,
 И глаза мои были сухие.
 А ночью пришел он во сне
 Из гроба и мира иного ко мне,
 В черном старом своем пиджаке,
 С белой книгой в тонкой руке —
 И сказал мне: "Плакать не надо!
 Хорошо, что не плакала ты;
 В синем раю такая прохлада,
 И воздух тихий такой,
 И деревья шумят надо мной,
 Как деревья Летнего сада."⁵⁰

Примечательно, что ни Одоевцева, ни другие "гумилевские сироты" не могли тогда по цензурным обстоятельствам прямо назвать имя учителя, посвящая ему свои прощальные стихи. Тем не менее, их читатели с полуслова понимали, о ком идет речь, пусть даже эпитафия Гумилеву во второй книге стихов Георгия Викторовича Адамовича "Чистилище" (Пб, 1922, с. 11-12) была замаскирована под патетический рассказ о гибели Пушкина. Этим же приемом воспользовался другой гумилевский "оруженосец" — Николай Авдиевич Оцуп, первым узнавший и первым рассказавший в стихах о расстреле Гумилева с помощью конкретных и достаточно прозрачных намеков:

Николай Авдиевич Оцуп
 Стихотворения
 М., 1922

Теплое сердце брата укусили свинцовые осы,
 Волжские нивы побиты желтым палящим дождем,
 В нищей корзине жизни — яблоки и папиросы,
 Трижды чудесна осень в бедном величье своем.

Медленный листопад на самом краю небосклона,
 Желтизна проступила на теле стенных газет,
 Кровью листьев сочится рубашка осеннего клена,
 В матовом небе зданий желто-багряный цвет.

Желто-багряный цвет всемирного листопада,
 Запах милого тленья от руки восковой,
 С низким поклоном листья в воздухе Летнего сада,
 Медленно прохожу по золотой мостовой.

Тверже по мертвым листьям, по савану первого снега,
 Солонватый привкус поздних осенних дней,
 С гиком по звонким камням летит шальная телега,⁵¹
 Трижды прекрасна осень в жестокой правде своей.

Судя по всему, не только благожелательные читатели, но и люди в кожаных куртках, призванные следить за революционным порядком в "красном" Питере, легко разгадали направление мыслей последних "цехпозтовцев" и постарались поскорее избавиться от этих "внутренних эмигрантов". Намеки официальной печати на печальную участь, ожидающую всех "кадетских подпевал", были настолько прозрачны,⁵² что Оцуп, Георгий Иванов, Одоевцева и Адамович вкупе с Ходасевичем и двумя юными гумилевскими ученицами — Н.Н. Берберовой и В.Л. Лурье — предпочли навсегда покинуть Россию, чем окончить свои дни в подвалах на Гороховой. Преследуемые свистом и улюлюканьем бездарных борзописцев,⁵³ они обрели, наконец, на берегах Сены и Темзы свободу писать и печатать правду о Гумилеве, но вместе с ней — горький хлеб изгнанников и практически полную изоляцию от петербургских читателей. Более полувека тому назад, сразу же по приезде в Берлин, Одоевцева опубликовала свою замечательную балладу, посвященную памяти покойного учителя. Прошла целая историческая эпоха, прежде чем отдельные экземпляры и списки этой баллады пробили дорогу к берегам Невы через все охранительные рогатки и "умственные плотины":

На пустынной Преображенской
Снег кружился и ветер выл.
К Гумилеву я постучала,
Гумилев мне дверь открыл.

В кабинете топилась печка,
За окном становилось темней.
Он сказал: — "Напишите балладу
Обо мне и жизни моей.

Это, право, прекрасная тема". —
Но смеясь я ответила — Нет!
Как о вас написать балладу?
Ведь вы не герой, а поэт.

Он не спорил. Но огорченье
Промелькнуло в глазах его.
Это было в вечер морозный
В Петербурге на Рождество.

Я о нем вспоминаю все чаще,
Все печальнее с каждым днем,
И теперь я пишу балладу
Для него и о нем:

Плыл Гумилев по Босфору
В Африку, страну чудес,
Думал о древних героях
Под широким шатром небес.

Обрываясь падали звезды
Тонкой нитью огня.
И каждой звезде говорил он
— Сделай героем меня!

Словно в аду в пустыне
Полгода жил Гумилев,
Сражался он с дикарями,
Охотился на львов.

Со смертью не раз он встречался
В пустыне под небом чужим,
Когда он домой возвратился,
Друзья потешались над ним.

— А, Николай Степаныч,
Ну, как веселились там?
И как поживают жираф и
Друг ваш гипопотам?

Во фраке немного смущенный
Вошел он в сияющий зал
И даме в парижском платье
Руку поцеловал:

Я вам посвящу поэму,
Я вам расскажу про Нил,
Я вам подарю леопарда,
Которого сам убил.

Веял холодом страусовый веер,
Гумилев не нравился ей:
— Я стихов не люблю.
На что мне шкуры диких зверей?

Когда войну объявили,
Гумилев ушел воевать.
Ушел и оставил в Царском
Сына, жену и мать.

Средь храбрых он был храбрейшим,
И может быть оттого
Вражеские снаряды
И пули щадили его.

Но приятели косо смотрели
На Георгиевские кресты:
— Гумилеву их дать — умора!
И насмешка кривила рты.

— Солдатские. По эскадрону
Кресты такие не в счет.
Известно, он дружбу с начальством
По пьяному делу ведет!..

... Раз незадолго до смерти
Сказал он уверенно — Да!
В любви, на войне и в картах
Я буду счастлив всегда.

Ни на море, ни на суше
Для меня опасности нет!
И был он очень несчастен,
Как несчастен каждый поэт.

Потом поставили к стенке
И расстреляли его.
И нет на его могиле
Ни креста, ни холма — ничего.

Но любимые им серафимы
За его прилетели душой,
И звезды в небе пели:
— ... Слава тебе, герой!..⁵⁴

После отъезда "цехлоэтовцев" на Запад гумилевская тема заняла прочное место в русской зарубежной поэзии, не раз возникая в стихах поэтов-эмигрантов трех "волн", начиная с Юрия Терапиано и Дмитрия Кленовского до Николая Моршена и Вадима Делоне⁵⁵ включительно. Предпринятая в разгар "оттепели" Татьяной Григорьевной Гнедич попытка разрушить официальное "табу" вокруг имени Гумилева на страницах советской печати была пресечена в самом зародыше,⁵⁶ однако ее активно поддержали добровольные узники Самиздата — поэты "второй литературной действительности"... Хочется надеяться, что близок тот день, когда любители поэзии на берегах Невы смогут открыто, не таясь читать изданные в России пламенные строки певца великого мужества, сохранившего веру в Бога и Человека среди "жалкого помрачения" как поэтического, так и гражданского сознания своих соотечественников. Залогом тому — посмертная слава Кондратия Рылеева и Александра Полежаева, мучительный, но необратимый процесс возвращения русскому читателю поэтического наследия Ивана Бунина и Осипа Мандельштама, Марины Цветаевой и Николая Клюева, Константина Бальмонта и Владимира Нарбута.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив А.Ф. Кони. См. также письмо коллеги Сутугиной — Е.П. Струковой члену правления издательства "Всемирная литература" А.Н. Тихонову от 2 сентября 1921 г.: "Дорогой Александр Николаевич! Посылаю № "Правды" от 1 сентября. Когда Вы приедете? Здесь так ужасно, одна смерть за другой... Сегодня рассчитывали сдать в Коллегию очень много готовых томов и других материалов, но опять ничего не выйдет на этом заседании, так как вчера пришло известие о смерти Н.С. Гумилева". (Архив издательства "Всемирная литература").
2. См. гумилевский отзыв о ранних стихах Князева в кн.: Гумилев Н.С. *Письма о русской поэзии*. Пг., 1923, с. 90-91.
3. *Ленинградские поэты. Сборник стихов*. Сост. Н.Л. Браун и А.А. Прокофьев. Л., 1934, с. 52-53. Начав с прославления расстрела невинных дочерей Николая II ("Ленинград", 1931, №1, с. 2) духовные наследники Князева столь же темпераментно и почти теми же словами впоследствии воспевали сталинскую расправу над соучастниками этого чудовищного преступления ("Правда", 1937, №160, 12 июня с. 2). Как тут не вспомнить жуткий "афоризм" поэта-имажиниста Вольфа Эрлиха ("... И для расстрела создан человек"), представляющий собой, на наш взгляд, подлинную квинтэссенцию мироощущения русского интеллигента эпохи массовых чисток (*Удар за ударом. Литературный альманах*. М.-Л., 1930, с. 114).
4. "Звезда", 1930, №6, с. 127.
5. См.: "Петроградская правда", 1921, №181, 1 сентября, с. 1.
6. "Звезда", 1930, №6, с. 128.
7. "Поэт Н.С. Гумилев расстрелян по приговору Петроградской ЧК за участие в белогвардейском заговоре". (1921, кн. 2, с. 241).
8. Автограф. — ОР ГПБ, Ф. 207, оп. 1, №105, л. 35. Оpubл.: Ахматова А.А. *Стихотворения и поэмы*. Л., 1977, с. 172.
9. См. стихотворения "Страх, во тьме перебирая вещи..." (27-28 августа 1921 г.), "Пока не свалюсь под забором..." (30 августа 1921 г.), "Другой голос" (7 декабря 1921 г., с посвящением старшей сестре Гумилева — А.С. Сверчковой) и др.
10. С.С., т. 4, с. 568. В альбоме Голлербаха 15 апреля 1924 г. вписаны 9-10 и 13-14 строки этого стихотворения.
11. См. воспоминания М.А. Волощина и графа А.Н. Толстого об этой ссоре.

12. См. там же.
13. Датировано 5 ноября 1925 г. Есть основания предполагать, что Гумилеву посвящены два ранних стихотворения Дмитриевой, написанные ею зимой 1907 г. в Париже: "Когда выпадет снег, — ты сказал и коснулся тревожно..." и "Мое сердце словно чаша горького вина..."
14. Парижский псевдоним Н. С. Гумилева.
15. См., например, рецензию Е. И. Дмитриевой на литературный сборник в пользу пострадавших от землетрясения в Мессине "Италия" (СПб., "Шиповник", 1909), где она высоко отзывалась о цикле гумилевских стихотворений, посвященных Беатриче ("Речь", 1909, № 120, 4 мая, с. 3). Дмитриева согласилась принять участие в ежемесячном журнале стихов "Остров" (СПб, 1909), издававшемся Гумилевым и графом А. Н. Толстым, однако он прекратил свое существование на первом же номере.
16. См. рецензию В. А. Итина на последнюю книгу гумилевских стихов "Огненный столп" (1921) в журнале "Сибирские огни" (1922, № 4, с. 197). Характерен восторженный отзыв о Гумилеве одного из ведущих теоретиков РАППа Г. Е. Горбачева, высоко ценившего его поэзию за "сильные, бодрые мотивы свежей, ненадломленной, даже первобытной силы" ("Горн", 1922, № 2, с. 133).
17. "Вестник литературы", 1919, № 7, с. 7. Пятнадцать лет спустя тот же Ауслендер ретиво "прорабатывал" молодых писателей за недостаточно "искреннюю увлеченность" делом социалистического строительства. ("Литературная газета", 1934, № 4, 18 января, с. 4).
18. Полонская Е. Г. *Упрямый календарь. Стихи и поэмы.* 1924-1927, Л., 1929, с. 21.
19. Полонская Е. Г. Начало двадцатых годов. "Простор", 1964, № 6, с. 112-113.
20. В годы Гражданской войны Зенкевич занимал должности секретаря полкового суда в Саратове и секретаря ревтрибунала Кавказского фронта, а после демобилизации активно участвовал в создании Пролеткульта. (Зенкевич М. А. *Сквозь грозы лет. Стихи.* М., 1962, с. 4).
21. ОР ГБЛ, ф. 245 (Л. М. Рейснер), к. 1, № 5. См. также патетическое стихотворение Л. М. Рейснер "Письмо" в меньшевистской газете "Новая жизнь", 1917, № 11, 30 апреля (13 мая), с. 3.
22. Вознесенский А. *Поэты, влюбленные в прозу.* Киев, 1910, с. 40.
23. В августе 1907 г. Городецкий за участие в студенческих беспорядках провел неделю "под стражей", о чем очень любил вспоминать впоследствии.
24. См. стихотворение Городецкого "Сретенье Царя" ("Нива", 1914, № 35, 30 августа, с. 682).
25. См. пьесу Марселя Мартине "Ночь" в переводе С. М. Городецкого с предисловием Л. Д. Троцкого ("Красная газета" (вечерний выпуск), 1922, № 1, 26 сентября, с. 2).
26. "Вестник литературы", 1920, № 8 (20), с. 11.
27. См. письмо С. М. Городецкого к Н. С. Гумилеву. — ИРЛИ, Р1, оп. 5, № 502. См. также: Городецкий С. М. *Стихи.* М., 1966, с. 16.
28. "Печать и революция", 1922, № 1, с. 88.
29. Поэту. Н. С. Гумилеву. — "Последние новости", 1922, № 13, 15 октября, с. 4.
30. "... каиновой войне" (вар. 1929.).
31. "Салонный быт..." (вар. 1929 г.).
32. "Спокойно смерть к себе позвал..." (вар. 1929 г.).
33. "... живого знамени" (вар. 1929 г.).
34. "С Парнасской мертвой высоты" (вар. 1929 г.).
35. Городецкий С. М. *Грань. Лирика. 1918-1928.* М. 1929, с. 45-46.
36. Там же, с. 67.
37. Гор Г. С. Замедление времени. — В кн.: Гор Г. С. *Геометрический лес.* Л., 1975, с. 412-413.
38. Зелинский К. Л. *На рубеже двух эпох. Литературные встречи. 1917-1920.* Изд. 2-е. М., 1962, с. 17. Образ "России огненных столпов" появился в стихах Нарбута в первые же дни Гражданской войны. ("Сирена", 1918, № 1, стб. 2).
39. Зенкевич М. А. Владимир Нарбут. — В кн.: *День поэзии. 1967.* М., 1967, с. 226.
40. Отрывок. — "Московский понедельник", 1922, № 1, 12 июня, с. 3. Полностью, без указания переводчика — 1923 г.
41. См. также написанное летом 1922 г. стихотворение В. А. Рождественского "В альбом Анне Ахматовой" ("Рвет струну горячий ветер бед...". — ИРЛИ, ф. 172 (Государственный институт истории искусств), № 451.

42. Белый Андрей. *Воспоминания о А.А. Блоке*. — "Эпопея" (Берлин), 1922, №2, с. 297-298.
43. Павлович Н.А. *Письмо из Петербурга. Петербургские поэты*. "Гостиница для путешествующих в прекрасном", 1922, №1 (ноябрь), с. 30-31 нenum.
44. "Петроградская правда", 1921, №181, 1 сентября, с. 1.
45. См.: "Новая русская книга" (Берлин), 1922, №6, с. 33.
46. Вторая книга "Альманаха Цеха поэтов" (Пг., 1921), где были опубликованы два последних гумилевских стихотворения "На далекой звезде Венере..." и "Я сам над собой надсмеялся...", вышла в траурной рамке.
47. Через пять дней после расстрела Гумилева петроградская пресса анонсировала новую книгу его стихов с "запоздалым" названием — "Посередине странствия земного" ("Жизнь искусства", 1921, №806, 30 августа, с. 3), однако она так и не увидела свет.
48. "Книга и революции", 1922, №5 (17), с. 72; "Новая русская книга" (Берлин), 1922, №7, с. 32.
49. По сведениям, любезно сообщенным нам В.И. Эрлем, организатором одного из таких "Гумилевских чтений" осенью 1921 г. был гимназист Д.И. Хармс.
50. Цех поэтов. Кн. 3. Пг., 1922, с. 22; Одоевцева И.В. *Двор чудес. Стихи (1920-1921гг.)*. Пг., "Мысль", 1922, с. 7. Ее же. *Златая цепь. Стихи*. Париж, "Рифма", 1975, с. 58. Современная критика высоко оценила эпитафию Одоевцевой, трогательную "своей искренностью и простотой" (Павлов М. — В кн.: *Факелы. Сборник художественный, научный и философский. Кн. 1. М., 1922, с. 190*).
Как третий альманах Цеха поэтов, так и "Двор чудес" ныне практически недоступны петербургскому читателю. Немногочисленные экземпляры этих книг, уцелевшие после "чисток" сталинского времени, выдаются в государственных библиотеках только по специальному разрешению из-за опубликованных здесь остро-сатирических баллад Одоевцевой "Об извозчике", "О том, почему испортились в Петрограде водопроводы" и "Толченное стекло". Явно не характерные для поэтической практики акмеистов, декларативно отстаивавших принцип аполитичности искусства, они пользовались у читателей начала 1920-х гг. огромной популярностью, а затем были прочно забыты.
51. Оцуп Н.А. *Град. Стихи*. Пг., "Цех поэтов", 1921, с. 13. Датировано 30 августа 1921 г. Любопытно отметить, что "цветовая" гамма этого стихотворения очень (и, повидимому, намеренно) близка гумилевской. Сравни: "Оранжево-красное небо ...

Пронзительный ветер качает кровавую гроздь рябины..." (Тринадцать поэтов. Пг., 1917, с. 8).

52. См., например, стихотворение Ивана Логинова "Под знамена Коминтерна". — "Красная газета" (утренний выпуск), 1922, №198, 3 сентября, с. 3.
53. См., например, передовую статью газеты "Жизнь искусства" (1923, №46, 20 ноября, с. 1). "На службе контрреволюции", а также серию пасквилей некоего Аянта Биченосца под "поэтической" рубрикой "Зуботычины поэтам-эмигрантам" (там же, 1924, №4, 22 января, с. 12; №11, 11 марта, с. 15).
54. Одоевцева И.В. *Золотая цепь*. Париж, 1975, с. 79-82. Датировано 1923 г. Образ Гумилева, впервые появившийся в поэзии Одоевцевой осенью 1918 г., красной нитью проходит через все творчество этой талантливой поэтессы. Сравни, например, ее ранние стихотворения "Нет, я не буду знаменита..." (1918), "Бьется вихрем вдохновенье..." (1919) и "Поэт" (1920) с "гумилевяной" последних лет: "Птица самолет...", "Памяти поэта Сергея Полякова" и "Георгию Адамовичу" (Одоевцева И.В. *Портрет в рифмованной раме. Стихи*. Париж, 1976, с. 13, 36, 45).
55. См. отрывки из Лефортовской баллады Вадима Делоне "Портреты в колючей раме". — "Эхо" (Париж), 1979, №4, с. 71.
56. " ... Даже в эти, в наши дни, на невском берегу его и мертвого они как волка стерегут", — горестно размышлял о смертной судьбе Гумилева Дмитрий Кленовский в 1955 г. (Кленовский Д. *Собрание стихов. I*, Париж, 1980, с. 35).

POSSEV-VERLAG
D-6230 Frankfurt a. M. 80, Flurscheideweg 15
☎ (069) 34 12 65

ВЛАДИМИР КОРМЕР
НАСЛЕДСТВО

Сложный полифоничный роман московского писателя Владимира Кормера (1939-1986) "Наследство" — главное произведение автора, чья повесть "Крот истории" удостоилась парижской премии Даля в 1979 г., была издана в YMCA-PRESS и переведена на французский и итальянский... Острый сюжет и динамичная фабула "Наследства" — то уводят в еще довоенный общественный быт первой русской эмиграции, то энергично возвращают в Москву, в застойное безвременье начала 70-х годов, чьи герои, несмотря на драматизм судеб и непрестанные искушения, пытаются различить Свет Христов во тьме тоталитарного мира...

386 стр. 1987. Цена : 38 н. м.

Судьбы России

Русские подвижники XIX века

С. А. БОЛЬШАКОВ

ИГУМЕНЬЯ ТАИСИЯ СОЛОНОВА,
НАСТОЯТЕЛЬНИЦА ЛЕУШИНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Игуменья Таисия оставила автобиографию, изданную ее монастырем в 1916 г. в Петербурге, а также жизнеописание юродивой старицы Евдокии Родионовой, изданное самой игуменьей в Петербурге в 1911 г. Из этих сочинений мы можем составить себе довольно ясное понятие о личности игуменьи Таисии. О. Иоанн Кронштадтский при прочтении второй тетради Записок игуменьи Таисии надписал на рукописи: "Благословляю печатать эту книгу, как достойную печати, на память будущим родам и во славу Божию. Прот. И. Сергиев, 31 окт. 1906 г." На первой же тетради о. Иоанн написал: "Дивно, прекрасно, божественно, печатайте в общее назидание. Прот. И. Сергиев, авг. 21, 1892 г." По причинам, нам неизвестным, игуменья не решилась напечатать при жизни свои Записки. Они появились в свет сразу же после ее кончины, в 1916 г.

Записки, напечатанные сначала преемницей игуменьи Таисии, игуменьей Агнией, в журнале "Кронштадтский Пастырь", были потом изданы отдельно с кратким введением протопресвитера придворного духовенства, члена Синода, о. Александра Дернова. В своем введении протопресвитер пишет: "В автобиографии матери игуменьи Таисии мы видим замечательное действие Промысла Божия, сказавшееся во всей жизни почившей матушки. Можно сказать несомненно, что она с самых малых лет была избрана Промыслом Божиим на служение святой Церкви и на пользу ближних своих в звании монашеском. И это звание пришлось

проходить ей при несении весьма тяжелого креста. Сама она свидетельствует, что крест ненависти и зависти к ней людской был спутником всей ее долголетней жизни... Читая внимательно эту автобиографию игуменьи Таисии, мы можем ясно видеть всю величину и всю тяжесть иноческого подвига, а также видеть и все настоящее значение иноческой жизни, как для желающих найти верный путь спасения, так и для мирян, которые, находясь в суете житейской, могут видеть из этой автобиографии, что "Бог в тяжестях Его знаем есть", что если и посвятившие себя иноческому служению могут истинно познавать Бога только чрез посылаемые Им испытания, то тем более увлеченные житейскою суетою могут [выбраться] из этой греховной сети только чрез путь того крестоношения, какой Господь, желающий всем спастись и в разум истины прийти, посылает каждому мирянину, лишь бы он слышал этот зов и следовал ему".

Автобиография игуменьи Таисии заканчивается 1892 годом, а умерла она в 1916г. Следовательно, о последних 24 годах ее жизни ничего не говорится. Мы знаем только, что она была мудрой правительницей, обратившей маленькую и бедную общину в перво-классный цветущий монастырь. Таисия Солонова долго колебалась, писать ли свои Записки, и только советы киевского схимника Феодосия, а позже о. Иоанна Кронштадтского убедили ее приступить к их составлению. Колебания ее понятны: она пережила большой мистический опыт, сразу выделяющий ее из ряда других игумений, и имела видения, которые многим могли показаться "прелестными".

Мария Солонова, позже игуменья Таисия, родилась в 1841г. в С. Петербурге. Ее отец был новгородский помещик В.В. Солонов, а мать москвичка из древнего дворянского рода Пушкиных. Оставшись сиротой очень рано, мать будущей игуменьи была воспитана ее дедом и выдана замуж 15 лет с большим приданым за морского офицера В.В. Солонова, часто уходившего в плаванья. У супругов было очень мало общего и взаимная любовь отсутствовала. Мать Марии говорила своей дочери: "Когда столкнулась я с супружеской жизнью лицом к лицу, то стала смотреть на мужа скорее с ужасом и страхом, чем с любовью, которой и раньше не имела. Сознание бесповоротности своего положения томило меня до отчаяния, я плакала, скорбела безутешно".

Мария была третьим ребенком Солоновых, двое детей умерли до ее рождения, а следующий родился, когда ей уже было 8 лет.

Все свое детство Мария была единственным ребенком в семье, утешением своей матери. С детства Мария отличалась щедростью и уже в 4 года научилась читать и знала Священную Историю. Когда Марии исполнилось 10 лет, ее отвезли учиться в Павловский Институт в Петербурге, в котором она провела 7 лет. Поступив в институт, Мария Солонова так плакала, что ослепла на несколько месяцев. Хотя она потом вновь стала видеть, ее зрение никогда уже не было хорошим. За молитвенность и любовь к тишине подруги звали Марию монахиней и игуменьей. В институте же начались у ней удивительные видения и созерцания, никогда ее потом не оставлявшие.

[...] Мария рассказала о своих видениях классной даме, которая ей сказала: "Это твое призвание, храни эту тайну, а Господь совершит свое дело". В институте молодая Солонова удваивала пост и молитву, читала священные книги, а участия в танцах и увеселениях подруг не принимала. Ее считали странной. Ответы Марии на выпускном экзамене по Закону Божьему так изумили экзаменатора, преосв. Иоанникия, ректора Петербургской Академии, позже митрополита Московского и Киевского, что он сказал ей, благословляя: "Бог не оставит своего дела! Ихже избра, тех и оправдает и направит на путь спасения вечного", — и подарил ей книгу.

Кончив институт, Мария Солонова вернулась в родовое имение отца в Боровичском уезде Новгородской губернии. Отец ее медленно умирал от чахотки. Мать Марии жила также в имении со своими поздними детьми, сыном и дочерью. Туда же переселился и дед Марии по матери, которому уже было более 100 лет. Последний скончался 107 лет, оставив Марии значительное состояние. Жили помещики широко и хлебосольно, проводя зиму в балах, пирушках, катаниях на лошадях, любительских спектаклях и т.д. В церковь, кроме больших праздников, никто не ездил. А в большие праздники ездили, как на прогулку, себя показать и людей посмотреть, к концу литургии.

Марию с ее религиозною настроенностью и желанием уйти в монастырь сытая и праздная жизнь богатых помещиков угнетала. "Каким-то общим вихрем носило меня в этой пустоте, — пишет Мария в своих Записках, — но тяжело было душе моей, особенно потому тяжело, что не могла и предвидеть никакого исхода из своего положения: на то была воля матери моей, полагавшей все счастье, как свое, так и мое, приблизительно в таком роде жизни, да, кажется, она надеялась скоро отдать меня замуж. Она часто

заговаривала со мною то о том, то о другом из молодых людей, посещавших наш дом, или с которыми мне приходилось встречаться в других усадьбах. Когда я решалась говорить ей прямо, что хотя и все они хороши, но замуж я никогда ни за кого не пойду, то между нами возникала неприятность, иногда и очень крупная. Я горько плакала, скорбела и едва не приходила в отчаяние. Мне даже иногда приходила мысль — бежать куда-нибудь в лес, бывший так недалеко от нашей усадьбы, но куда — когда я никуда дороги не знала, и каким способом устроить было это — приходилось отказаться и от этой отрадной мысли”.

На следующую зиму, чтобы избавиться от праздной помещицкой жизни в усадьбе, Мария переселилась, с дозволения родителей и под присмотром двух старых дев, дворянок Москвиных, в оставленный ей дедом дом в Боровичах, где она стала учить детей, включая и своего младшего брата. Мысль уйти в монастырь тем не менее не оставляла Марию, не раз беседовавшую на эту тему с о. Вениамином, игуменом боровичского Свято-Духова монастыря. Последний укреплял Марию в ее намерении, но предлагал ей посоветоваться с приезжающим вскоре в Боровичи архимандритом Лаврентием, настоятелем Иверско-Богородского монастыря. О. Лаврентий предсказал девице, что мать скоро отпустит ее в монастырь, и притом так, как и сама она не ожидает.

Так и случилось. На праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы Мария сказала, что ей трудно жить в мире и она хочет в монастырь. После раздумья мать согласилась отпустить ее. Мария сразу же пошла к игумену Вениамину сообщить ему о происшедшем, равно как и свои опасения, как бы мать не передумала. На это о. Вениамин отвечал: “Что же вам до отказа ее (от своих слов), если бы он и последовал? Раз благословение дано — и держитесь за него. Вспомните благословение Исааком Иакова, вызванное обманом, но имевшее всю силу святости и нерушимости, несмотря на все последующие просьбы изменить его; а вы не обманом, а слезами вымолили его, и оно пошло на вас, и никто не сможет снять его, даже она сама, если бы вздумала. Конечно, она попытается еще удерживать вас, готовьтесь ко всяким искушениям, но будьте тверды и спокойны; да и что раньше времени тревожиться: Бог начал, Бог и кончит”.

Из Боровичей Мария съездила в Иверский монастырь на богомолье и на беседу с архимандритом Лаврентием, который посоветовал ей съездить в Тихвинский Девицкий монастырь помолиться

чудотворной иконе Тихвинской Богоматери, и, если Бог благословит, и остаться там. Мария последовала совету архимандрита Лаврентия и 30 декабря 1860г. приехала в Тихвинский монастырь, где и приняла ее игуменя Серафима (Ольга Тимковская), дочь генерала и воспитанница Смольного Института. Пожив в монастыре гостьей некоторое время, Мария, накануне отъезда домой, заикнулась о своем желании поступить в монастырь и просила указать ей, какой она должна внести вклад. Игуменя ответила, что для нее вклада не нужно, ибо она сама клад для монастыря.

Вернувшись домой, Мария поняла, что ее мать переменяла решение и снова не хочет отпустить ее в монастырь. Мария загрустила, но ободрилась сном, в котором Богоматерь сказала ей: “Не плачь, ты у меня”. В тот же день она получила письмо от архимандрита Лаврентия, который сообщал, что ее мать была у него и согласилась отпустить ее в монастырь. Продав свой домик в Боровичах за 10.000 рублей, Мария оставила себе только 700 рублей, а все свои драгоценности и вещи оставила матери, к которой уже перешло и все остальное ее наследство.

Мария очень трогательно описывает прощание с матерью и домом: “Был назначен день моего отъезда; рано утром все поднялись на ноги; приглашенный к этому дню отец игумен Вениамин в присутствии всех собравшихся проводить меня родных и знакомых отслужил молебен перед иконой Казанской Богоматери (виденной мною во сне). Этой иконой благословили в замужество мать мою, ею же она захотела благословить меня на жизнь иноческую. По окончании молебна сам о. игумен Вениамин вынул из киота икону и подал ее матушке, перед которою я пала на колени. Когда, благословляя меня, матушка моя поставила мне на голову икону, то сама она едва не упала от сильного наплыва чувств и горя. И мое сердце скорбело о ней, я не могла не понимать, сколько горя и самоотвержения причинила я ей своим уходом”.

Из дома Мария поехала на три дня в Иверский монастырь к архимандриту Лаврентию за советами и указаниями на иноческую жизнь.

“Берегись, — говорил архимандрит, — берегись во всем излишеств: где нам немощным возлагать на себя трудные подвиги? Дай нам Бог стяжать смирение и послушание, что выше всяких подвигов. Скажу тебе словами одного богомудрого старца: подвиги для монаха — лакомство, а послушание и смирение — пища. Без пищи жить нельзя, а без лакомства можно... В монастырских общежитиях,

от постоянных соприкосновений друг с другом и в послушаниях, и в келиях, почти неизбежно возникают столкновения, скорби и т.п. — вот тут-то и найдешь для себя повод к смирению, к безропотному несению скорбей, к безусловному послушанию не только старшим, но и равным и младшим... Никакого особого поста на себя не налагай; довольствуйся и держись трапезы; еще как примет ее твой организм, доселе балованный, неженный, трапеза в монастырях всегда суровая, постная, дай Бог, чтобы ты ее переносила... Молись непрестанно, молись внутренне во время дела, во время отдыха, всегда, всегда предзри пред собою Господа, твоего Жениха небесного, чтобы сердце твое ни на минуту не изменило Ему ни одним помыслом. Дорожи своим призванием, но помни, что "много званых, но мало избранных", не по твоей заслуге избрал тебя Господь — ты еще не начала служить Ему, а это всецело Его великая милость к тебе, и кому много дано — много и взыщется с него, и "не вотще благодать Божию прияти нам"... Тебя сам Господь как бы за руку ведет. Он вывел тебя, и Ему Одному ведомыми судьбами, из среды мира, вывел и поставил на пути удобнейшего служения Ему. Он и не оставит тебя Своею благодатью. Я спокоен за тебя".

По дороге из Иверского монастыря, в Тихвине, Мария Солонова в последний раз в жизни увиделась со своей матерью, ожидавшей ее там проститься. Эта тяжелая, но человеческая сцена хорошо описана в Записках. 19-го февраля 1861 г., в самый день освобождения крестьян от крепостной зависимости императором Александром II, Мария прибыла в Тихвин, на тройке. Ей пришла невольная мысль, что не так Христос шел на Голгофу. "Не лепо мне въехать во св. врата обители, — думала Мария в своем хотя и дорожном, но все же удобном, тройкой запряженном экипаже, — не так Спаситель наш шел на Голгофу, не в порфире и убранстве царского благолепия возмог и царь Ираклий внести св. крест во врата града, не так и мне подобает вступить во св. врата обители, где намерена я нести крест Христов — достояние монашеской жизни".

"Я вышла из саней и пошла позади них. Бог свидетель, что сделала я это безотчетно, сама не понимая, какую связь этот поступок имел с приведенными, тоже произвольными мыслями. Некоторые сестры и сама мать игуменья увидели меня, идущую и направляющуюся прямо к игуменскому корпусу. Я сразу же пошла к матери игуменье спросить о том, где она благословит

мне остановиться и сложить свой багаж. Она указала мне ту же самую келию, в которой я гостила у старицы Глафиры, в мезонине над игуменскими покоями. На вопрос матушки о том, отчего я шла пешком, а не сидела в санях, я сказала ей всю правду, на что она отвечала мне: "Сам Господь голосом вашего собственного сознания напомнил вам, что монастырская жизнь — жизнь крестная".

Первый год в монастыре был для Марии и радостен, и тяжел. Радостен молитвами и осуществлением своего желания поселиться в обители и труден суровою жизнью и работами, тоской по дому и матери. Она познакомилась с великой молитвенницей, монахиней Феоктистой, и ее это очень поддержало. На второй год вместо обычных черных работ Марии поручили учить девочек, так как в Тихвине не было тогда ни одной женской школы. Родители богатых девочек стали делать Марии подарки за хорошее обучение детей. Этому начали завидовать другие: пошли пересуды. Это очень огорчило Марию. "Но вот, наконец, — пишет она, — миновала буря: возвратилась мне всеобщая ласка, любовь, сочувствие, все познали, что гнали меня напрасно, что одна злая зависть хотела погубить меня и т.д. Но душа моя, глубоко потрясенная, не могла успокоиться. Вместо прежней моей общительности, простоты, веселости, я стала недоверчивою, печальною, подозрительною. Я не могла не сознавать, на опыте то изведав, что эти любовь и ласка так же скоро могут смениться злобою и ядовитыми насмешками, как скоро сменяются час за часом. Одним словом, мое прежнее состояние духа не возвращалось ко мне; я даже с пренебрежением удалялась от них, а в душе продолжала томиться, мысленно спрашивая себя: "Если нет в монастыре искренней любви, этой основы не только иночества, но и христианства, то значит нет и спасения, а если нет сего, то для чего же мы живем здесь?" Мария продолжала по-прежнему видеть сны и видения.

В конце четвертого года своего пребывания в монастыре Мария получила уведомление, что ее мать скончалась, ее вызывали на погребение и заботу о доме и малолетних брате и сестре. Дом родительский Мария застала в беспорядке. Приведя дела в порядок, сдав имение опекуну, а брата и сестру устроив казеннокоштными в корпус и институт и посетив Иверский монастырь и архимандрита Лаврентия, после пятимесячного пребывания в миру, Мария вернулась обратно в Тихвин.

Вернувшись в Введенский монастырь, Мария, все еще послушница, предложила вклад и просила дать ей постоянную келию. Игуменья дала эту келию, но от вклада отказалась, под предлогом, что лесопромышленник Снетков, дочь которого училась у Марии, выстроивший новый корпус, просил ее дать Марии келию без всяких взносов. Мария была очень довольна своей келией, своими послушаниями, своими келейницами и своей перепиской с архимандритом Лаврентием.

”Счастливейшее и лучшее время изо всей жизни моей было это время, — пишет Мария в Записках. — Ему я обязана всем, если что-нибудь приобрела для своего внутреннего человека. Настолько спокойно и тихо внутренне жилось мне, что я не смела верить в возможность продолжительности такого состояния, не ”крестным”, по общему понятию о монашеской жизни, представлялось мне оно, а ”райским”, насколько доступен рай на земле. Я на опыте извела силу слов Христовых: ”Царствие Божие внутрь вас есть”. О молитве Иисусовой, т.е. о внутреннем непрестанном призывании Имени Иисуса Христа, писал мне о. Лаврентий: ”Молитва Иисусова — это бесценное достояние истинных монахов, в привыкшем к ней сердце делается как бы занозой, беспрестанно напоминающей о себе и ноющей — когда нет ей сладчайшего Имени! Ревнуй о молитве внутренней, в ней вкусишь счастье, блаженство среди невзгод и всех напастей”.

Вскоре по переселении в келию Марию постригли в рясофор, дав ей имя Аркадии. Все шло как по маслу. Однако, это было только затишьем пред бурей, которая не только лишила молодую пострижницу ее келейки, но и Введенского монастыря. Игуменья приняла в монастырь другую послушницу с большим вкладом, которой и отдала келию Аркадии, а последнюю переселила в единственную свободную келию, в которой никто не хотел жить. Она была темная, сырая, часто затоплявшаяся водой весною. Аркадия прожила два года почти в этой келии. Будущее было беспросветно. Здоровье ее портилось. Но вдруг все изменилось.

В ноябре вызвали Аркадию в Новгород по делам наследства. ”Сердце мое чувствовало, — пишет Аркадия, — что собираюсь я из родной обители навсегда, да, кажется, это чувствовалось и всеми, хотя все знали причину отъезда. Сестры и старицы, собравшиеся проводить меня, особенно любившие меня старицы, монахиня Варсонофия, Анатолия, Анфия, Глафира, Ельпидисфора и др., со слезами говорили мне: ”Не приедешь ты к нам больше, голубушка

наша, так и чувствуется, что не приедешь”. Матушка игуменья, когда я прощалась с нею, благословила меня и сказала: ”Не торопитесь возвращением, погостите кстати, покончивши дела в Новгороде, у своих в усадьбе: Бог даст, пройдет зима, а затем я приготовлю вам келию более удобную”.

Прежде чем ехать в Новгород, Аркадия заехала в Иверский монастырь к архимандриту Лаврентию и поведала ему свое горе. Выслушав Аркадию, архимандрит сказал ей так: ”Св. Евангелие учит нас, что и волос с головы нашей не падает без воли Отца Небесного, поэтому не думай, что перевод твой из твоей любимой и дорогой тебе келейки в дурную и сырую совершился без воли Божией, твоя мудрая и добрая игуменья не могла бы сего допустить, если бы не попустил, не повелел ей сего Господь. Тебе нужно было изведать и этот крест для большей опытности в дальнейшей твоей жизни. Около 7 лет провела ты в твоей любимой келейке, как сама ты говорила, привыкая в ней к уединенным келейным монашеским подвигам, к тайной внутренней молитве и т.п.: значит срок твоего обучения этому истек, надо было еще поучиться и самоотверженному терпению; ну вот и тут поучилась немножко, а между тем это послужило тебе как бы вызовом тебя к иному образу жизни, иного рода трудам, на пользу общую; вот и тут поучишься, как злато в горниле искусишься, а потом и совершит Господь хотение Свое о тебе. Я уже говорил тебе, что Он сам тебя как бы за руку ведет, — предайся Ему всецело, Он лучше нас с тобой знает, какими путями нас вести до Царства Небесного. В Тихвин ты более не возвратишься; в Новгороде 4 женских монастыря, не торопись, можешь присмотреться во всех, и где придется более по душе, там и останешься, впрочем, Господь Сам все устроит”.

Аркадию пригласили остаться в Зверинском Новгородском монастыре, что она почла за волю свыше и осталась. Ей поручили быть регентшей на клиросе и дали хорошую келию. Игуменья Лидия была из дворянок, но без всякого образования светского. Ее девочкой-сироткой привели в Свято-Духовский новгородский монастырь, где она и осталась. В Зверинском монастыре, как и всюду, встретились искушения. На эту тему Аркадия пишет: ”Если и попускает Господь иногда сильные и тяжкие искушения, так что мы немощные едва сносим их, то это для нашего большего смирения, чтобы мы сознали и от души почувствовали, куда мы годны без Его Святой помощи”.

”Время шло и с собою уносило все прошлое, пережитое: и хорошее, и дурное, и тяжелое. Миновали бури, наступала тишина, затем снова волновалось житейское море и снова утихало, как и обычно бывает, так случалось и в моей маленькой жизни. Но все, что я считала тяжелым и страшным в то время, как оно совершалось, было лишь как бы преддверием тех тяжестей, которые суждено было мне Промыслом Божиим понести в свое время. Но да будет за все слава Господу, указавшему нам собственным примером не иной, как крестный путь к Царству Небесному”.

Прожив три года в Зверинском монастыре, монахиня Таисия, уже постриженная в мантию, поехала в Иверский монастырь посетить своего давнего учителя и руководителя в иночестве, архимандрита Лаврентия, и осталась там на несколько дней. Старец угасал и сдал свое управление монастырем боровичскому архимандриту Вениамину, а сам подвизался в молитве и богомыслии. В своей последней беседе с монахиней Таисией архимандрит Лаврентий высказал ей свой взгляд на монашество и на настоятельство: ”Скорби, — сказал он, — это удел монашеской жизни, ее неотъемлемая принадлежность, от самого начала ее и до конца. С возрастом духовным монаха возрастают и скорби, т.е. степень их; младенцу — младенческие скорби, а зрелому возрасту — зрелые скорби, ”комуждо противу силы”, как сказано. Нет тяжелей скорбей начальнических, но подчиненным как-то не верится этому, им кажется наоборот, что начальническая жизнь и легка, и безбедна, между тем как на самом деле она есть тягчайший крест из всех иноческих крестов, который своей тяжестью придавливает к земле нашего брата раньше времени. Вот придет время — сама испытаешь на себе”.

”Такими совершенно ясными словами или косвенными намеками, но всякий раз во время наших бесед батюшка не пропускал случая напомнить мне о трудности и высоте настоятельской должности, всегда при этом прибавляя: ”Сама узнаешь, сама испытываешь”, — как бы в ответ на мою мысль, что все это он говорит для того, чтобы я не осуждала строго настоятелей в их невольных ошибках и проступках человеческих. Но наконец я решилась сказать ему: ”Родной отец мой, вы так говорите мне, как будто мне самой предстоит это начальственное бремя”. ”Так, овца, именно так; тебе оно и предстоит, к сожалению, ты на то и отмечена Богом и избрана, а ”ихже избра Господь, тех и оправдает”, умудрит. Вникни в пути твоей жизни, коими тебя Господь ведет,

вдумайся — и сама поймешь Его промыслительные пути. Вот ты с первой минуты вступления в монастырь все находишься близ настоятели; не думай, чтобы это было случайно, — у Бога нет случаев, а все промыслительно. Находясь часто при настоятелях, ты имеешь возможность близко видеть их дела управления, их отношения к сестрам и взаимно сестер к ним: это дает тебе опыт, который в свое время и принесет тебе большую пользу. Видя в этих отношениях и доброе, и злое, применишь в руководство себе эти примеры, ибо пример лучший, чем любая книга, наставник. Не говорю тебе приглядываться нарочито, или обсуждать действия настоятельницы — сохрани Бог от этого, это дело не твое, а все же нельзя не видеть, что перед глазами, и надо из всего извлекать себе уроки”.

В день отъезда архимандрит сказал ей на прощание: ”Жаль мне тебя, овца, много горя предстоит тебе в жизни, ”многими скорбями подобает нам внити в царство небесное”. Господь и Владычица не оставят тебя, возлагай на них свое упование. Мой путь уже кончается; не сегодня-завтра отойду в иной мир. Если обрету дерзновение — не забуду тебя и там перед Господом, а ты поминай меня”. ”Затем он указал мне на киот, стоявший в углу; подле киота стояла палка, служившая посохом, на которую он опирался при ходьбе, и приказал мне подать ему этот посох, что я и исполнила, думая, что он хочет встать. Взяв в левую руку посох, он приказал мне стать на колени против него и положил мне правую свою руку на голову, благословив меня, и сказал: ”Вот возьми этот посох, обопрись на него и держи разумно и твердо. Ты будешь матерью для сестер твоих, я это знаю, у тебя добрая, отзывчивая душа, люби их”.

Далее он не мог продолжать, глаза его наполнились слезами. Конечно, рыдала и я. Снова водворилось молчание; я все еще стояла на коленях, опершись на его старческий посох, который стал моим достоянием, и по сей час храню его как святыню”.

Через короткое время архимандрит Лаврентий скончался. Таисия вскоре была сделана казначеей монастыря. Оставался только один шаг до настоятельства. По-прежнему шли у ней сны и видения, которые она описывает в своих Записках. Наступил 1881 год, в начале которого она видела во сне, что получила игуменский посох. В простоте Таисия рассказала свой сон игуменье, которая уже начинала видеть в Таисии свою соперницу и ее недолюбливала.

Выслушав рассказ Таисии, игуменья рассмеялась насмешливо и колко: "Поздравляю вас, вам дали посох, теперь вы уже игуменья". Таисия очень огорчилась насмешкой, но вскоре забыла все это за делами. В тот же день митрополит Новгородский и Петербургский Исидор вызвал телеграммой Таисию в Петербург, чтобы назначить ее настоятельницей Леушинской общины.

Возникновение Леушинской общины очень интересно. Так как в результате антицерковного и антимонашеского законодательства Петра Великого и его преемников не только открытие новых монастырей не могло состояться без особого каждый раз императорского указа, но и пострижение монашеское требовало указа Синода. Те и другие давались с крайним трудом и стоили дорого. Поэтому желающие иночества из мужчин уходили или в Румынию, или на Афон, или скрывались в рославльских лесах отшельниками и малыми общинами. В случае обнаружения все эти лица строго наказывались непризнанием их монашества, тюрьмами, телесными наказаниями и ссылкой на поселения за самовольную отлучку за границу или за скрывание по лесам. К женщинам относились легче. Их оставляли в покое, если они жили вместе как общество старых дев и вдов и не претендовали быть монахинями, имея необходимые документы. Такие группы именовались общинами, богадельнями, общежитиями, и, строго говоря, были нелегальны, так как существовали явочным порядком, без всякой регистрации. В царствование императора Николая I таких общинок было немало. В царствование Александра II, когда бюрократизм ослабел и антицерковное направление в правящих кругах тоже, из этих общинок развились громадные общежительные монастыри. Леушинский Иоанно-Предтеченский женский общежительный монастырь с его огромной общиной монахинь так и возник.

В шестидесятых годах XIX века в Череповецком уезде Новгородской губернии, недалеко от богатого села Воронина, в деревне Починок, жила в небольшом домике с огородом крестьянская старая дева Агафья Викторовна, а при ней несколько других старых дев. Они неопустительно ходили в приходскую церковь, работали на огороде, шили для крестьян и читали Псалтырь по усопшим. В 40 верстах от Череповца находилась усадьба помещика-инженера Н. Каргапольцева Леушино и недалеко от нее церковь со чтимым образом Богоматери. В 1868 г. петербургский купец Максимов купил Леушинскую усадьбу и предложил восьми воро-

нинским девицам переселиться туда и положить основание женскому монастырю. Воронинские девицы долго не соглашались, почему-то не доверяя Максимовым. В 1872 г. они все-таки переехали в Леушино, и община была зарегистрирована в Новгородской епархии.

Первой настоятельницей признанной общины была монахиня Сергия. Ей наследовала монахиня Леонтия, правившая три с половиной года и затем ушедшая от правления. Максимовы, основатели монастыря, вмешивались в дела общины, производили в ней разделение, и община была накануне закрытия. Митрополит Исидор решил сделать, однако, попытку сохранить общину, назначив туда зверинскую казначею, монахиню Таисию, ему лично знакомую.

Отпуская Таисию в Леушино, митр. Исидор сказал ей следующее: "Эта община требует умного распоряжения, деятельного надзора. Она мне надоела, вот уже 4-й год, я тебя четвертую назначаю, а если и ты не сделаешь ничего полезного — то я ее закрою. Одно только может быть, что ты там соскучишься, ведь там глушь, пустыня". Таисии пришлось много пострадать от вмешательства в ее дела семьи Максимовых, считавших себя основателями общины, так как они приобрели для нее усадьбу. Притом, старые воронинские сестры, малограмотные или вовсе неграмотные, не знавшие ничего о монашестве, были недовольны, что им присылают в настоятельницы чужих, и поддерживали Максимовых.

Рассмотрев на месте все обстоятельства и выяснив, что в общине нет ни средств, ни благоприятных перспектив, Таисия решила просить митрополита уволить ее от настоятельства. Однако сон, в котором она видела Богоматерь, сказавшую ей: "Не бойся, больше веруй", — склонил ее к попытке провести необходимые реформы. В результате неприятностей и интриг, кончившихся уходом из общины 7 девиц (Максимовы желали закрытия общины и возвращения себе имени), Таисия заболела, приехав в 1883 г. в Петербург с отчетами к митрополиту. У ней от нервного паралича отнялись руки и ноги. Два месяца она пролежала в больнице. Чудесно исцеленная видением архангела Михаила, Таисия вернулась в Леушино и принялась за созидание обители. Уже через два года, в 1885 г., община была переименована в монастырь, а Таисию посвятили в сан игуменьи. 8-го ноября 1885 г. в Леушине были совершены первые пострижения сестер в монашество. Во время пения Херувимской Таисия видела видения, подобные тем, каких удостоились преп. Сергей Радонежский и преп. Серафим Саровский.

Обнадеженная видениями, игуменья Таисия решилась построить соборный храм за 180 тысяч рублей серебром при наличности в 240 рублей и одной сотой необходимых материалов. В три года громадный храм был выстроен. Все шло лучше и лучше. К началу века Леушинская обитель была признана первоклассной. Она была отменно благоустроена, с огромными зданиями и храмами в Леушине и с прекрасным подворьем в Петербурге на Бассейной улице, куда я иногда заходил в детстве. Игуменья Таисия весьма уважалась о. Иоанном Кронштадтским и многими иерархами и монашествующими, а также мирянами. Скончалась она 75 лет, перед самой революцией. Жизнь ее можно суммировать так: все возможно тому, кто верит.

ЮРОДИВАЯ СТАРИЦА ЕВДОКИЯ РОДИОНОВА

Жизнь этой юродивой старицы описана ее покровительницей игуменьей Таисией в "Жизнеописании юродивой старицы Евдокии Родионовой", изданном ею в Петербурге в 1911 г. Евдокия Родионова родилась 4 августа 1803 г. в деревне Большая Новинка Ершовской волости Череповецкого уезда Новгородской губернии. Евдокия была крепостной крестьянкой тайного советника и камергера Николая Никитича Демидова. Когда Евдокии исполнилось 16 лет, помещик приказал выдать ее замуж, вопреки ее желанию, за крестьянина Ерофея Савинова. С Савиновым Евдокия прожила пять лет и осталась бездетной вдовой. Евдокии пришлось испытать много жестокого и грубого произвола от мужа и его родителей. Однажды она проспала идти молотить и за то так была избита свекром, что едва осталась живой. Боясь вернуться домой, Евдокия бежала в леса и там скиталась, пока не умерли в 1824 г. ее свекр и муж. Из красивой молодой женщины она стала тощей, изможденной и странной. Часто ее ловили, били, привязывали цепью к столбу и кормили черствым хлебом — как собаку. С этого времени Евдокия стала юродствовать, т.е. вести себя, как ненормальная.

Около трех лет после смерти мужа Евдокия оставалась свободной. 21 января 1827 г., несмотря на ее юродство, помещик приказал обвенчать ее с крестьянином Емельяном Ивановым из деревни

Быковой. От второго брака у Евдокии родились сын Иоанн и две дочери, Екатерина и Агриппина. По-прежнему Евдокия уходила в леса и юродствовала. Ни побои, ни истязания, ни цепь не могли сделать из нее хозяйки. Так прошло 20 лет. Наконец, муж и родные оставили ее в покое, да и дети уже выросли.

Евдокия жила нищенством и почти все, что получала, отдавала тем, кто был беднее ее. Дети в деревнях часто дразнили ее. Взрослые их останавливали и приглашали юродивую к себе, величая ее "Родимой". Очень скоро была обнаружена в ней прозорливость. Сначала она стала известна с этой стороны своим родным, братьям и племяннику, которые с успехом пользовались ее советами при разделе, при открытии почтовой станции и т.д.

Когда известность Евдокии, как прозорливой, укрепилась, ее стали приглашать на дом многие почитатели, нуждавшиеся в ее указаниях. Гостья она была, однако, докучливая, таскавшая всегда с собой разный мусор и причинявшая много хлопот хозяйкам. Пришла Евдокия однажды на несколько дней в дом ее почитателей Никиты Сергеевича Беляева с семьей, в село Спаса на Мяме, на границе губерний Новгородской и Ярославской. Наступали праздники. Хозяйке надоело убирать за юродивой. Она подговорила одного крестьянина, ехавшего по делу в Новинку, пригласить ее туда же, т.е. к родным братьям. Будучи прозорливой, Евдокия узнала план хозяйки и сказала громко: "Вот так гостенька! до чего догостила, спроваживать собираются". И, отказавшись от саней, ушла, к изумлению семьи. Когда хозяйка, бывшая в отсутствии, вернулась и увидела общее смущение, то объявила свой план отделаться от юродивой. Всех это огорчило. Послали искать Евдокию по всем дорогам, но не нашли. Впрочем, через некоторое время Евдокия переменила гнев на милость и снова стала посещать Беляевых.

Молодому парню Федору Родимая предсказала монашество с именем Феодосия, что и сбылось через пять лет, когда он поступил в Пошехонский Адрианов монастырь, где его и постригли в свое время с именем Феодосия. Одному мальчику юродивая предсказала стать через 12 лет солдатом, что и случилось, хотя он не подлежал призыву.

Когда Евдокия пристала к воронинским девицам, положившим позже основание Леушинскому монастырю, то старшая сестра, Агафья Викторовна, очень этим смущалась и ходила за советом к отшельнице Досифее в Мологу, как быть с Евдокией. Досифея

просила Агафью принимать Евдокию, сказав, что она великая подвижница, и предсказав Агафье, что и сама она скоро переберется в другое место и на новый образ жизни, что и случилось скоро, когда воронинские девицы перебрались в Леушино, где Агафью и постригли в свое время в монашество с именем Агнии.

В Леушине было записано много случаев прозорливости Евдокии. "Слух о прозорливости Родимой и о чудной жизни ее в новой Леушинской обители, из коей она, впрочем, иногда и отлучалась на некоторое время, распространялся быстро и широко, — пишет игуменья Таисия в своем "Жизнеописании Евдокии". — Все искали видеть ее, конечно, не из простого любопытства, что доказывается тем, что многие не предпринимали никакого более серьезного дела, не посоветовавшись с Родимой. И делали это не одни простолюдины, что могло бы быть отнесено к их простодушию и невежеству, но и люди весьма образованные и даже духовного сана. Таковы, например, многие помещики, священники, купцы, люди разных сословий, пола и возраста. Священник села Любец, о. Василий Преображенский, всегда и во всем спрашивал совета Родимой, вероятно, опытом изведавши пользу его. У него была дочь-невеста, которую сватал в замужество один окончивший курс семинарист, выходявший на место священника в село. О. Василий соизволял этому браку, равно как и девица; но он приехал в Леушино спросить, "что скажет Родимая, благословит ли?" "Нет, — сказала она, — это, батя, не жених нам — больно уж черен. Найдешь побелее". О. Василий пробовал было возразить: "Что ж, что черен? Зато не пьяница, человек хороший". "Не пьяница, так пьяница, — отвечала она, — впрочем, мне-то все равно, как хочешь, твоя дочь, я почему знаю".

Как ни хотелось о. Василию выдать дочь за этого "подходящего" человека, тем более, что он поступил на хорошее место, но все же побоялся сделать это, и свадьба не состоялась. Казалось бы, странно священнику слушать какие-то бредни юродивой полудурьи-крестьянки, как тогда многие и говорили; но бредни эти не замедлили оправдаться. Подруга дочери о. Василия, сделавшаяся вместо нее женою молодого священника, неоднократно говаривала ей: "Какая ты счастливая, что Господь отнес тебя от этого брака".

Тому же священнику Родимая предсказала, что село Любец погорит вместе с церковью и домом священника, что и случилось через два месяца. О. Василий все потерял, кроме денег в железном

столе. Когда тот же священник сказал ей, что приедет напутствовать ее перед смертью, она ему ответила, что будет напутствовать ее священник села Логинова Евгений Брянцев. Окружающие подумали, что она умрет в этом селе, но случилось иначе. О. Евгений Брянцев, уйдя на покой, переселился служить при Леушинском монастыре, где и напутствовал Евдокию.

Последняя предсказала уход в Горницкий монастырь второй настоятельницы, монахини Леонтии, и приезд новой игуменьи по имени Таисия, что и случилось. Она же предсказала убийство в Петербурге народовольцами 1 марта 1881 г. императора Александра II, приезд на ревизию монастыря в 1889 г. преосвящ. Анастасия и многое другое.

"За последние годы своей жизни Родимая, — пишет игуменья Таисия, — стала заметно слабеть, а вместе с сим стала и меньше юродствовать, т.е. меньше бродить, ворчать и проч., но с камнями и черепками не расставалась до смерти. Еще задолго до начала постройки соборного храма, на пустой площадке, на том самом месте, где теперь алтарь его главного среднего придела во имя Похвалы Богородицы, она садилась на траву, отдавая себя в жертву насекомым, и что-то городила из множества кирпичиков, камушков и всякого мусора, который все таскала на это место. Нередко можно было встретить ее и ночью — ходящую по монастырю с палкою в руках, но как только заметит, что ее видят, тотчас скроется. В конце 1886 г. стало заметно, что старица Евдокия Родионовна приближается к закату дней своих. В Рождественском посту она еще продолжала свой обычный род жизни, говела по монастырскому обычаю со всеми сестрами и приобщалась св. Таин в церкви. Не более как за неделю до смерти, она перестала бродить по монастырю и пребывала безысходно в своей келье".

Евдокия скончалась в канун Рождества Христова, мирно и безболезненно. Напутствовал ее, по ее предсказанию, о. Евгений Брянцев. Игуменья Таисия заканчивает свое жизнеописание Евдокии так: "Такова была кончина мнимой "дуры", юродивой во Христе Евдокии. "Буия мира избра Бог" (1 Кор. 1, 27), и блаженны, ихже избрал и приял еси, Господи (Пс. 69, 5). Молитвами их, Господи, буди милостив и к нам грешным".

МАТУШКА СОФИЯ ПЕТРОВНА РОМАНОВСКАЯ

Среди русских подвижников, канонизированных русской православной Церковью, наиболее многочисленную группу составляют монашествующие, чествуемые именем преподобных. Имеются также князья и бояре, правители или мученики, несколько юродивых и значительное число праведников. Среди всех этих угодников нет ни одного приходского священника, канонизированного именно в качестве священника. Два юрьевских священника в Ливонии, Исидор и Иона, почитаются один как мученик, а другой как отшельник. Есть еще два местночтимых священника на Севере, но один из них почитается как юродивый, а другой как основатель монастыря. В XVIII и XIX веке почитались подвижниками некоторые представители белого духовенства. О них пишется в "Русских подвижниках" Поселянина, а также в "Жизнеописаниях подвижников русского благочестия", издававшихся в Москве русским Пантелеймоновским монастырем на Афоне. К числу этих почитаемых подвижников относятся протоиерей Иоанн Сергиев Кронштадтский, протоиерей Александр Юнгеров, волжский Златоуст, протоиерей Матвей Константиновский в Ржеве, духовник Гоголя, арзамасский протоиерей Авраамий Некрасов и некоторые другие. Число их невелико.

Русский иезуит Иоанн Кологривов в своей книге о "Русской святости" справедливо указывал на крайнюю малочисленность русских канонизированных женщин. Большинство их княгини, обычно постригшиеся по смерти мужа, некоторые княжны-монахини, вроде преп. Евфросинии Полоцкой, очень редкие монахини, одна праведная женщина в миру, Юлиания Лазаревская. Имеется даже одна матушка, именно преп. Васса, жена юрьевского иерея, постригшегося в монашество с именем Ионы, одного из основателей Псково-Печерского монастыря. Он и Васса там и погребены.

Приводятся разные причины в объяснение столь бросающегося в глаза контраста: множество канонизированных монахов и ни одного приходского священника. Главная причина, вероятно, та, что монашество — ангельский чин — требует само по себе святости и подвижничества. От монахов их ждут. На них смотрят. Их деяния записывают. К ним ходят на совет. Они, как град на верху горы, не могут укрыться, особо основатели монастырей, старцы и святители. Высокие добродетели также приметны в государях. Слава же

приходского священника не распространяется обычно дальше его прихода или, крайнее, его епархии. Внешний мир о нем не знает, Иоанны Кронштадтские — исключение. Их деяния редко кто записывает, и сами они пишут редко. Кроме того, добродетели приходского священника не так бросаются в глаза, как монашеские: подвижничество, постничество, непрестанные молитвы, руководство другими, прозорливость, духовные видения и писания.

И если о приходских священниках пишут мало, то о их матушках не пишут совсем. Они проходят как тени в жизни их почитаемых мужей. В жизнеописаниях почитаемых белых священников о их женах или вовсе не упоминается, или вставляется иногда две-три строчки, часто малолестные. Можно ли отсюда заключить, что среди них не было женщин высоких добродетелей? Нельзя. Жизнь матушки сама по себе всегда была и ныне остается жертвенной. Обязанная смотреть за домом и детьми, она никак не может уклониться от приходской жизни и не делить ее забот и тревог с мужем. Для этого ей не дается никакой благодати. Только в румынской Церкви при посвящении диакона во священника над его женой читаются молитвы о даровании ей сил в помощи мужу. Жизнь матушки подобна жизни Назаретской Семьи. Она скромна, смиренна и малоизвестна. А смиренная жизнь не бьет в глаза, не привлекает внимания. Ну, и проходят мимо.

Некоторых матушек не заметить, однако, нельзя. Такою была София Петровна Романовская. Я случайно ознакомился с биографией этой матушки, исследуя записки преосвященного Леонида, архиепископа Ярославского и Ростовского, печатавшиеся в "Душеполезном Чтении" в Москве в 1905 и 1906 годах.

В Записках преосв. Леонида помечено под 13 апреля 1858г.: "В воскресенье после службы в монастыре, где делать замечания мне уже легко, я пробыл дома до вечера. Часу в шестом приехал ко мне М. Д. Никольский в слезах. Вчера после разговора с В. И. Рахмановым (врачом при Московской Духовной Семинарии), я призывал его к себе и советовал не откладывать елеосвящение больной. Теперь, с вестью о безнадежности больной, он приехал ко мне и вместе с просьбою принять участие в елеосвящении. Как тяжело и неловко говорить о том, что должно быть в случае смерти больного! Мое мнение, что В. И. Романовскому, по смерти жены, один исход — монашество. Я думал было сказать больной, чтобы она сама предложила ему это; но нашел ее не в том положении. Она

окружена многолюдством, и притом — хотя сознание полное, но силы слабы, она не может преследовать мысль в ее развитии: думает и говорит как-то отрывочно. Бедный муж! Он бросается на колени пред ее постелью, плачет, вопиет ко Господу, жалуется, что выплакал слезы, и вдруг начинает смешной анекдот: из состояния тоски он перешел в состояние отчаяния.

Больная женщина — редкая в своем сословии, едва не единственная по добродетелям, спокойна, тверда, о смерти говорит без всякого смущения, по преданности в волю Божию. Она мало говорит, но ясно и как-то самоуверенно, если так можно выразиться. Во время елеосвящения потребовала, чтобы ее перевернули лицом к нам, чтобы дали в руки свечу, хотя ей было очень мучительно. Всегда миниатюрная, она страшна сухощавостью своей, умное и приятное лицо ее, покрытое болезненным румянцем, как лицо двенадцатилетней девочки. Она говорила, что Евангелие она хорошо слышала, но за прочими чтениями не могла следить умом. Мы слышали только звуки: прости меня, Господи, грешницу, скверную и проч. Когда я прощался, она стала было называть меня именем доктора, но когда заметили ей меня, она поправилась, благодарила, просила прощения. Когда уже я был у дверей комнаты, она — обернутая к стене — продолжала отрывочно говорить со мною, и последние ее слова — громкие, отдельные, решительные, как приговор, — были: "Вы служили превосходно!" Не были ли это последние слова ее ко мне в здешней жизни? За нее не страшно, страшно за мужа, доброго, даровитого, но легкого характером человека. Случилось в посту: я видел сон — она и матушка моя, обе смертельно больные в одной комнате, и я готовлю их к елеосвящению"...

"20 апреля 1858 г. останется днем достопамятным для меня — это день погребения Софии Петровны Романовской, или лучше — это день торжества православной идеи отношений между пастырем и пасомым. Вы читаете между сочинениями Григория Назианзина, Григория Нисского и проч. надгробные слова членам их семейств и изумлены этими чудными отношениями. Они говорят о добродетелях усопших, о подробностях их семейных отношений, как о чем-то для всякого известном. Вы постигаете, что жизнь этих семейств текла как бы на каком-то возвышении перед очами всего общества, была свечником, утешением, назиданием, и всем становится понятным это сильное влияние пастырей и успех христианства во времена по внешности неблагоприятные для Церкви;

вас это трогает, умиляет, вы жалеете, что не видно того же в Церкви современной.

Утештесь, мы сегодня были свидетелями, что связь пастыря с паствою в православной Церкви не порвана, что священник не просто официальное лицо для своего прихода, что он отец и друг для своих детей духовных, что его печали и радости — печали и радости целого прихода; что если ведет он жизнь непостыдную, что если он отворил и сердце и дом для прихода, и приход отворит ему сердце и оценит его настроения и семейные добродетели, и любя его, полюбит и учение его.

— Смотри, — сказал я в церкви плачущему мужу, — и сличи, много ли пришло сюда по участию и много ли без участия, и утешся.

Действительно, эти 22 священника при двух архиереях, совершавшие отпевание, — по какому приказу пришли сюда? По чувству родства или дружбы, по чувству уважения и любви. Этот обширный храм до того наполнился народом, что едва возможно мне было пробраться с кадилом во время пения. Благословен еси Господи — по чьему приказу наполнился; и какое подложное чувство могло вызвать слезы и сетования на такое множество лиц, и наконец, на глаза, как я заметил, полицейского сержанта, который, верно, духовный сын о. Василия и знал покойную.

А это прощание прихода с женою пастыря? Где увидите что-либо подобное? Думаю, что добрых полчаса оно продолжалось. Решительно вся церковь, от людей высшего общества до мещан и мещанок и далее, подходили с благоговением ко гробу, чтобы дать усопшей последнее целование. И какое это целование, горячее лобзание любви и горькой разлуки на всю земную жизнь, каждый и каждая целовали усопшую в чело или очи, в лицо, в уста, и потом целовали руку; обыкновенно целовали не меньше двух лобзаний, целовали, как живую. Сколько слез упало на этот счастливый гроб!

Конечно — это чистое чело светилось светом христианской мысли, эти очи лили много слез молитвы и сострадания, на этом младенчески приятном лице всегда готова была улыбка приветия и сочувствия ближнему, эти уста произносили много спасительных слов в увещание, в ободрение, в утешение тем, кто нуждался в утешении, в ободрении, в увещании; эта малая длань простиралась так искренне, так дружелюбно тому, кто достойно искал этой дружбы, так деликатно-милостиво к тем, кто нуждался

в ее щедрости. Но можно ли подумать, что будут свободно любить и чувствовать человека без достоинства? Мы стараемся, с одной стороны, этим примером лишь то доказать, что христианские добродетели не только пастыря, но и членов его семейства близки сердцу прихожан, что ими он может приобрести себе и сильное общественное влияние, и любовь, и молитвы, и почесть, и благосостояние. С другой, что христианские добродетели в священнике и в семье скорее найдут себе сочувствие, скорее приобретут силу действовать на сердце, нежели добродетели светского лица, как бы он ни был поставлен.

Будь в пастыре и не такое широкое, любящее сердце, как в о. Василии, будь и не столь высоки добродетели супруги иерея, как добродетели покойной, — будут признаны и достоинство пастырского сердца, и добродетели его семейства. Тайна этого в духе Церкви православной вообще и в такте русского народа в особенности. Этого нет ни в католичестве, ни в протестантстве. В католичестве — по исключительности закона о безбрачии духовенства, в протестантстве оттого, что характер Церкви убит, ибо там и Церкви нет.

Ив. Ник. Александровский сказал слово преаккуратное, теплое, безыскусственно назидательное. Он говорил о высоких добродетелях покойной, упомянул прекрасную черту — незадолго до смерти она озаботилась в самых нежных выражениях дать прощение тем, кого могла считать ближайшим виновником ее болезни смертной. Преданность мужу беспредельная, благочестие самое ревностное, кротость, целомудрие, тайная милостыня, соединение жертвенной мягкости с мужественной серьезностью в характере, в воззрениях, в действиях, в самом тоне речи — все это в женщине, которая, оставшись круглой сиротой, вышла замуж почти ребенком, 16 лет, и сохранила до смерти какую-то неуловимую детскую наивность, успела воспитать себя в добре, укрепить его за собою и безнамеренно укрепить за собою эту репутацию необыкновенной женщины в промежуток каких-нибудь десяти лет от брака до кончины.

Я не люблю смотреть на мертвых, не по боязни, не по отвращению, а потому, что больно видеть, как безжалостно искажает смерть богозданное жилище бессмертного духа человеческого, храм живущего в христианине Духа Святого; но когда взор нечаянно упал на лицо покойной, и я остановил его на верхней части лица, которой и признаки тления не коснулись, то с почтением созерцал

на нем, мраморно-бледном, спокойном, с крепко закрытыми глазами, тихий, мирный сон, и не добычу смерти, а торжество над смертью, которое отлетевшая душа отразила на оживленном ею теле, и которое несомненно еще сможет стереть рука пресмыкающейся смерти. Мир тебе во веки, единая от благословенных жен, верных учениц Господа Иисуса”...

”Апреля 21 дня... Хотел было я просить преосвященного викария, чтоб В.П. Романовскому посоветовал идти в монахи, но преосвященный не принял по болезни. 20-го утром очень плохо чувствовал себя и сегодня на экзамене сидел с трудом”...

”1858 года апреля 25-го дня... В воскресенье вечер провел у Романовского. Он неутешим! Я служил у него панихиду. Он был этим тронут, а я утешен. Так уже третье воскресенье сряду, молимся мы в доме Василия Ивановича о Софии Петровне”.

В Записках преосвященного Леонида нет больше упоминания ни о Софии Петровне, ни о ее муже. Неизвестно, пошел ли он в монашество или нет, когда и где скончался. Преосвященный не упоминает также о том, где и как воспитывалась София Петровна, в каком московском приходе она подвизалась, да это и неважно. За свою короткую двадцатилетнюю жизнь она смогла привлечь к себе окружающих так крепко, что 2 архиерея и 22 священника явились на ее погребение и толпа народа всякого положения и возраста и обою пола. Старец Амвросий Оптинский был человек святой жизни, всероссийски известный, и все-таки на его погребении был только один архиерей, свой епархиальный, и притом случайно. Он же отметил, что архиереи простых монахов не погребают. Были, конечно, несметные толпы народа, что и не удивительно при известности старческой о. Амвросия. Многие иерархи и духовные лица были на погребении о. Иоанна Кронштадтского, и массы народные. Но и это не удивительно: о. Иоанн был членом Синода и при жизни еще ублажался как праведник. И о. Амвросий, и о. Иоанн были в священном сане и в летах преклонных.

Стечение же архиереев, духовенства и народа на погребение двадцатилетней женщины, всего-навсего жены приходского священника, нельзя иначе объяснить, как высокой праведностью Софии Петровны

Ее пример может ободрить и вдохновить на подобные же дела и современных матушек в русской Церкви, внутри страны и за рубежом. В их руках находятся средства к благому влиянию на

прихожан. Если они будут давать в своей жизни высокие примеры семейной жизни, то не останутся без подражателей и найдут не менее друзей и помощников, чем их нашла София Петровна.

Имеются ли подобные матушки ныне? Да, имеются. Я лично знал одну такую, к которой можно приложить многое сказанное преосв. Леонидом о Софии Петровне. А раз возможна высоко-праведная жизнь для одной, возможна она и для других. Поступая, как София Петровна, матушки смогут оживить многие приходы, ныне прозябающие. Люди рвутся к свету и святости, часто сами того не сознавая. Когда пример дан, они являются массами.

Библиография

Игуменья Таисия. *Записки*. Петроград, 1916.

Игуменья Таисия. *Жизнеописание юродивой старицы Евдокии Родионовой*. СПб, 1911.

Преосвященный Леонид. *Из Записок*. "Душеполезное Чтение", Москва, 1906, т. 2, стр. 345-354.

ПОЛОЖЕНИЕ ЦЕРКВИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

ПИСЬМА ЕПИСКОПА СЕРАФИМА *

В.Т. ГЕОРГИЕВСКОМУ

1.

29.3.1906 г., г. Орел

Христос Воскрес!

Достоуважаемый Василий Тимофеевич!

Я нашел в Орле столько дел, после бездействия преосв. Кириона и его подозрительной тактики, что вот скоро 2 месяца, работая день и ночь, не могу сладить с путаными следствиями, бесчисленными ставленниками и проч. С бумагами не кончаю раньше 3-4 ч. утра ежедневно. Служу 3-4 раза в неделю по будням, чтобы только отпустить ставленников, и даже страстную неделю, первые три дня, служили литургию Златоуста, по секрету, в своей Крестовой церкви, чтобы не задерживать священников и отправить их в приходы к Пасхе.

Слышал я, что Орловская епархия одна из самых трудных и неустроенных, но не воображал, что центральная, русская епархия может быть в таком запустении и неустройстве во всех отношениях. Говорят: это потому, что часто меняются Владыки. Но я

*) Митр. Серафим Чичагов (в миру Леонид Михайлович) родился 9.6.1856 г., окончил Пажеский корпус, был полковником императорской гвардии и вольнодумцем до обращения под прямым воздействием о. Иоанна Кронштадтского и принятия священства. Овдовев, о. Леонид стал монахом и одним из главных инициаторов канонизации Серафима Саровского, о котором составил основополагающую книгу "Хроника Серафимо-Дивеевского монастыря". Хиротонисан во еп. Серпуховского в 1905 г., "отличался горячим стремлением поставить духовенство на подобающую высоту" и очень суровым управлением, за что был уволен осенью 1917 г. В 1928 г. вступил в управление Ленинградской епархией. С 1933 г. пребывал на покое. Арестован и расстрелян в 1938 г., 82-летним старцем.

Письма обращены к известному историку древнерусского искусства.

грешный думаю иначе: все они были плохие администраторы, и, получая всего 1500 рублей содержания, меньше секретаря Консistorии, бежали отсюда без оглядки. Без викария здесь можно лишиться последних сил. Но, если нечем жить Епархиальному Архиерею, то мысленно ли устроить викария. Ведь мерзость и запустение началось с Архиерейского Дома.

Но я бы хотел очень остаться здесь надолго и добиться переустройства епархии. Надо же русскую губернию привести в порядок. Больно видеть это.

С 1-го февраля, дня моего приезда в Орел, я еще не спал ни одной ночи, как следует. Бью набат, — стремясь к скорейшему возрождению приходской жизни. Веду беседы с миром и клиром по городам, в залах Думы. Последствия прекрасные. Трудно подымать духовенство, но мир — поможет, если епископы будут жертвовать собой.

Поздравительного Вашего письма я не получал, а потому и не ответил.

Тяжело еще, что тут в Орле, одна из местных газет, — на жидовской субсидии, и она извращает каждое слово мое. Приходится в опровержение печатать мои речи. Особенно старалась она восстановить молодежь против меня, и неважно, потому что семинарскую историю я уладил прекрасно и вместо 100 воспитанников уволил только троих, скомпрометированных еще до последней истории, — после 17 октября — жандармскою властью.

В первый раз я соприкасаюсь с Семинарией, и Вы поймете, какое впечатление на меня произвели порядки и обычаи. Никакого понятия не имеют о воспитании, педагогике и влиянии на юношество. Нет ни власти, ни прямоты, ни самостоятельности в начальстве. Юношество никогда не может уважать слабость, лицемерие, скрытность и бесхарактерность.

Затем, крепко Вас обнимаю. Приветствую Вашу семью.

Ваш богомолец
Епископ Серафим

2.
26.1.1909 г., г. Кишинев

Возлюбленный и дорогой мой
Василий Тимофеевич!

Порадовали Вы меня Вашим письмом в моем одиночестве, спасибо Вам. Я живу, как всегда, в работе день и ночь и не падаю духом, что постарался Вам доказать посылкою моих боевых проповедей, произнесенных в Кишиневе для петербуржцев. Страна покойная в смысле революции и добродушная по характеру и неразвитию, но мой предшественник приучил бессарабское духовенство обходиться без архиерея, так что оно совершенно устроилось автономно, получило выборное начало, распоряжается соборно во всех учреждениях и епископ только подписывает их желания и мысли, изложенные в журналах. Прямо анекдот! Теперь жду ответа Синода на мое донесение, с просьбой отменить автономию во всех епархиальных учреждениях, что было Синодом решено в революционное время. Думаю, что посадить мне их на место будет не трудно, если только Синод исполнит свой долг.

Огорчаюсь южанами, как у них все церковное пало, обрядность пропала, пение еще по нотам Бахметева и все исковеркано. Ужас в том, что изменить мне невозможно, тут регент соборный священник, любимец всего города, ничего не понимающего в пении, и он преподаватель во всех учебных заведениях. Во всем городе один архиерейский хор. Причт соборный из академиков-законоучителей, собор без прихода, очень бедный, и ничего я не могу поделать, так что у меня нет и ключаря в помощь, ибо он законоучитель. Словом, не встречал нигде такой обстановки в России и стою в тупике, потому что выхода нет решительно никакого.

Вторая беда, — молдаване в селах не говорят по-русски, в монастырях тоже, так что мне ездить по епархии все равно так же ужасно, как было на Кавказе.

Все это неутешительно, а года идут, силы убавляются, и больно, что по глупости некоторых людей я лишен возможности принести должную пользу. Но без воли Божией страдаю от глупости людей и покоряюсь совершенно смиренно, чем, кажется, поражаю некоторых в Синоде. Но они меня там и не поймут, никогда и не узнают, что я за человек. Волнуюсь немало делами государствен-

ными и в особенности синодальными. Паралич не проходит, православие преследуется и ни один вопрос не решается. П.П. (Извольский) * что-то на исходе кажется, совсем в нем разочаровались, но кто может быть его заместителем? Пишут мне, что ходят слухи о Куломзине,** но это весьма нежелательный кандидат, стар, приятель прежних воротил и что-то православия своего не высказывал в старину.

Мои кандидаты другие и помоложе, но меня не спросят и поэтому не назову их, а имею четырех, даже избытие.

Обнимаю Вас крепко, дорогой Василий Тимофеевич, и прошу меня не забывать. Мой привет Вашей супруге.

Призывая на Вас Благословение Божие, остаюсь преданный Вам богомолец

Епископ Серафим

3.

16.2.1909г., г. Кишинев

Возлюбленный
Василий Тимофеевич!

Ничего определенного относительно нового обер-прокурора я не могу Вам сказать. Знаю, что это человек горячий, твердый, работоспособный, или сделает очень много, или ничего; середины быть у него не может. Это духовно развитый человек, полный сил и конечно несравнен с мыслями П. П., будет о деле думать, а не о том, как посмотрит на его действия прогрессивная партия.

*) Род. в 1863г., брат министра иностранных дел, в эмиграции стал священником и служил в Бельгии. Митр. Евлогий называет его "добрым и благожелательным".

**) Анатолий Николаевич Куломзин, род. в 1837г., член Государственного Совета.

В неожиданности назначения Лукьянова,* и не по выбору Стоянина, я усматриваю несомненную волю Божию, а может быть и милость Божию. Пока буду жить под этим впечатлением.

Меня утешает и горячность Лукьянова, и русское коренное происхождение его, и что он не из аристократов. Все это данные к работе и успеху. Надеюсь, что Рогович останется хоть на некоторое время, чтобы Лукьянов мог иметь более верные сведения о иерархии и ухищрениях лаврских. Буду судить его по способности узнать людей и как он отнесется к митроп. Антонию,** после двух-трех месяцев взаимной работы. Это для меня пробный камень.

Из Орла я имею самые отчаянные сведения. Мой заместитель никуда не годен и не может совершенно управлять никакой епархией, а тем более столь трудной, как Орловская. Викарий Митрофан*** тоже очень плох и я в нем жестоко ошибся, ибо консисторским протоиереем он был лучшим, а архиерея не вышло, мало развит, совсем не воспитан, без памяти и весьма ограничен умом, только кабинетный редактор Епархиальных Ведомостей, помышляющий лишь о деньгах, никаких порядков не знает, учебной службы не прошел и от меня даже ничему не научился, благодаря своему болезненному самолюбию. Думаю побывать в Петербурге в конце Пасхи, чтобы поклониться могиле моего дорогого батюшки отца Иоанна,**** что хотел раньше сделать, но воздержался, чтобы избегнуть сплетен и дать автономии академии и Извольскому без меня скончаться в Синоде. И там я остался во всем виноват. Думаю, что назначение Лукьянова не преминут мне приписать тоже. Пусть пройдет это переходное положение и тогда я приеду на короткий срок.

*) Сергей Лукьянов, профессор Варшавского университета, "усердный читатель и почитатель В. Соловьева", автор подробной монографии о его молодых годах (Петроград 1917-1918), пробыл на посту обер-прокурора недолго. Его заменил В.К. Саблер.

**) Митр. Петербургский Антоний Вадковский (ум. в 1922г.).

***) Вл. Митрофану (Краснопольскому, род. в 1869г.), ставшему в 1916 епископом Астраханским, суждено было погибнуть мученической смертью в 1919г.

****) о. Иоанна Кронштадтского.

Молдавия могла бы легко и без меня обойтись, но верю, что в этом назначении сказалась воля Божия и меня Господь побережет от лишних тревожений и интриг. Не пойму, чем кончаются дела кавказские и будет ли там экзарх? Не дай Бог никому этого назначения, при том положении, что Синод не может решиться ни на какие реформы. *

До свидания, дорогой Василий Тимофеевич, обнимаю Вас крепко и прошу передать мой привет Вашей супруге.

Ваш преданный богомолец
Епископ Серафим

4.

31.12.1910г., г. Кишинев

Возлюбленный
Василий Тимофеевич!

Взаимно приветствую Вас наилучшими пожеланиями на Новый год, чтобы Вы и Ваша семья были здоровы и благополучны, но все внешнее измениться скоро не может и не вижу я даже проблеска в умах и сердцах современного начальства.

Благодарю Вас за доброе участие в моем семейном горе. Я из четырех братьев остался один и теперь за мной черед. Благодарю также, что побаловали чудной книжкой суздальской, которая меня перенесла в этот забытый уголок России, и пахнуло на меня стариной, прежними испытаниями.

На днях еду в Москву и Петербург. Надеюсь, увижусь с Вами и обо всем переговорим. Много у меня тяжелого в епархии.

Прежде я ездил отдохнуть в Петербург, а теперь всякий раз заболеваю сердцем и нервами.

Крепко Вас обнимаю

Ваш богомолец
Епископ Серафим

*) Слова пророческие: назначенный экзархом Грузии епископ Никон был убит в 1911г. грузинскими сепаратистами.

КАК РАЗРУШАЛИ ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ НЭП'а

ОЧЕРК ЖИЗНИ И РАЗОРЕНИЯ ГЕОРГИЕВСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ *

... Монастырь основан в 1879г. по мысли отставного подп. Мих. Спир. Ласточкина. Он купил 300 дес. земли на Курском канале, где стоит теперь монастырь, и пожелал там устроить общину для приготовления сестер милосердия с церковью во имя св. Георгия и больницей. Для общины были приглашены сестры из Ставропольского монастыря, которые в предшествовавшую русско-турецкую войну исполняли обязанности сестер милосердия. Трудна была на первых порах жизнь сестер на новом пустынном месте, лишенном какого бы то ни было покрова, жили в шалашах, землянках, при том в плохом климате, ибо по Курскому каналу в то время были болотистые места и жители окрестные страдали от сильных лихорадок. Но при необыкновенном усердии сестер трудности постепенно побеждались. Такая скромная самоотверженная жизнь поселенцев стала привлекать к себе богомольцев из окружающих селений. Устроенная на первых порах маленькая домовая церковь оказалась тесной, служивший старичок священник не мог один выполнять все требы. М.С. Ласточкина это побудило, так как он больше всех заботился о новом деле, посвятить себя общине. Для этого он едет в Ставрополь и просит еп. Германа рукоположить его в священники для общины. Преосвященный согласился на рукоположение только после выдержания духовного экзамена и вступления в брак. М.С. Ласточкин в Ставрополе же женится на простой девушке и держит духовный экзамен. С его приездом в общину в сане священника быстро началась постройка новой церкви при деятельном участии сестер. Церковь эта существует и сейчас в обители, так называемая зимняя церковь — небольшое здание в виде домового храма. Выстроить настоящий храм у общины не хватало средств в то время. Число сестер быстро увеличивалось: пустыньность местности, скромность жизни привлекали души верующих девушек — кавказских казачек и российских

*) Из архива кн. Г.Н. Трубецкого.

мужичек. Община была переименована в монастырь. Старшая из сестер, постриженная в монашество, назначена была игуменией монастыря. М.С. Ласточкин из хозяина попал уже в служащего в монастыре под начальством игумении. С увеличением числа сестер расширялось и хозяйство общины. Кроме одежды и необходимой келейной обстановки все остальное было общее у сестер, как то: поле, огород, сад, стол, стирка и т.п. Каждая выполняла возложенное на нее послушание (обязанности) по общей жизни, которой руководили игумения монастыря, казначея, благочинная и несколько опытных сестер, с которыми три первых официальных лица должны были советоваться. Так текли годы... Новый храм стал по временам уже тесным. Как у начальницы монастыря, так и у сестер возникла мысль об устройстве большого каменного храма для обители. Начали понемногу заготавливать материал. Но о. Ласточкину не пришлось положить основания этого храма. В 1891г. он умер от открывшейся на ноге раны, полученной им на войне при покорении Кавказа. Мысль о новом храме была приведена в исполнение сестрами монастыря после смерти Ласточкина. За каких-нибудь 2-3 года выстроен был обширный храм-собор при деятельном участии сестер. Ежедневная суточная смена сестер непрерывно в количестве 60-80 человек заготавливала раствор, носила кирпич, глину, возила камни, песок, лес. Одна из сестер, подавая раствор на купола, сорвалась с большой высоты, разбилась и умерла. Две других быками опрокинуты были в яму с известью, — сильно обожглись и ослепли. За неимением под руками нужных материалов приходилось за песком, например, ездить за 40-50 верст, а за камнями — за 100 верст в Пятигорск под Машук. Строитель подрядчик только руководил работой. Таким образом постройка в денежном отношении обошлась недорого, но стоила жизни и здоровья сестер. И сейчас живущие в монастыре две монахини, обожженные и слепые, напоминают сестрам своим видом о трудах прежнего времени. Ограда монастыря возведена самими сестрами из кирпича, приготовленного ими на кирпичном (кустарном) заводе монастыря. Многие из жилых корпусов были построены средствами и личным участием поступивших сестер, или их родителями, живущими в недалеких от монастыря станицах. Но часть корпусов и все надворные постройки выстроены монастырем на общий доход обители. Ни от св. Синода, ни от иных учреждений монастырь никогда не получал никакой помощи, кроме добровольного пожертвования богомольцев. Число сестер постепенно

увеличилось, насчитывая более двухсот человек. К моменту революции монастырь имел 8 хороших лошадей, 30 рабочих быков, 60 штук коров с подтелками, 200 овец-маток, приличный сельскохозяйственный инвентарь и две мастерских — коверную и белошвейную с тонким шитьем, небезызвестных по добросовестности и тщательности выполнения работ среди многих заказчиков в Терской губ. Посевная площадь, исключая покосы и огороды, простиралась до 80-90 десятин.

В настоящее время обитель представляет жалкое положение. Начиная с 1918г. монастырь постепенно терял свое хозяйство. Проходящими частями войск было забрано все ценное из церкви, даже антиминс, а также одежда сестер, зерно, скот, упряжь. В районе с. Советской, к которому принадлежал в то время монастырь, шли бои, как говорится, "красные вытесняли белых, белые красных". Монастырь занимался то одной, то другой стороной. Каждая часть, подходя, обстреливала монастырские здания, предполагая спрятавшиеся в ограде войска неприятеля. Но таковых ни для белых, ни для красных никогда не оказывалось. Крыша собора была вся испорчена пулями, так как храм служил наблюдательным пунктом для частей. Много набрались страха сестры, которым и во сне не снилась такая действительность. Двое из сестер были убиты: одна шальной пулей, другая рукой пьяного красноармейца, который сам на другой день при гробе ее плакал, вопрошая: "за что я застрелил тебя бедную?" Монастырю приходилось обмывать, кормить и перевязывать всех. Когда выходили одни и приходили другие, то на вопросы "не было ли у вас таких-то" — по своему христианскому долгу приходилось отвечать, что нет, не видели. Перед глазами сестер проходили раненые, часто умирающие люди, когда в них исчезало красное и белое, а оставался только страдающий человек. От монастыря было послано 12 сестер в распоряжение санитарного отдела, из числа которых 7 сестер, прослушав курсы сестер милосердия, работали по госпиталям, на фронте; две из них пропали без вести... Вот началось отступление красных войск от Моздока. Все помещения монастыря и сараи, навесы, даже скирды были заполнены отступающими, падающими от тифа. Сестры монастыря в сознании своего христианского долга добровольно ухаживали за больными, кормили, поили, стирали белье, покрытое паразитами. Целыми днями топились монастырские печи, грея воду для больных. Несли суп, хлеб, сухари, сушеные фрукты, не только монастырские, но и частные, из келий. Назначен-

ные игуменией от монастыря более сильные сестры копали могилы. В результате тиф был перенесен в среду сестер, почти все заболели, умерло более 25 сестер.

В 20 и 21 гг. в монастырских зданиях помещался приют, где было до 70 детей. Все почти оборудовано было в приюте монастырским имуществом: кровати, столы, стулья, скамьи, лампы, кубы, посуда, одеяла, простыни, матрацы, подушки и т.п. Дети обслуживались бесплатно сестрами монастыря, добросовестно выполнявшими возложенные на них работы. За что не однажды были получены одобрения от заведующей дошкольного подотд. парт. т. Лебедевой. Приют пробыл в монастыре более года, так как повальная лихорадка среди детей требовала необходимой перемены климата. Нужно отметить, что все монастырское имущество, каким был оборудован приют, — правда, часть была пожертвована, а часть дана во временное пользование, — было увезено приютом, возвратить данное во временное пользование было отказано. После этого, ввиду сильной лихорадочности местности и отдаленности ее, монастырские помещения ни на что не пользовались, кроме построек черного двора, домов священников и гостиниц, которые отданы с 1920г. в распоряжение беженцам-алагирцам. Сестры, жившие на черном дворе, и священники уплотнены были в ограду. В это же время оставшееся имущество монастыря было национализировано Моздокским исполкомом и забрано, включая даже столовую и чайную посуду. Большая часть сестер разошлась, так как упорно и часто заявляли о закрытии монастыря, если он не организует из себя коммуны. Сестры общины, жившие более 40 лет коммунальной жизнью, недоумевали и не представляли для себя возможности иной коммуны. Наконец председателю Моздокского исполкома удалось организовать из сестер новую коммуну: проведено было собрание и запротоколено за подписями сестер. Но дело дальше бумаги не пошло. Скоро приехали подводы за монастырским имуществом (национализированным), сестрам сказано было, что им пришлют скот и инвентарь для ведения хозяйства, а их имущество распределят более разумно по другим местам. Воспитанные в понятиях собственности, сестры заявили: "лучше вы не берите наше, но и не присылайте нам чужого, так будет сохранней и продуктивней". Этим и окончилась попытка председателя увидеть в сестрах людей, годных для нового мира. Им дали наименование ненужных, никчемных людей, "отрепья мира сего" и на время оставили в покое...

Разбежавшиеся сестры общины начали постепенно возвращаться в монастырь и собирать разоренное хозяйство, которое вновь национализируется в 1924г. Живой инвентарь, взятый на учет ГЗИ, в настоящее время в количестве 15 №№, приобретен сестрами обители таким образом: бурая корова, по описи №8, вместе с годовым телком приведена в общину монахиней Аполинарией Глебовой, живущей и сейчас в монастыре, от своих родственников ст. Новопавловской гр. Борисенко. Племенной бык №4 есть приведенный телок коровы №8, выращенный личным трудом сестер. Бурая корова №9 приведена в общину сестрой Федосьей Пономаревой, бывшей вдовой ст. Новогеоргиевской, живущей и сейчас в монастыре. Корова №10 куплена двухлетним телком у Горбовцева Ивана, проживавшего на участке близ ст. Советской. От этих трех коров личным трудом сестер выращено три рабочих быка по описи за №№ 6, 7, 12. Бык №11 куплен двухлетним телком в ст. Новопавловской у гр. Макара Дегтярева. Гнедой конь №1, взятый 8 июля сего года по предписанию РГЗИ объездником Проценко, куплен у Алексея Перегуда, гр. Веденякинского хутора, на общие деньги сестер, заработанные рукоделием. Серая кобылица №2 куплена у вдовы Молчановой, гр. ст. Советской. В момент покупки кобылица от недостатка корма еле тащила ноги и стоила 37 рублей. Деньги заработаны были сестрами за уборку хлеба у беженца с Куркужина гр. Ефима Евтушенко, который имел посев вблизи монастыря. Свинья №15 маленьким поросенком получена за вязанье кофты и 3-х пар чулок от гр-ки Горнозаводской слободы Мариаммы Сербы. Три поросенка по описи за этим же № — приплод этой свиньи — вскормлены продуктами личного сестринского труда. Два лошонка и два подтелка — годовики — доморощенный скот общины... С перечислением монастыря из Моздокского района в Георгиевский общину вновь часто посещали разные комиссии и отдельные лица: измеряли помещения, составляли опись, исследовали грунт почвы, делили землю, составляли списки живущих и брали разные сведения о жизни монастыря. Носились слухи о закрытии обители, но официально сестрам никто ничего не предписывал за это время, кроме учета имущества храмов, изъятия церковных ценностей и метрических книг. Но пример закрытия других монастырей и быстро растущие слухи всевозможных вариантов о закрытии ежедневно волновали живущих, так как обитель служила для сестер местом единственной оседлости, потому что с поступлением в монашество сестра исключалась

из прежнего общества, о чем и представлялся ею документ в обитель. Начиная с 1918 г., каждый вечер у ложившихся спать сестер пронеслась беспокойная мысль — "ляжешь ли завтра на этом месте?" Много было пролито горьких слез и произнесено горячих молитв. Состояние сильно удручается полной неопределенностью положения монастыря, которая отражается и на хозяйственной его стороне. Особенно положение осложнилось после вторичной национализации в 1924 г. В настоящее время сестры являются только безвозмездными добросовестными сторожами своего имущества, приобретенного уже в условиях Республики. С большим трудом удалось обработать в настоящем году 21 дес. земли общими силами, прежним общинным путем. Продукты общего труда идут на уплату разных налогов и на помощь престарелым больным монахиням. Остальные сестры в колич. 150 человек живут личным заработком. Каждая келья имеет свой частный огород, вскопанный лопаткой на берегу Куры. Это каторжный труд: нужно выкорчевать камыш, а потом вскопать, что еле под силу здоровому мужчине — так сильно сплетаются корни камыша. Местные жители обычно с таких огородов не получают ничего, не имея терпения и ухода за ними в такой неудобной местности. Но упорство и усердие сестер преодолевают эти природные препятствия. С самой ранней весны все от мала до велика в монастыре хлопочут над этими огородами. И огород каждой келье дает все свои продукты на год, даже иногда можно и продать. Хлеб зарабатывается сестрами летом поденной работой на степи у местных хуторян или родственников, а зимой сестры прядут, шьют, вяжут, вышивают, работают одеяла за хлеб. Благодаря хлебоборности местности, при скромном требовании и терпеливости сестер община могла бы существовать и при таких тяжелых условиях, постепенно восстанавливая хозяйство, что и делала обитель, приобретая скот и инвентарь после национализации 1920-21 гг. По общему положению, сестры в 1921 г. наделены землей в количестве 70 десятин в порядке частного пользования и зачислены в число гражданок местной Горнозаводской слоб. — значит имеют право на свое частное хозяйство. Но как вести хозяйство, когда ведущие не знают, могут ли они приобрести в 1924 г. стол, стул, даже лоток для теста и веревку, с уверенностью, что приобретенное не будет национализировано в 1925 г.? Или как убрать хлеб, запахать пары, когда из двух рабочих лошадей одна отдается по предписанию РГЗИ 8 июля с.г. объездчику РГЗИ прямо от косилки? Без скота, инвентаря, значит и без хозяйства,

откуда взять арендную плату за помещения? Как поддерживать здания монастыря, ремонтируя и оберегая их, когда за хорошо сохранные здания предлагается больше арендной платы тем же, кто их сохранил? Например: новые монастырские постройки за оградой, разрушенные беженцами, оценены очень дешево, здания же в ограде, существующие уже по 35 и 40 лет и сохранившиеся только благодаря тщательному досмотру живущих в них сестер, издержавших с 1920 г. по настоящее время на один крупный ремонт около 2-х тысяч рублей, оценены значительно дороже. За свой ремонт и труд сбережения теперь сестры должны больше платить аренды. Вот насущные и больные вопросы монастыря в настоящее время.

На основании сведений из Губзема, что дважды национализировать нельзя, Рзем'отдел принял от сестер заявление о снятии с учета имущества монастыря для разрешения в Земкомиссии. Это разрешение обитель ожидает с марта месяца. Тем не менее, не получая ответа от Р.З.К., который, сестры надеются, вправе ожидать, раз заявление, оплаченное сбором, принято, община выполняет только ряд предписаний РГЗИ о выдаче монастырского скота и инвентаря тому или другому лицу. Не однажды при таком постепенном разрушении хозяйства общины сестры просили берущих: "Возьмите от нас все до тельной рубашки, если так нужно по декретам Республики, но скажите откровенно, дайте нам хотя какое-нибудь законное право на существование". При национализации в 20 и 21 гг. монастырь потерял все последнее, но, переходя на точку зрения правящих органов, сестры видят законность той национализации и терпеливо ее переносят не только во вне, но и в своем сознании. Но почему же национализируется то, что приобретено в условиях республиканской жизни страны? Неужели декреты Республики горячо борются против эксплуатации одного человека другим, а жизнь республики так беспощадно эксплуатирует труд даже уже нетрудоспособных женщин? Например — старухи-монахини за труд своих старческих рук — вязанье кофты и 3-х пар чулок — получили маленького поросенка-свинку, которую вскормили и вырастили сестры монастыря личным своим трудом. Выросла свинья и взята на учет Госимуществом вместе с тремя кабанами — выращенным приплодом ее. И это уже государственное имущество монастырь бесплатно кормит, смотрит, холит и отвечает за его сохранность. И кто же этот так страдающий монастырь? Да обыкновенные

девушки, женщины, даже малограмотные, простые казачки и мужички, но... имеющие веру в Бога.

Просим правящие органы не гневаться на такое прямое и простосердечное заявление наше о своем безвыходном положении и прямо, ясно ответить: как нам жить по законам Республики?

Послушница Евдокия Залотинина
5 авг. 1924 г.

Георгиевский ж. мон.
Терской губернии
Георгиевского района.

КАК РАЗРУШАЛИ ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПИСЕМ СЕЛЬСКОГО СВЯЩЕННИКА *

Из письма ноября 1929 г.

Когда чаша переживаний переполнена настолько, то право нет сил больше таить их в себе. А кому же я повею печаль мою, как не вам? А печаль моя и вообще всего духовенства велика. Недаром я искал подкрепления гаснувшей энергии, сочувствия в нашем общем горе и беде, словом искал отдыха для души в своей недавней поездке к ..., о чем извещал вас в открытке. И право, в этих свиданиях с близкими себе, особенно с такими, где существует так наз. единство душ, находились отчасти мир и покой. Знаете ли, милые, что значит *единство душ*? Конечно знаете, хотя, вероятно, не испытали этого чувства во всей его силе и красе. О нем имеют ясное представление только люди, испытывающие одинаковые удары судьбы, например, верующие первых веков христианства. Его испытывают даже каторжные в своих казармах (см. "Записки из Мертвого Дома") и вообще все угнетенные, оскорбленные и униженные. Вот с этим чувством знакомы теперь и мы, носители, проводники и защитники великих идей Христовых среди современного и, смешно даже сказать, крещеного язычества, силившегося извратить эти идеи, низринуть Церковь с ее высокого пьедестала и вытравить с корнем веру из сердец последователей великого нашего Учителя.

В чем же состоят наши беды?

Тяжкое битье нас по карману. Духовенству становится уже невогноту платить всякие непосильные и прогрессивно растущие налоги. Я, например, платил ежегодно по разным обложениям известную сумму денег, правда в восходящем ежегодно порядке, но сравнительно в небольшом размере. В этом же году я с большими трудностями (в долги ведь залез до чрезвычайности) уплатил налоги в 7 раз большие по сравнению с прошедшим годом (одно "самообложение" в прошлом году было 22 р. 50 к., а в этом — 153 р. 90 к.). Мой доход, "прибуток" в среднем равняется 550-580 р. Для меня,

*) Публикуется впервые. Из архива архиепископа Сергия Королева, 1922-1945 — епископ Пражский.

бессемейного, достаточно и этого, т. к. я довольствуюсь и всегда довольствовался только добровольной платой за гробы. По ведомости податного фининспектора годичный мой прибуток был исчислен более или менее верно — в 600р. Через 2 года — 800р.; еще через два — 1000р.; далее — 1200. После же жалобы нашей (моей и других) на несправедливое обложение, нам не только не сбавили, а наоборот наложили еще больший — 1500р. А отсюда уже, разумеется, словно из греховной сокровищницы, растут и мытарства по разным обложениям, наш мнимый подоходный "прибуток" с каждым годом наслаивается до невероятных размеров, несмотря на ежегодно подаваемые декларации о нашей истинной доходности. Но, увы, этим пресловутым декларациям не верят, хотя их все-таки от нас требуют формы ради или ради солидного штрафа (от 100 до 200 р.) в случае несвоевременной подачи их, даже с пропуском в один день.

Само собой разумеется, жизнь наша становится невозможной... Мы станем, а некоторые уже стали в положение истых пролетариев, с той только разницей, что "мирской пролетариат" пользуется правами государства, а "духовному" не дают и понюхать. У нас лицу духовного звания, купившему по предложению правительства не одну, а даже несколько облигаций займа индустриализации, объявлен бойкот во всех кооперативах. Из продуктов мы никаких товаров лично достать не можем. Нужно подсылать для этой цели кого-нибудь. Я, право, затрудняюсь даже, чем объяснить это странное явление. Раз бойкотируют тебя на всех фронтах (презрением, неподачей руки, ненавистью, отворачиванием от тебя, провожают тебя насмешливыми взглядами, шуточками, а иногда бранными словами и даже плевками), то зачем еще отказывать в жизненных продуктах. Например, женщина, в хате которой я живу (хата куплена за мои деньги на ее имя, ибо на свое имя я ничего не имею право покупать) и которая владеет 1/2 десят. земли, уродившей всего 4 копы пшеницы, "предложено" дать хлебозаготовки 50 пудов. Когда она по бабьему своему обыкновению расплакалась в канцелярии "сельрады", справляясь там о причинах такого несправедливого обложения, то ей публично заявили: "выжены попа з хаты, то и зерна з тебе не возьмем". Словом, нужно научиться переносить все эти оскорбления и лишения героически безропотно, а главное все-таки плати и плати без конца и краю. А из какого источника? Прихожане в основном сделались байдужными (равнодушными) к нуждам духовенства и Церкви — у самих ведь карманы пустуют. Надоедать же им про уплату необходимых вещей, требуемых от нас свыше, не хватает

духу и совести. Вот и жизнь! В силу материальной невозможности платить у многих священников продано с публичного торга их личное жалкое имущество. Многие, за то же самое, сидят на собственных харчах в "допре", т. е. в доме обществ. принудительн. работ.

Итак, беды наши заклеывают нас помаленьку.

Другие наши беды — беды так сказать чисто внутренние, т. е. не материального характера. Они для меня кажутся еще более ужасными, чем первые. Разумею совершенно плачевное состояние православной Церкви. Она ведь уже влачит жалкое существование. Не знаю, по привычке ли к давно минувшим часам, когда состояние нашей Церкви казалось каким-то светлым золотым состоянием по сравнению с его теперешним, по некоторой ли склонности моей к пессимизму, по некоторым ли имеющимся налицо данным, построенным отчасти на слове Божиим (Лука 18, 8), я прихожу к страшному, может быть, заключению: *мне кажется, что нашу украинскую русскую ждет печальная судьба семи апокалиптических церквей.* Где они? Кроме филадельфийской их уже нет. Я может быть ошибаюсь, но все наличные данные (уменьшение веры среди верующих, ненависть и вражда разных партий и течений, полная распущенность молодежи, незаконные сожительства, множество некрещенных детей, участвовавшие случаи закрытия храмов и превращения их в театры, обворовывание уцелевших храмов, богохульство, кощунство и т. д.) убеждает меня в справедливости вышесказанного. Если б еще не избранные, то казалось бы, что Церковь у нас больше не существует. Способные священники наши от Богом данной им службы уходят во "страну далече", "оставив овцы своя", т. е. уходят за штат, а некоторые, правда немногие, совсем отказываются от священства, в чаянии получения какой-нибудь советской службы. Если последнее им удастся, то не иначе как под условием выполнения самых позорных действий: отречения от своих религиозных предрассудков и публичного заявления своим бывшим прихожанам про то, что он их обманывал. Это уже такой соблазн для неустойчивых последователей Христовых, такое искарיותство по отношению к самому Господу, каких, право, не было никогда, даже в лютые для Церкви времена Нерона и Диоклетиана.

Институт псаломщиков тоже сократился до минимума... Даже кандидатов нет на вакантные места. У меня, например, после С.М. и К.П., обложенных чрезвычайными податками (как землеробы и в то же время псаломщики) невозможно найти псаломщика. Обращался было в церковное управление о назначении мне псаломщика

хоть какого-нибудь, но и там кандидатов не имеется. Пробовал было опять подготовить своего — некоего К.Л., но ему тотчас же пригрозили налогом, так что я теперь сам в церкви читаю и пою и возгласы делаю. На Литургии хотя и поет хор, но без регента. Вот как у нас обстоят дела с многострадальной Церковью! А под впечатлением того, что проектируется нам в будущем, — право, не хочется и жить...

/ ... / Про В.Л. ничего нового не узнал (он сидит в "допре"), на его месте другой священник... Дядя Е. хандрит вроде меня. У нас еще морозов не было. Завтра праздник Введения, начинается пение Рождеств. Ирмосов, а на дворе теплынь такая, что я почти не отапливал хоры от начала осени.

(Приписка) — Утешьте меня или дайте хороший совет.

Из письма от 26 янв. 1930г.

... теперь о минувших праздниках. Если вас интересует вопрос, как я их провел, как чувствовал себя, что делал и проч., о чем несомненно вы спросите в будущем письме, то я ограничусь неясным ответом: "Христос наша радость" ... после некоторого размышления он, т. е. ответ мой, станет вполне ясным. Дело в том, что в силу некоторых имевшихся налицо данных я предполагал и даже был уверен, что святые дни Рождества я проведу преглупо: в тоске и мерзейшем настроении духа... Ан сверх всякого ожидания вышло наоборот: я и раньше (в течение 40 лет своего священства) не ощущал в дни Рождества Спаса нашего столь святых чувств и столь светлых переживаний души, как именно в Рождество 1929г. Всякие мирские увеселения (театр, музыка и кино, поставляемые с нарочито известною целью), благодаря отсутствию на них нашей "малокультурной публики" — не состоялись. Церковь не вмещала и половины молящихся. Видно Младенец Иисус дает сердцам этих "малокультурных" людей что-то более важное и более возвышенное, чем дают всякие, не в урочный час предлагаемые, развлечения. Пришлось бы мне по этому поводу описать много, но опять ограничусь только тем, что выскажу свое личное убеждение: *нет никакой силы — ни физической, ни нравственной, не удастся убить в нашем народе нашей святой христианской религии*, а тем более вытравить из сердца человека идею о Божестве, ибо она врождена человеку, даже тому, кто мечтает вытравить ее в себе подобных. Жаль только, что все эти

мечтатели не хотят сознать этой драгоценной истины, не сознавая при этом и цели жизни человека на нашей планете, кроме цели одной (1 Кор. 15, 32). Им кажется, что с отнятием молитвенных домов и уничтожением священников канет в вечность и дело Христово... искра кино должна потушить искру Божию в сердцах людей. Впрочем, довольно об этом.

За последнее время я узнал много неприятных новостей. Женя ... арестован, таким обр. оба моих племянника сидят в "допре", на собств. иждивении. Церковь в ... пока еще не закрыта. Почтеннейший ... (ему теперь, помнится, должно быть лет 85) из-за больших податков отказался от должности. То же самое в ... и др. Новых священников, имеющих поползновение к занятию вакантных мест, местные "сельрады" сразу облагают таким колоссальным "самообложением", какого ни община, ни священник внести не в состоянии, а вследствие этого вакантных мест очень много. Вероятно и мне придется отказаться от ... (приписной приход), т. к. она не дает мне даже 1/10 налога, какой требуется от меня, а она ведь считается у них за *целую парашю*. Зима у нас довольно мягкая, ни снегу, ни сильных морозов. Видны на урожай по-видимому хороши, но они не радуют нашего дядька... "А." по обыкновению бедствуют и сидят словно улитки в своей скорлупе. Я приглашал было их к себе на сочельник, но они хорошо сделали, что не пришли, т. к. у них не было по их словам — одежды, а у меня на вечернем столе не было ни рыбы, ни кутьи (рыбы вообще у нас нет и не было с прошлой весны, сахар же отпускают по 1/2 ф. на душу в месяц). Где уж тут наслаждаться кутьей! Со святой водой по домам мне было запрещено ходить. Так и не ходил. Даже коляды воспрещены... и это к лучшему... меньше пьянства и буянства.

Из письма, только что полученного (февраль 1930г.)

Дорогие мои! Садимся на мель. Сообщение с епархией прекращено. Синод молчит. Духовенство теряется и массами снимается с учета. Такие столпы православия и корифеи богословской науки, как ... Е. и Л. ... уже недели 2 как снялись с учета, 1-й ... к дочери, а 2-й временно проживает в ... и не знает, куда направит свои стопы. Позавчера, в четверг 13 февр., был у брата (священник 74 лет). Его бедного при его старческой немочи тоже выселили из квартиры и вдобавок реквизировали много домашн. вещей. На

днях приезжает Женя и везет дядю в ... Не стану описывать его жалкого вида и морального состояния. Впрочем, причину такого морального состояния я объясняю тем, чем объясняю и свое, т. к. через какую-нибудь минуту и я очутился в таком же состоянии. Дело в том, что дядя на вопрос "отчего у тебя такой убийственный вид?" молча подает газету " ... край" и уныло заявляет: "если ты не слишком восприимчив для страха, читай вот это". Читаю распоряжение такого рода.

(Следует украинский текст распоряжения "Радгоспцентра Радгосптрестам о взятии на учет, письменном предупреждении и выселении с территории к ... без пособия на перевоз вещей и пропитание — бывших помещиков, кулаков и всех слуг религиозных культов ... и т. д.)

Разумеется, когда прочел это предписание, нахлынули на душу разные тревожные думы: где, как, куда? И главное за что и с какой целью все это производится над уже обиженными судьбою, как морально, так и материально?

Значит, к Страстному Понедельнику (как будто нарочно!) во всей России и Украине не должно быть в селах ни священников, ни псаломщиков, ни даже епископов... Нас к Пасхе словно метлой какой сметут куда-то, как сор ненужный... Воображаю, как будет чувствовать себя православный народ в Св. Пасху, если даже сегодня (Сретенье) многие в церкви навзрыд плакали, предчувствуя наше выселение.

Дайте совет, что делать и как поступить, не хочется поступать как ... (что уехал к дочери), но не хочется прозябать где-то в далекой Карелии. Духовенство приуныло духом!

Целую, обнимаю, упиваюсь вами, ибо чувствую, что ... 2 Тим. 4, 6.* Многие просят меня, чтобы вас просить о вызове меня к вам. Но я против этого! Что Бог даст, то и будет.

*) "Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало" ...

Наталья КИТЕР

ИСПОВЕДНИКИ И МУЧЕНИКИ 30-х ГОДОВ *

/ ... / Волею Божьей я была в России поставлена в условия, при которых жизнь русской православной Церкви стала моей жизнью, и других интересов для меня не существовало. Поэтому то, что написать я считаю своим нравственным долгом, пишу с полным сознанием ответственности перед историей всей русской Церкви, пишу, как живой свидетель жесточайших гонений последних лет.

Сколько примеров высокой жертвенности, полного забвения своего "я" видела я ежедневно! Никого это тогда не удивляло: это было только естественно. Перед моими глазами прошел целый ряд подвижников, бесстрашных исповедников и мучеников, — епископов, священников и скромных мирян — старцев, юношей, девушек и даже детей. С большинством из них я была знакома лично, со многими связана тесными узами духовного окормления или братской любви...

В течение свыше 10 лет, до самого прихода немцев, я была секретарем двадцатки последовательно нескольких храмов и в то же время активным членом одного из многочисленных тайных братств Патриаршей Церкви в Петербурге. В 19.. году в нашем братстве произошел раскол. Часть его, проживавшая в Москве, не согласная с политикой митрополита Сергия, отделилась от Патриаршей Церкви, примкнула к так наз. "кирилловцам", (именующим себя также "Восходящей Церковью"). Объясняется это, может быть, главным образом тем, что московские члены нашего братства, активнейшие из них, были духовными чадами митрополита Кирилла еще в бытность его епископом Тамбовским и с тех пор оставались под его постоянным духовным водительством.

Петербургская же часть братства, к которому принадлежала и я, не сочла для себя возможным уйти в раскол.

*) Из рукописи, хранящейся в Гуверовском институте. Публикация Д. Поспеловского.

Митрополит Сергей (Воскресенский), экзарх Эстонии и Латвии, член Московского Синода и первый секретарь его с первого дня его существования, пишет: "Посильно замедлить, затормозить предпринятое большевиками разрушение Церкви всегда было главной задачей Патриархии. Она стремилась оградить догматическую чистоту и каноническую верность Православия, одолеть схизмы, сохранить каноническое законное преемство высшей церковной власти, удержать канонически законное положение российской Церкви среди прочих автокефальных церквей и довести таким образом Церковь до лучшего будущего, когда, после крушения большевизма, Церковь могла бы снова воспрянуть".

Критиковать действия митрополита Сергея (Московского) мы боялись. Не был ли он в течение первого года своего служения непоколебимо твердым, бесстрашным и мудрым стражем патриаршего престола, к которому с надеждой обращались все взоры? И если он затем пошел по иному пути, чем ожидали от него его пасомые, значит ли это, что сразу же надо было потерять к нему всякое доверие? Не он ли нес ответственность за духовную жизнь народа русского перед Богом и своею совестью?

Настроение м. Сергея было нам хорошо знакомо из писем его к настоятелю нашего собора, о. Николаю Смирнову,* его старому товарищу по Духовной Академии. О. Николай не раз давал мне читать эти письма, и из них нетрудно было убедиться, что м. Сергей по собственной инициативе писать инкриминируемые ему декларации и декреты не был способен. Но тяжелой скорбью смертельно измученного человека и какой-то горькой иронией над самим собой дышала каждая строка его. Одно мы знали твердо: ни тщеславие, ни властолюбие, ни корысть им не руководили. Из многих слов и действий его было очевидно, что мучения его бы не устрашили и сама смерть явилась бы освобождением. Его настроение можно лучше всего формулировать словами св. патриарха Тихона, сказанными им по поводу некоторых компромиссов, на которые он вынужден был пойти: "Пусть погибнет мое имя в истории, только бы Церкви была польза". И еще: "Имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше. Но оставаться во плоти нужнее для вас".

*) Скончался в Гатчине от голода, во время немецкой оккупации, в 1942г.

Какое-то внутреннее и очень сильное чувство* громко и настойчиво твердило: не берет ли он на себя мученичества несравненно более тяжкого, чем короткие страдания и светлая смерть за свои убеждения — мученичества многолетнего недоверия и даже осуждения значительной части его паствы, ради сохранения Церкви и истинного православия в народных массах?

И, как бы в подтверждение этим мыслям, выходил из прошедших веков трагический и высокий образ св. Александра Невского... Не шел ли он на тяжкие унижения и компромиссы с татарским ханом для блага родной земли, — унижения, сломившие его железное здоровье во цвете лет. И, однако, историей он не только не был осужден, но и причислен к лику святых...

Заглянем в этот вопрос поглубже.

М. Сергея обвиняют в том, что он, якобы, "испугался за Церковь", усомнился в могуществе Христа Спасителя, обещавшего, что "силы ада не одолеют Церкви Его", и поэтому решил "человеческой неправдой спасти дело Божие".

Если в наши дни, когда в России сохранились еще храмы и светочи истинного православия, появилось такое множество различных ересей, сект, толков и группировок, то чего можно было бы ожидать, если бы м. Сергей, предав сатанинскую власть анафеме, принял мученическую смерть и вслед за тем были закрыты последние храмы? Церковь Христова в целом, конечно, не погибла бы, но кто бы взял на себя ответственность за все погибшие души, соблазненные и изломанные, за души потерявшего последнюю узду подрастающего поколения, наконец, за души умерших без св. Крещения?

26-летний демонический поход воинствующего безбожия не мог не пожать своих плодов. Правда, убить Бога в душе народной ему не удалось. Не говорю о подъеме веры среди равнодушных ранее, о бесчисленных исповедниках и мучениках последних лет. Русский народ резко разделился, — и это сделалось как-то само собой, — на два совершенно чуждых друг другу слоя: на нижний, потаенный, — собственно русский народ, в котором в години испытания ожило и ярким пламенем разгорелось исконное, чистое православие, и — на слой верхний — народ советский, "людей мира

*) Которое нас не обмануло. Многие близко знавшие м. Сергея подтвердили мне впоследствии правильность нашего о нем мнения.

сего”, отравленных идеями материализма. К верхнему слою принадлежит так называемая “советская интеллигенция”. Живя интересами исключительно животно-растительными и управляемые страхом, они отчаянно подчеркивают свою лояльность и поэтому искренно не подозревают и возможности существования слоя нижнего — Руси сокровенной.

Не надо забывать, что поколения широких народных масс, воспитанных в православии, постепенно вымирают, часто, из боязни репрессий, не смея своим детям передать заветов русской старины. Дети их растут, как язычники, и лишь в тех, что сохранили еще остатки внутренней самостоятельности, Бог живет в виде очень смутного понятия о чем-то хорошем, связанном с ранним детством, с каким-то ушедшим невозвратно сном — “старой Россией”. И вот они, не зная сущности православия, каким-то внутренним инстинктом угадывая в нем “единое на потребу”, цепляются за протянутую всем руку Церкви. Можно ли было вырвать у них эту последнюю опору? Можно ли было от них, нуждающихся еще в “детской пище”, ожидать “поклонения в духе и истине”, оставив их совсем без храмов? Можно ли бросить камнем в тех пастырей,*

---

*) Как пример, приведу моего духовного отца, о. Александра А-ва, протоиерея NN Собора, широко известного своей подвижнической жизнью и неутомимой духовно-просветительной деятельностью. Несмотря на строжайшее запрещение преподавать детям Закон Божий (что расценивалось властями как “совращение подрастающей смены”) и церковной проповеди, приравненной к контрреволюционной пропаганде, он продолжал на дому групповые занятия с детьми, устраивал беседы и чтения со взрослыми и проповедовал открыто в храме, собирая огромные толпы народа. Он строго придерживался апостольского завета: “Горе мне, аще не благовестую”. Рядом он, несмотря на запрещение ее носить, отказался снять даже в тюрьме, так что вызвал даже удивление энкаведиста, сказавшего с возмущением: “Он сознательно идет на мученичество”. — Всякий компромисс с совестью, даже так наз. “ложь во спасение” им порицалась и в своих чадах строго запрещалась. В беседах своих он высказывался отрицательно о политике м. Сергия, в том смысле, что он должен был бы искать иных путей, но и отпадение от Патриаршей Церкви считал недопустимым расколом, раздражающим хитон Церкви.

Вскоре он, по требованию властей, был административно выслан митрополитом Петроградским Алексием (нынешним патриархом). Когда я через два года смогла навестить его в ссылке, он, несмотря на то, что лично пострадал через м. Алексия, все же остался верным своим прежним взглядам и даже сумел убеждениями своими целую отколовшуюся от Патриаршей Церкви значительную по количеству членов группировку вернуть в ее лоно.

которые, несмотря на дьявольскую клевету одних и недоверие других, мужественно остаются на своем посту в открытых еще храмах, делая незаметное великое святое дело любви и утешения беспомощного, несчастного, ослепленного и насмерть загнанного стада своего, напутствуя умирающих, просвещая святым крещением младенцев...

Был ли м. Сергий прав, если руководствовался подобными соображениями, — вопрос другой. Не нам было первоиерарха судить, да еще на таком воистину страшном посту.

Ереси в словах его не было. А это, по словам свв. отцов, единственно только и может служить причиной отхода от духовного отца, а никак не те или иные поступки его, с которыми мы не согласны. Тем более, полагаю, относится это к главе нашей Церкви. Не могли мы поэтому из-за несогласия с его действиями уйти в раскол. На нас бы сугубый грех был. Мы ведь принадлежали не митрополиту Сергию, а Церкви, и Один у Нее Глава — Христос. Митрополит же Сергий — только служитель старший, и если бы даже был не тем, чем бы должен был быть, — сам за это и ответит.

Далее, митрополита Сергия обвиняют еще в том, что он, будто бы, не только шел на компромисс, но и требовал того же от всех подвластных ему церквей.

Это — неправда. Как бы ни были составлены воззвания, — о том, чтобы оказывать какое-то давление на поместные церкви, в смысле требования от них действовать в том же духе лояльности, — на деле не было и помина.

Экзарх Латвии и Эстонии, м. Сергий, по этому поводу пишет: “Советская власть и Патриархия противостояли друг другу, как две враждебные силы, вынужденные, каждая по своим причинам, идти на обоюдный компромисс. Согласившись на компромисс, на какие-либо уступки Церкви, большевики затем обманывали Патриархию, делая эти уступки иллюзорными. Самая легализация Патриархии не оправдала на практике тех ожиданий, которые первоначально на нее возлагались. Легализована была не православная Церковь, как целое, а именно Патриархия лишь. В результате получилось крайне парадоксальное положение: Патриархия оказалась легальным органом нелегальной организации. Она получила возможность говорить от имени непризнанной Церкви и легально давать распоряжения, ни для кого юридически не обязательные”.

Как бы м. Сергий ни считал себя вынужденным поступать, на поместных церквах это не отражалось ни в какой степени. Так, например, пресловутый указ м. Сергия о поминовении властей фактически не был проведен в жизнь, по крайней мере, в храмах Ленинградской области. В подтверждение этому привожу слова прот. М. Польского из его книги "Каноническое положение Высшей Церковной власти в СССР и за границей" (стр. 99): "Епископ Николай (Ярушевич) Петергофский (теперь м. Крутицкий) управлял Петроградской епархией в то время, когда м. Иосиф был заключен, а м. Сергий издал свою декларацию 1927 г., и всецело встал на сторону последнего. Чтобы увлечь народ за собой, он скрыл от народа указ м. Сергия о поминовении властей. Зная лично еп. Николая, полагаю, что мотивы у него при этом были иные".

В той же книге, на стр. 17, прот. М. Польский говорит: "Без центрального водительства Церковь жила на местах под управлением своих епископов, с которыми народ и клир искали общения всеми способами. Не в целостности внешней организации сила Церкви, а в единении веры и любви ее членов".*

И это единение и эта любовь за годы гонений спаяли епископов с их паствами в одну тесную семью. Епископы, принужденные обстоятельствами времени жить на частных квартирах, в среде своих чад, были доступны для них во всякое время дня и даже ночи. Трапезовали, обычно, в кругу нескольких чад, которые в это время имели радость беседовать с архипастырем своим "от сердца к сердцу". В этом случае, как и во многих других, большевики, яростно преследуя святую веру, сами того не сознавая, явились слепым орудием Божиим, способствуя развитию и углублению духовной жизни в народе.

Если м. Сергий, соглашаясь от своего имени издать явно властями составленную декларацию 1927 г., надеялся купить какое-то облегчение для Церкви и духовенства, то надежды эти не только не сбылись, но гонения после 1927 года еще усилились, достигнув к 1937-38 гг. воистину ураганной силы. Это доказывает, что главной

*) Там же, на стр. 39, говорится: "Епископы на местах, даже принявшие позицию м. Сергия, не получили и малейшей гарантии личного существования и потеряли всякую (фактическую) связь с центром. Децентрализация, предложенная Высшим Церковным Управлением в 1920 г., прошла в жизнь фактически."

целью декларации было лишь дискредитировать маститого первоиерарха, посеять к нему недоверие в народных массах, раздробить единство Церкви, и что сами власти, зная, что декларация вымучена насильем, не придавали ей особого значения и не ожидали, что она будет принята к исполнению. Так и случилось. Ни один из наших священников даже не имел ее текста, и я, при всем желании, не могла достать ее даже на прочтение.

Правда, соблазн был посеян, во многих было подорвано доверие к м. Сергию, многие откололись, но запятнать белизны хитона Мученицы-Церкви врагу не удалось. Она осталась непоколебимо стоять во всей святости Правды, отличаясь непорочной чистотой и строгостью, при мудрой терпимости, как и древле. Больше того, — омытая мученической кровью, [очевидно, пропуск в рукописи] оставшиеся же верными, уже не связанные никакими земными узами, горели ревностью первых веков христианства.

Священники служили истово и бескорыстно,* исчезла совсем практика урезывать службу, где было возможно и невозможно.** Наоборот, всюду заметно было стремление вернуться к древней уставной службе, что хотя и очень затягивало богослужение, но лишь больше воодушевляло священников и привлекало множество молящихся. В Царскосельском соборе и у Знаменья богослужение в последние годы мало чем отличалось от монастырского, пели на два лика, с канонархом. Были храмы, в которых ничего из положенного по уставу не выпускалось. Вычитывались все кафизмы, пелись с канонархом все стихиры, читался даже Синаксарий, причем всенощная продолжалась иногда от 5.30 до 10.30 ч. вечера. Усталости не замечалось. Священники наши научили нас понимать и любить несравненную глубину и красоту православного богослужения, богатство и образность славянского языка. Чтецы и певцы

*) Давно отошел в область предания обычай взывать за требы. Если кто-нибудь, по незнанию, хотел священнику за потребу заплатить лично, все неизменно отсылали его к кружке, куда желающие опускали посильные жертвы так, что никто не знал суммы.

**) Нас, привыкших к такому богослужению в России, тяжело поразила во многих храмах зарубежья практика безжалостного сокращения и разных отступлений в богослужении от устава, а также полное незнание и равнодушие к православному богослужению и уставному пению даже среди певчих и многих регентов.

были, в большинстве своем, безмездными любителями,* и священники лично обучали их неторопливому, внятному, уставному чтению.**

Но — по плану советской власти "официальная Церковь" в России была заранее приговорена к смерти, и храмы закрывались один за другим. В Петербурге оставались до последних лет лишь знаменитый храм Николы Морского, св. кн. Владимира на Петроградской стороне и маленькая кладбищенская церковь на Малой Охте. В Царском Селе — лишь маленький, бывший лицейский, храм с древней Новгородской чудотворной иконой Знамения Божией Матери. Богослужения в этих храмах совершались несколькими (великодушно*** оставленными "помирать") старцами-священниками (свыше 70 лет) — ежедневно утром и вечером. В воскресные и праздничные дни эти храмы были так переполнены, что не могли вместить всех притекавших, так как во всей области не осталось, кажется, ни одного открытого храма. В эти дни причащались почти все поголовно.

В Пасхальную ночь 1941 г. тысячные толпы народа стояли плечо к плечу вокруг храмов, с горящими свечами в руках, и единодушно пели пасхальные песнопения, не обращая внимания на беснование конной милиции, тщетно пытающейся их разогнать, так как все уличное движение вокруг храмов было нарушено...

Не служат ли эти примеры лучшим доказательством доверия и любви народной к Патриаршей Церкви?

Закрывались храмы, но вера оживала, лишь уходила в подполье. Появились священники, объезжающие со Святыми Дарами лишенные храмов области, совершающие тайные богослужения, окормляющие смятенное, оставшееся без пастырей стадо. Росли подпольные братства, целью которых было посильное исполнение основных заповедей — любовь к Богу и любовь к ближнему;

*) В Советской России я знала одного регента, бухгалтера по профессии, который не только совершенно безвозмездно регентировал и обучал хор, но за собственный счет, из своего скудного заработка, оплачивал хор одного бедного загородного храма.

***) "Читай так, чтобы самая древняя старушка в самом дальнем углу все слышала и поняла", — слова о. Михаила Дубенского, настоятеля разрушенного впоследствии подворья во имя св. кн. Анны Кашинской.

****) "Великодушные" это вызывалось только желанием доказать "за границе", что и храмы открыты, и священники еще существуют...

наряду с работой над собой в оптинском духе внутреннего иноческого делания, кипела самоотверженная деятельность, направленная к поддержке и помощи всем нуждающимся в помощи, в первую очередь, преследуемым от безбожного правительства, — беготня по тюрьмам, больницам, учреждениям НКВД (под видом родственников), поездки в места ссылки...

Жизнь Церкви уходила в подполье... Не сама Церковь, но жизнь, деятельность ее.

Среди тайных пастырей некоторые добровольно обрекали себя на подвиг окормления лишенных храмов областей, иные же были из числа яростно преследуемых правительством, скитавшихся с "волчьим билетом" за то, что они, несмотря на строжайшее, под угрозой расстрела, запрещение проповедей и преподавания Закона Божия, — этим запретам не подчинялись, как большинство других. Все они рано или поздно выслеживались и один за другим запечатлели свой подвиг мученической смертью.

К этим тайным священнослужителям-апостолам принадлежал и о. Димитрий Ф. (схиэпископ Петр), и, если бы не преследовался властями, он не ушел бы в подполье. Он был лично знаком и, проездом через Москву, бывал у митрополита Сергия, знавшего о его деятельности и в свою очередь благословившего его на ее продолжение. Знаком был о. Димитрий и с митрополитом Кириллом и имел с ним продолжительные беседы. За совершаемыми о. Димитрием тайными богослужениями, за которыми он так пламенно, слезно молился об избавлении родины от безбожной власти, об укреплении и спасении за веру страждущих, об упокоении умученных, и в первую очередь Царской семьи, он неизменно, вслед за именем томящегося в изгнании митрополита Петра Крутицкого, поминал и митрополита Сергия.

Деятельность тайных священнослужителей протекала параллельно самоотверженной деятельности пастырей, служивших в оставшихся еще последних храмах, и разницы в настроенности тех и других не было никакой.

В открытых храмах на всех богослужениях, до самого дня, когда пришло известие о кончине, поминался местоблюститель патриаршего престола митрополит Петр Крутицкий, и лишь вслед за его именем — заместитель местоблюстителя патриаршего престола митрополит Сергий.

В открытых храмах, на всех богослужениях — будничных и праздничных, диаконом всенародно и священником громко же,

в алтаре, во услышание всем, читались длинные синодики — умученных и убиенных,* а также таким же образом читались бесконечные списки (что нередко занимало больше часа времени) о здравии заключенных (имя рек), каждый раз повторяя слово "заключенный". В дни памяти святейшего патриарха Тихона, или умученного митрополита Вениамина и потом митр. Петра Крутицкого и Серафима (Чичагова), служились торжественные парастасы и заупокойные о них литургии. Помню, как радостно поражена я была, когда впервые, во время заупокойной ектении у Знаменья, я услышала из уст старца-настоятеля, о. Федора Забелина (в 1943 г. принявшего мученическую смерть), имена русских императоров, до убиенного Государя Николая II включительно, — что он повторял потом нередко.

Конечно, нельзя было всенародно молиться об избавлении от "власти зверонравной". Да и настал ли уже час для этого? Она послана была нам попушением Божиим, и избавлены от нее мы могли бы быть одним всенародным покаянием и обращением на пути Правды. Тогда бы уж скорее подобало всенародное моление о смягчении русских сердец к покаянию.

Всем этим священнослужителям подвергали себя смертельной опасности, но Господь хранил их до времени. На опыте все давно убедились, что страх и лукавство не спасают от гибели, и, наоборот, бесстрашные исповедники словно крылами ангельскими прикрывались от неминуемой беды, очевидно, пока не исполнится мера их.

Обновленцы яростно нападали на нашу Церковь, изо всех сил стараясь скомпрометировать ее в глазах властей,** в проповедях с амвона и во всенародных лекциях, "с документами в руках разоблачая контрреволюционную ее деятельность".***

Не менее яростно нападали на нас, всеми доступными им средствами пытаясь очернить, и иосифляне, называемые так по имени м. Иосифа, — противоположная обновленцам крайность, очень напоминавшая прежних раскольников старообрядцев: также славилась

*) Вспомним случай расстрела священника, отслужившего панихиду по Тухачевскому. Все убиенные и заключенные считались "врагами народа" и всякое общение с ними и молитва о них считались сообщничеством.

**) Обновленческий митрополит Александр Введенский.

***) Обновленческий митр. Николай Платонов, заметки о деятельности которого появлялись в советских "Известиях".

они "древним благочестием", были также фанатично нетерпимы и в явной прелести, так как безапелляционно утверждали, что "благодать" лишь у них. К сожалению, к ним примкнуло значительное число монашествующих.*

Иосифляне в то время еще имели в Петрограде несколько храмов и моленных, в которых произносили зажигательные проповеди на политические темы.** За это они один за другим арестовывались, но продолжали в том же духе. И все же, несмотря на свои враждебные выпады, движение это оставалось официально разрешенным властями. В своей диавольской тактике большевики использовали этих непримиримейших своих врагов все с тою же целью — сеять всеобщий раздор, выявлять "враждебные им элементы" и дискредитировать Патриаршую Церковь, в которой инстинктивно чувствуют подлинную молитвенную силу.

Среди водоворота мелких страстей, расколов*** и всяческих "шатаний" Патриаршая Церковь, как я уже говорила, осталась стоять незыблемо во всей святости Правды. И лучшим доказательством этому являются дружные неистовые нападки на нее самых противоположных и враждебных друг другу лагерей и самых непримиримых толков, а также диавольски-искусная, направленная против нее политика властей. Что никакого "сотрудничества с безбожной властью" (ходкая фраза в зарубежье) Патриаршей Церкви никогда не было, нам на месте было виднее всего и не оставляло и тени сомнений.

Что касается обвинения в том, что Патриаршая Церковь "второе издание обновленчества", то оно просто смешно. Хочу напомнить

*) Иосифляне, в большинстве своем, не решаются даже есть за одним столом с "сергиевцами", как они называют членов Патриаршей Церкви, чтобы не "оскверниться", т. е. всех они считают шпионами и агентами НКВД. Это они усиленно распространяют и бежав из России, уже здесь, "за рубежом". В Берлине я встретила одного из бывших иосифлян, проф. астрономии Гурьева. Он авторитетно заявил жадно слушающим его представителям старой эмиграции, что в России давно уже нет ни одной православной церкви и не осталось ни одного неподкупленного священника. Как тяжелы могут быть последствия распространения этой страшной хулы на мучеников православия, понятно каждому.

**) Я однажды слышала такую проповедь одного из иосифлянских вождей в храме "Воскресения на крови" в Петрограде.

***) Обновленцы, иосифляне разных толков, кирилловцы, макаръевцы и др. более мелкие.

только пламенные, направленные против обновленчества, проповеди мученика-исповедника, еп. Мануила Лемешевского, приведшие большинство из них к искреннему покаянию, а также проповеди и наставления расстрелянного (или умершего в тюрьме) митр. Петербургского Серафима (Чичагова), лейтмотивом которых было неизменное: "стойте непоколебимо в Православии", и последнее перед ссылкой прощальное слово его, в котором он, раскрывая сущность обновленчества, умолял паству не иметь с ними никакого общения, так как таинства, совершаемые ими, не являются таинствами, — и опять умолял "стоять непоколебимо в строгой чистоте Православия"...

И м. Серафим и все остальные наши пастыри постоянно предостерегали нас, говоря, что обновленцы обязываются быть агентами НКВД.

И, быть может, лучшим доказательством абсурдности обвинения нашей Церкви в тождественности с обновленчеством — сами обновленцы, в неумолимой злобе нападавшие на нашу Церковь... Это было ясно всякому, взявшему на себя труд беспристрастно приглядеться к положению вещей. Все же недоброе семя большевистской провокации приносило свой плод среди людей неосведомленных. На месте, правда, сами факты говорили за себя, "за рубежом" же, увы, семя это взошло махровым цветом, на радость большевикам.

Наконец, имелась еще одна, и самая главная, неопровержимая для нас причина, укреплявшая нас в верности Церкви Патриаршей, — это мысль о светлом сонме мучеников-исповедников, — представителей Ее, прошедших перед нашими глазами, начиная с митр. Вениамина. Мысль о наших духовных отцах, безоглядно и нераздельно отдавших все свои силы служению СЛОВУ, — близких и родных нам по духу, с которыми так часто беседовали мы "от сердца к сердцу" до часа, пока не призывал их Господь для свидетельства. Мысль о тех, на которых так преизобильно излиты были Дары Святого Духа: пламенеющая, всепрощающая любовь, небесная радость и мир, долготерпение и благодать, бескорыстное милосердие, непостыдная вера, ясная, голубиная кротость и прозорливая мудрость... Мысль о тех воистину "Христовых", "святых", распявших плоть свою для Господа, оставшихся безгласно послушными "даже до смерти, смерти же крестной"... Раз они "поступали по духу" — не было ли это неопровержимым доказательством того, что и "жили они духом"? (ср. Галат. 5, 22-25). А раз они были "Христовы", раз жили "духом" и поступали "по духу", раз так явственна была на них Благодать Святого Духа — могли ли они ошибаться?!

Новый Павел — светоносный владыка Петр (о. Димитрий); кроткий Серафим (иеросхимонах Вырицкий), для которого не было тайн ни прошлого, ни будущего, ни самой затаенной мысли; и прозорливый аскет, владыка Стефан, уподобившийся преп. Серафиму, перед которым ярость хищных зверей превращалась в незлобие ягненка; пламенный воин Христов — еп. Мануил, бичующим словом очистивший Петроград от обновленчества; прозорливый, благостный, кроткий, как дитя, Сергей, прот. храма Знамени в Царском Селе; великий подвижник-аскет, прозорливый, препростый, ласковый и мудрый иеромонах Оптинский Варнава, проживавший в последние годы в Сергиеве и Павловске; смиренный, кротчайший, послушный до смерти иерей Иоанн (ст. Шапки); стяжавшие дивную чистоту сердца юные иеромонахи Вениамин (Ессен), Феодосий (Ярославский) и Серафим, при мысли о которых мне всегда представляются горящие пред ликом Спасителя свечи воска ярого... Наш "Филарет Милостивый" — Феодор, не покинувший стада своего пред лицом врага, но положивший за него жизнь... Наконец, отец мой духовный, прот. Александр А... — тайный подвижник-аскет, великий молитвенник, мудрый, как змий и простой, как голубь, стяжавший дары прозорливости, небесной любви, мира и радости в самых лютых страданиях... Имевший дар еще при жизни являться людям во сне (также, как и владыка Стефан)... и еще многие, многие, все лучшие, которых мы знали, прошедшие перед нами, — чистые, светлые, мудрые, жертвенные, — просто, без громких слов и пафоса, несшие "в годы великой немоты" — "светоч мира — Слово", и также просто и радостно отдавшие за Него жизнь.

Все они неуклонно продолжали оставаться в лоне Патриаршей Церкви, и нам, чадам своим, заповедали верность Ей до конца.

Могли ли они ошибаться?

Когда замолкает шум дневной суеты и остаюсь наедине с собой, длинными ночами, когда сон упорно бежит усталых глаз, встают из мрака и окружают меня светлые тени, дорогие образы когда-то знакомых и близких людей... И улыбаются ободряюще и протягивают руку помощи. Все светлые и блаженные, но каждый окруженный лишь ему присущим ароматом святости. Просветленные лики старцев и людей во цвете мужественной силы, скромных юношей и дев.

Еще так недавно проходили они среди нас своим крестным путем, освящая родную землю мученической кровью. Ярко, среди сгустившегося мрака, горели их светильники, громко и смело, среди притаившегося молчания, звучало их слово благовестия.

О вы, от великой скорби в убеленных ризах к Невечернему Свету пришедшие! Дайте нам от елєя вашего, ибо светильники наши угасают...

Лагерь "Фишбек", 1948, Германия

ИЗ ЖИЗНИ ЦЕРКВИ В СЕРЕДИНЕ 30-х ГОДОВ

ПИСЬМО СХИЕПИСКОПА ПЕТРА *

12.11.1935 г., Уфа

Его преосвященству Преосвященнейшему
Гавриилу Акерманскому

Ваше Преосвященство Преосвященнейший Владыко
благословите!

Первым долгом прошу святительских молитв, дорогой Владыко Гавриил: как Вы живете? С 1920 г. мы с Вами не видались и не переписывались, я Питирим, бывший наст. Афонского Андреевского подворья в гор. Одессе. Вашу мамашу похоронил, что нужно было, все сделал, в 1923 г. наше подворье закрыли в апреле месяце в Вербное воскресенье, я и вся братия отправились на хутор Еремеевку, там обрабатывали землю своими руками. В 1924 г. осенью я поехал на родину, заехал к Св. Патр. Тихону, он меня за св. послушание просил быть епископом Ерамска, но я был сильно слаб, и просил святейшего побыть на родине и поправить свое здоровье, но там задержался, а святейший в марте 1925 г. отошел ко Господу.

По просьбе народа в 1925 г. 8 июня меня поставили епископом в г. Уфу Нижегородским еп. города Уфы, я был викарием до 1928 года в г. Уфе, но в Российской Церкви пошли разные деления, то я ушел на покой, принял схиму с именем Петра, а в декабре 28 года заболел неопределенной болезнью,¹ болел до 1934 г., не думал быть живым, но Господь судил еще жить. В январе 1934 г. я выздоровел и возвратился в Уфу; теперь живу на покое при моей кафедре, в праздники служу раннюю, здесь наши верующие и правящий епископ Руфим,² митр. Сергия не признают, у нас автокефалия,³ до собора мы признаем и подчиняемся м. Петру Крутицкому.

Вас мы просим, не откажите прислать нам св. мира, литр или хотя пол-литра, здесь не из чего варить миро, даже чистого масла

*) Письмо, посланное на Запад, еп. Гавриилу. — (Из архива митр. Сергия Королева).

нельзя достать, что будет стоить, напишите, и какими деньгами Вам перевести? Долларами, или Вашими, напишите.

Прошу передать от меня всем Святителям, знающим меня, а в особенности духовному отцу М. А.⁴ и всем, кто жив. Напишите, как Вы поживаете? Как наши отцы живут на Св. Афоне? Мы хотели бы помереть в св. обители нашей, но едва ли придется! Силы уже слабы, 70 лет, трудно теперь попасть, ибо у меня нет никаких средств. Еще прошу, не откажите нашей просьбе в высылке мира.

Просим св. молитв и благословения у св. Патриарха и всех Святителей Чехословакии. Напишите нам, как за границей смотрят на блаженнейшего М. С.⁵ Пока простите! Прошу Ваших св. молитв. Ваши смиренные сомолитвенники

Схиепископ Петр
Епископ Руфим

Когда будете посылать, на посылке напишите "масло". В случае не представится возможным выслать просимое (нами), то хотя письмом сообщите, мы будем знать, что наше письмо Вы получили. Святитель Божий, пришли лично для меня чистого масла для лампадки, литров 5. Здесь нету. Схиеп. Петр.

Адрес: Б.А.С.С.Р. гор. Уфа, Лесопольная ул. №2,
Епископу Руфиму.

Примечания редакции

1. Т. е. был арестован.
2. Еп. Руфим (Троицкий) упоминается в словаре митр. Мануила, как еп. Уфимский. Хиротон. в 1925-26 г. во еп. Саткинского, викария Уфимской епархии. Митр. Мануил как будто ошибочно приписывает ему уклон в старообрядческий раскол. Дальнейших сведений о нем не имеется.
3. В рукописи написано: "аттекефалия".
4. Митрополит Антоний Храповицкий (1866-1934).
5. Митрополита Сергея. Как видно из письма, схиепископ Петр хоть и состоит в отломившейся от митр. Сергея группировке, но отрицательно к нему не относится. О дальнейшей судьбе схиепископа Петра у нас сведений нет.

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ РУССКОЙ ИЕРАРХИИ

ИЗ ПИСЕМ ПРОТОПР. В. ВИНОГРАДОВА ВЛАДЫКЕ ИОАННУ ШАХОВСКОМУ

1
Глубокоуважаемый Владыка,

/ ... / Ваша речь при наречении обрисовывает Вас, как Вы есть, в своем духовном облике. Но для меня особенно дороги те части речи, где Вы касаетесь положения нашей матери-Церкви, находящейся под большевистским игом. У Вас у первого, здесь за границей, я встречаю правильное понимание того великого духовного страдальческого подвига ради православного русского народа, какой несет там русская иерархия (и епископы, и иереи); да, именно ради спасения верующей души русского народа эта иерархия склоняет колена (тела, но не души) пред безбожной властью, как некогда св. благ. Князь Александр Невский покорно склонял свои колена пред татарским ханом, чтобы спасти русский народ от окончательного уничтожения. Здесь за границей никак не хотят понять, что русская иерархия склоняется пред большевистской властью вовсе не ради личного блага, а именно ради спасения души русского народа, ради возможности существования какого-либо священноначалия, без которого никакая церковная жизнь русского народа стала бы невозможна. Все это я пережил самолично, ибо ведь я целых шесть лет (1918-1924) был ближайшим сотрудником патриарха Тихона, сначала в качестве члена Московского Епархиального Совета, а потом — в самый ответственный момент — по освобождении Патриарха, и председателем этого Совета (за что и должен был перенести в течение около 6 лет каторжные работы в разных концентрационных лагерях, — начиная с Архангельска и кончая Владивостоком и еще далее Колымским краем). И я видел

и свидетельствую, что как патриарх Тихон, так и Сергей были великими страстотерпцами за Русскую Церковь. Думаю, что этим же крестным путем идет нынешний патриарх Алексий и вся русская иерархия.

Искренне прошу Ваших архипастырских молитв обо мне: старческие силы мои начинают уже изнемогать... и недавно я перенес жесточайшую болезнь, а теперь уже снова служу.

Господь да хранит Вас во всяком благоденствии.

С искренним уважением и любовью о Господе.

Проф. протопресв. Василий Виноградов
12 августа 1947 г.

Ваше Преосвященство,
Глубокоуважаемый, дорогой и многодобрый Владыка,

Вот уже около 10 дней, как я получил Ваше любезнейшее письмо, а пред этим — драгоценный для меня подарок — продовольственную посылку со вложением пары белья. Я глубоко тронут этим Вашим сердечным вниманием ко мне и "соучастием в моей скорби" (Фил. 4, 14) и хочу сказать со апостолом: "Я получил все и избыточествую; я доволен, получив ... посланное Вами" и, не имея чем воздать Вам от себя, могу лишь выразить молитвенное пожелание: "Бог мой (и Ваш) да восполнит всякую нужду Вашу", "да успокоит Вас во всех скорбях (Ваших) своим благодатным успокоением по богатству своему, в слове, Христом Иисусом". И сколь же глубоко я рад, что нашел в Вас столь близко созвучную мне пастырскую душу, что когда я читаю Ваши печатные труды — эту исповедь Вашего пастырского сердца, мне кажется, что это то самое, что и я переживаю, но чего я не могу выразить в столь вдохновенных и можно сказать огненных словах, словах убеждения и вместе умирения.

Дорого мне, что Вы (можно сказать единственный) прозрели духом глубоко мученический характер того пути, по которому идет русская иерархия, русское иерейство в Советской России. Это вовсе не из-за заботы о своем личном самосохранении — архипастырей и пастырей, но путь жертвы честью своего имени пред людьми, чтобы иметь возможность спасти души русских людей всеми благодатными дарованиями Церкви, без которых бы уже давно одичала душа русского народа. Я часто говорю об этом м. Анастасию (он близок ко мне по воспоминаниям молодости — он был инспектором семинарии, когда я в ней учился); он не может не верить моим словам, но... и не может заставить себя с ними примириться. Ему, как и Вл. Виталию, хочется жить легендой о будто бы существующей в России многочисленной "катакомбной" Церкви. Смеею заверить, что это чистейшая фантазия отдельных ревнителей церковной правды не по разуму: желаемое они выдают за существующее.

Дело в том, что в существующих условиях советского режима, где, можно сказать, каждый десятый есть подневольный агент ГПУ, где каждый шаг и каждый уголок находится как бы под стеклом, никакая катакомбная церковь — невозможна. Существуют только, как одиночки, отдельные ревнители правды "не по разуму", старающиеся таким же одиночкам внушать дух оппозиции против иерархии, но массы народа, особенно тот вновь проявившийся слой глубоко [...] верующих, им не внемлет, ибо он желает только молиться с своим приходским пастырем, совершенно не интересуясь высшей церковно-государственной политикой церковной иерархии.

Меня глубоко удивляет то, что всю вину за церковную примирительную с большевистской властью политику возлагают на покойного патриарха Сергея, и не хотят знать, что ведь это собственно политика самого патриарха Тихона в последний период его правления, именно после освобождения его из тюрьмы.

Бранят п. Сергея за то, например, что будто бы он ввел поминовение властей за богослужением. Но ведь это же совершенно неправда. Это поминовение установил именно п. Тихон тотчас после освобождения его из тюрьмы и установил не единолично, а со своим Временным Синодом, в котором всеми похвальный

епископ (архиепископом он никогда не был) Иларион (Троицкий). А указы об этом по приходам рассылал именно я, как председатель Московского Епархиального Совета. П. Сергей только подтвердил (по требованию Сов. властей) распоряжение п. Тихона, сделанное при давлении е. Илариона (он мой товарищ по Академии). И вот п. Сергия за это бранят, а п. Тихона и е. Илариона — хвалят. И бросив грязью в п. Сергия, в утешение себе создают фантастический облик м. Петра, окружая его ореолом примерной твердости в отношении Сов. власти, несмотря на все "пытки". Но увы — все это благочестивая фантазия. В действительности м. Петр был очень милый, добрый и простой и доступный человек, но крайне робкий и боязливый, дрожавший даже при одной мысли попасть в тюрьму, и никогда не дерзавший в чем-либо противоречить требованиям Сов. власти. И если он попал в тюрьму, то не за стойкость, а потому что при всем желании угодить Сов. власти так, чтобы его не трогали, сделать этого не сумел. И никаких пыток он никогда не претерпевал, а только долгие годы жил в отдаленной ссылке. В церковных канонах он мало разбирался и с ними не считался.

А ведь чтобы убедиться, что политика п. Сергия была продолжением политики п. Тихона, достаточно вспомнить два документа:

1. Обращение п. Тихона к Верховному Суду, ценою которого он получил освобождение из заключения;
2. Так называемое завещательное послание п. Тихона, опубликованное после его смерти.

Порицателям церковной политики п. Сергия настолько не нравятся это послание, что они обозвали его подложным.

Но смею уверить, что оно было подписано п. Тихоном за несколько часов до его смерти и мне хорошо известно, как оно произошло и при каких обстоятельствах оно подписано. А в этом послании уже содержится все то, что повторил потом в своих посланиях м. Сергей! Это послание было напечатано между прочим в "Церковных Ведомостях", издававшихся при м. Антонии при Карловацком Синоде. Найдите и посмотрите!

Я все собираюсь, но никак не могу собраться написать обо всем этом свои воспоминания.* Но до сих пор не было достаточно

*) Изданы в 1959 г. под заглавием "О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности св. патриарха Тихона".

побудительного мотива. А теперь, если Вы находите это несомненно нужным для печати, постараюсь начать эту работу (она у меня собственно уже была в набросках, но я должен был ее сжечь во время бегства). Только в данный момент препятствие в том, что на этих только днях я переведен из тихого Наухеймского прихода с его десятками в бурный приход с его, кажется, целой тысячей прихожан, православной гимназией и разными приходскими общественными организациями: дела тут, слава Богу, много и дела живого, интересного, о коем я в Наухейме сильно соскучился. В этом была и причина, что я целых 10 дней не мог собраться написать Вам ответ. Но все же постараюсь указанную работу начать и Вам по частям посылать.

Простите, что так неразборчиво пишу — едва урвал для сего время среди потока новых лиц, бумаг, забот, заседаний — здесь на новом месте служения.

Прошу не забывать меня в своих святительских молитвах.

Искренне любящий Вас во Христе, глубоко уважающий и от всей души благодарный.

Проф. протопресв. Василий Виноградов

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ О. ПЕТРЕ ШИПКОВЕ (1881 – 1959)

Послереволюционные годы... Какое это было удивительное время... Пир веры, совершаемый Христом, когда званые отказались от вечери, а находящиеся на житейских дорогах и перекрестках оказались избранными: люди духовного звания отказывались принимать священный сан, а светские устремились в ограду церковную и с радостью приняли на себя иго Христова, великое пастырское служение. Эти Божии избранники были яркими светочами, благоговейными служителями Церкви Божией и добрыми пастырями словесного стада Христова, просиявшие в XX веке исповедничеством и мученичеством.

Одним из таких пастырей был и отец Петр.

Сын замоскворецкого купца, он и сам некоторое время занимался торговлей. Но душа его горела и стремилась к Богу. Был он женат и, кажется, по любви, но жена оставила его. С той поры о. Петр отрешился окончательно от всех житейских попечений и обратил мысленные очи к небу, куда переключилась вся любовь и все устремление его души.

После трехсотлетнего перерыва в 1917-1918 гг. был, наконец, созван поместный Собор русской православной Церкви, на котором и был избран Патриарх – митрополит Тихон Белавин. Патриаршество его было беспрецедентным. В разбушевавшейся стране, среди захлестывающих волн ненависти, он вел церковный корабль к благодатным струям высочайшего духовного подъема, охватившего большую часть православного народа. Все истинные сыны православной Христовой веры тесно сплотились вокруг своего кормчего и своею любовью и преданностью поддерживали его.

О. Петр принял священный сан в 1921 г. от святейшего патриарха Тихона, и началось его служение Богу и людям.* Одно время

*) Об о. Петре Шипкове и о его сподвижнике о. Серафиме Батюкове (1880-1942) см. "Два портрета (по воспоминаниям В.Я. Василевской)" в сборнике "Память" II, YMCA-PRESS, 1979, стр. 481-512.

он был даже секретарем святейшего и был глубоко предан ему как при жизни, так и после смерти.

Недолгим было служение святейшего Патриарха Тихона – всего семь лет, но оно запечатлено на века.

В 1925 г., в день Благовещения Пресвятой Богородицы, святейший отошел ко Господу. Церковь вновь осиротела. И начались нестроения церковные. Для местоблюстительства Патриаршего Престола святейшим Патриархом Тихоном были завещаны три имени. Но за отсутствием двух первых кандидатов – митрополита Кирилла и митрополита Агафангела – был признан третий: митрополит Петр Крутицкий и Коломенский. Шестдесят семь архиереев, присутствующих при погребении Патриарха, признали святителя Петра своим первоиерархом.

И начался трудный крестный путь русской православной Церкви. Борьба с обновленцами, с григорианцами, пытающимися захватить церковную власть, бесчисленные аресты иерархов, в силу чего бразды правления переходили из рук в руки. Нужно было уцелеть в волнах этого житейского моря, найти правильный курс, не сбиться с пути и не увести свою паству в сторону от верной дороги.

Постоянное содержание под арестом местоблюстителя митрополита Петра породило необходимость временной передачи власти другим иерархам, находящимся на свободе. Таким образом, основным заместителем местоблюстителя оказался митрополит Сергей Нижегородский, который крепче других держался за власть. В сложнейшей, беспрецедентной обстановке заместитель повел церковный корабль по избранному курсу, не считаясь ни с местоблюстителем, которого он замещал, ни со старейшими иерархами, внося смущение в ряды пастырей и пасомых... Своей деятельностью он перечеркнул постановления Собора и поставил Церковь на прежний путь зависимости от государства, о чем и заявил в своей декларации.

Среди общего смятения люди с чистой пастырской совестью не могли согласиться с сомнительной позицией заместителя и выражали ему свое смущение и протест. В большинстве своем это были пришедшие из мира по призванию и рукоположенные святейшим патриархом Тихоном; они держались вокруг маститых иерархов, не потерявших духовного ориентира.

Итак, архиереи, не признавшие за митрополитом Сергием каноническое право производить церковные реформы, и целый

ряд церковных приходов начали именоваться "тихоновскими", или "непоминающими", так как они отказались возносить имя заместителя за богослужением рядом с именем местоблюстителя митрополита Петра.

В числе этого духовенства находился и о. Петр. В то время он был настоятелем храма св. мученика Никиты в Москве.

В это время особенно необходимо было духовное общение пастырей, большая осторожность, чтобы не сделать ложного шага, не оторваться от церковного единства.

Среди "тихоновских" приходов числилась церковь св. Николая на Маросейке, где настоятелем был о. Сергей Мечев, и церковь Кира и Иоанна — Сербское подворье — с о. Сергием Батюковым (впоследствии архимандрит Серафим) во главе. Эти священнослужители пользовались большим авторитетом среди духовенства. О. Петр часто заходил на Сербское подворье к о. Серафиму, пользуясь его руководством.

В то время я мало знала о. Петра. Это был скромный, тихий батюшка, еще молодой, с рыжеватой бородкой, среднего роста. Спешно, не подымая глаз, проходил он в алтарь и оставался там некоторое время, а потом так же поспешно удалялся.

Вскоре начались аресты, в основном среди "тихоновского" духовенства. Был арестован и выслан на Соловки и о. Петр.

В то время в Соловецких лагерях был весь цвет русской православной Церкви. Целый сонм епископов: еп. Иларион Троицкий,* епископ Мануил,** епископ Платон Руднев, который еще недавно служил священником на Сербском подворье, а в заключении исполнял должность капитана парохода, курсировавшего по Белому морю, и многие другие; множество священнослужителей. В 1928 г. к о. Петру присоединились священнослужители Сербского подворья о. Алексей Козлов и диакон о. Виктор Щеглов.

К голосу соловецкого епископата прислушивалась вся страна. На Соловки поступали все сведения о перипетиях церковной жизни, и верующие люди с нетерпением ждали отзыва Соловецких

узников. Так, на опубликование знаменитого воззвания митрополита Сергия от 29.7.1927 г. соловецкие иерархи ответили посланием, в котором очень сдержанно, но твердо указали заместителю на его неканонические действия.*

В соловецком лагере о. Петр заведовал каптеркой, в помещении которой духовенство собиралось для обсуждения церковных дел. Там писались и подписывались знаменитые соловецкие воззвания. В то время на Соловках еще совершались богослужения. Подъем духа был велик. Какой же молитвенный столб подымался оттуда к небесам, огненный столб!

По окончании срока ссылки о. Петр вернулся в Москву и поселился в Загорске. В это время все "непоминающие" церкви в Москве были закрыты, и уцелевшие священники совершали богослужения нелегально, окормляя своих духовных чад.

О. Петр устроился работать на игрушечную фабрику в должности бухгалтера. Богослужения совершал дома. Он сразу же вошел в сношения с о. Серафимом Батюковым, живущим в Загорске на нелегальном положении, и стал пользоваться его духовным руководством, так же как и о. Иеракс.** Это была уже катакомбная церковь. Тайно совершались богослужения, и священники обходили и объезжали дома своих духовных детей, совершая требы.

В это время вернулся из ссылки архиепископ Афанасий Сахаров*** и вошел в сношения с московским духовенством. Все непоминающие иерархи находились тогда уже в ссылках, и верное митрополиту Петру духовенство примкнуло к освободившемуся из ссылки епископу.

Владыка Афанасий бывал в Загорске у о. Серафима, виделся с о. Петром, служил в домово́й церкви о. Иеракса.

В 1937 г. о. Петр приезжал в Лосиноостровск. В доме, где жил о. Иеракс, умерла самый старейший член семьи, девяностовосьми-

*) Эти сведения не совсем точны. На самом деле в своем послании соловецкие иерархи, в том числе еп. Иларион, воздержались от осуждения церковной политики митр. Сергия.

**) О. Иеракс Бочаров был арестован в 1942 г., освобожден в 1956 г., но уже после лагеря и ссылки служить не мог. Умер во Владимире в 1959.

***) Об еп. Афанасии, великом подвижнике и исповеднике, см. "Вестник РСХД", №№ 81, 106 и 107.

*) Известный богослов, умер от сыпного тифа в пересыльной тюрьме в Ленинграде, по дороге из Соловков в Москву, в 1929.

**) Лемешевский (1884-1968), провел в тюрьмах и лагерях в общей сложности 30 лет. Умер митрополитом Куйбышевским.

летняя бабушка Мария Степановна. Из соображений конспирации о. Иеракс не мог ее отпевать, и поэтому был приглашен о. Петр. Отпевание он совершил на дому и проводил покойницу на кладбище. Гроб несли на руках от самого дома. В то время похоронная процессия не была в диковинку. На кладбище была совершена панихида.

В этот день я впервые видела о. Петра близко, он очень недолго побыл и уехал.

Люди, соприкасавшиеся с о. Петром в житейских делах, не всегда были довольны им. Он мало думал о себе, о своем благополучии, о самом необходимом в жизни, чем раздражал окружающих, не умевших понять его. Таких, как он, обычно называют недотепами и мало кто понимает их. Помню случай еще на Сербском подворье. В воскресный день Великого Поста о. Петр перед литургией пришел повидаться с о. Серафимом. На паперти, где толпились нищие, он снял калоши и через переполненную церковь прошел в алтарь. Я шла следом и удивилась, увидев пару калош, доверчиво стоящих на видном месте. Калоши по тем временам были дефицитом, их получали по ордеру, и вряд ли они бы уцелели. Я подобрала их и сдала за свечной ящик старосте. Вскоре пришел о. Петр. Лицо у него было огорченное и растерянное: калош не было. Узнав, что их припрятали, о. Петр оживился и, молча взяв сверток, удалился, и только на паперти обулся.

Этот маленький эпизод очень характерен для о. Петра — он весь в этом поступке. С одной стороны — большая непрактичность, полное отсутствие внимания к внешней стороне жизни, с другой — величайшее благоговение к святыне, к храму Божию, даже порог которого он не помыслил переступить в грязных калошах.

”Иззуй сапоги от ног твоих, место, идеже стоиши, земля свята есть”.

Всю свою жизнь он провел именно так.

У о. Петра были родственники, но он жил среди своих духовных чад. Всем смыслом его жизни стало служение. Это не просто служба церковная, которая в наше лукавое время иногда превращается в ремесло. Это было истинное служение Богу — непрестанное предстояние и бескорыстное служение людям, не вызванное необходимостью, но — сознанием долга.

Здесь уместно привести слова одного священника, пострадавшего в те тяжелые дни за чистоту православия, за святую стойкость

в вопросах веры: ”Дважды обручается душа Христу. Один раз наедине, в своей глубине, в своей сокровенности, в своем одиночестве. Другой раз — в Церкви. Она обручается Ему через обручение ближнему, соединяется с Ним, соединяясь с ближним, находит Его в любви церковной”.

Вот в таком служении пребывали священники, лишённые возможности и внешне участвовать в церковной жизни, но продолжавшие свое пастырское служение, тесно соединившись с паствой в одну общую семью под нависшими грозowymi тучами.

Началась война. Общение стало затруднительным. Плохо ходили поезда, на въезд в город и выезд нужно было иметь письменное разрешение и т. п.

19 февраля 1942г. в Загорске умер о. Серафим. О. Петр совершил над ним чин погребения. Похоронили батюшку под домом, под тем местом, где помещался Престол его домашней церкви. Все это было сделано негласно. Осиротела его паства. Другие священники приняли на себя руководство частью паствы о. Серафима. О. Петр, приняв на себя руководство частью паствы, сам как-то вырос, прошла его застенчивость. Пришло время применить весь накопленный им в молитвенной тиши духовный опыт. Насколько он был мудр и духовен, свидетельствуют его духовные чада.

Сам лишившись духовника, о. Петр стал приезжать в Болшево, где в это время жил о. Иеракс. Его приезд всегда вызывал радостное чувство. Он был каким-то очень мягким, и со всеми у него установились очень теплые отношения. Всех объединяло одно общее дело, одинаковое положение и сознание, что каждый час пути могут разойтись, каждый должен будет в конце концов один понести свой крест.

Это случилось в ноябре 1943г. В Болшеве был арестован о. Иеракс и я с ним. В Загорске арестовали о. Петра и монахиню Ксению, духовную дочь о. Серафима и хозяйку дома, где он жил. Все мы находились во внутренней тюрьме МГБ. Начались допросы. Мое ”дело” в основном было связано с о. Иераксом. Но однажды следователь в моем присутствии просматривал дело о. Петра.

— Посмотрите, какая у него физиономия, — настоящий торгаш, — сказал он, показывая мне фотографию батюшки.

Фотография была неудачной. Лицо о. Петра, как-то поднятое кверху, казалось широким, а ворот свитера доходил до подбородка,

скрадывая шею. Конечно, это не красило его. Я заметила, что никто еще не выбирал себе физиономии, — довольствуясь тем, что Бог послал. Это было началом разговора. У о. Петра был другой следователь, а моему поручили снять с меня допрос о нем. Почему-то он это делал неохотно.

— Вот почему он, вернувшись из ссылки, не стал открыто служить в церкви, а маскировался под служащего? — ворчал следователь.

— По-моему, он не маскировался, а действительно работал на фабрике бухгалтером, — ответила я.

— А почему он не стал служить в церкви?

— Спросили бы его об этом.

— А вы-то как думаете?

— А я вообще об этом не думала.

— Ну, так подумайте теперь.

— Может быть, он не хотел снова совершать вояж, из которого только что вернулся? — предположила я.

И следователь, в общем-то неглупый человек, написал в протоколе, что "Шипков не хотел служить в церкви потому, что боялся снова быть арестованным".

На следующий день он снова вызвал меня и сказал, что протокол надо переписать.

— У нас не арестовывают священников за служение в церквях, — пояснил он.

Я снова подписала протокол без этой фразы.

В августе 1944г. в пересыльной тюрьме мне удалось увидеть о. Иеракса и владыку Афанасия. О. Петра я не встретила, он присоединился к ним позднее, и все трое уехали в Мариинские лагеря, в Кемерово. Через несколько дней и меня отправили в Рыбинские лагеря.

До 1946г. я регулярно переписывалась с дорогими святыми и знала все об их жизни. Сначала все трое работали в поле, а затем были сторожами, дневальными. И все время совершали богослужения. Лагерное начальство относилось к ним хорошо. Но после 1946г. им пришлось расстаться. Владыка и о. Иеракс совершили путешествие в Москву, во внутреннюю тюрьму, и впоследствии оказались в Потье, в Темниковских лагерях, а о. Петр остался в Мариинске. Я из Рыбинских лагерей была переведена в Куйбышев, предварительно побывав во внутренней тюрьме,

и переписка с о. Петром у меня прекратилась. Впоследствии, когда о. Петр жил на вольном поселении в Сибири, а я находилась в Казахстане, он послал мне письмо. Но из-за отсутствия конверта он свернул письмо треугольником и написал на одной стороне мой адрес, на другой своей. И письмо пошло путешествовать. Его везли то в одну, то в другую сторону, на нем наставили много штампов, так что и адрес замазали, но добросовестно доставили его мне ровно через полгода. Я была очень огорчена, так как ответное письмо не застало о. Петра на месте — он к тому времени переменял адрес.

В 1953г. о. Петр получил, наконец, возможность выехать из Сибири. Вернувшись в Москву, он направился в Патриархию. Нужно сказать, что, будучи еще в Мариинских лагерях, при настоятельстве патриарха Алексия, владыка Афанасий и бывшие с ним священники обращались к избранному Святейшему с письмом, в котором просили принять их в общение с возглавляемую им русской Церковью, признавая его законным главою.

О. Петр почувствовал себя достаточно крепким для продолжения священнослужения и, получив указ о назначении в Боровск, направился к месту службы. Ни владыке Афанасию, ни о. Иераксу Господь не судил служить в храме по окончании ими ссылки, и только о. Петр вернулся к служению в Божьем храме, и с этого времени всего себя отдал на это великое дело.

Если и прежде для о. Петра не существовало иной жизни вне храма, то теперь он отдавал себя всего нераздельно, окончательно позабыв о себе, не считаясь со временем. В эти годы он много помогал людям материально. О. Иеракс, находившийся тогда в инвалидном доме близ г. Саранска, регулярно получал от него денежные переводы. С о. Иераксом они переписывались. По выходе из инвалидного дома о. Иеракс жил сначала в Мордовии, а потом переехал во Владимир. Здоровье его было очень слабым, и в 1959г. 11 февраля он умер. Я послала о. Петру телеграмму, извещающую о его смерти. В ответ о. Петр сообщил, что приехать на похороны не сможет и выслал 200 руб. денег.

Как-то уже после 40 дней после смерти о. Иеракса ко мне приехала Верочка Василевская* и сказала, что о. Петр хочет меня

*) Вера Яковлевна Василевская (1900-1975) — специалист по педагогике, окончила философский факультет МГУ. См. ее очерк о К.Д. Ушинском в "Вестнике РХД", №№ 129 и 130.

видеть. Теперь я была свободна и могла поехать в отпуск в Боровск. Я поделилась с ней моими соображениями — попробовать перебраться на жительство в Боровск. Она сказала, что о. Петр думает о том же.

В мае я приехала в Москву. Свою поездку в Боровск я хотела приурочить к праздничным дням 21-22 мая, так как день празднования св. Иоанна Богослова был днем ангела о. Иеракса. К моему удивлению, Верочка стала уговаривать меня поехать с ней в Пюхтицу, в женский монастырь, убеждая, что к о. Петру я смогу съездить по возвращении. Но я боялась, что на это не хватит моего отпуска, а кроме того хотела быть у о. Петра именно 21 мая. Я не знала, на что решиться. Друзья не советовали мне ехать в Пюхтицу, говоря, что после этой поездки я останусь без ног и без денег и ни на что другое не буду способна. Я еще не дала ответа и, не решив ничего, пошла ночевать к Тане К. И здесь произошел странный случай. Мы долго разговаривали, лежа у противоположных стен комнаты. Мне хотелось поехать в монастырь, но прежде побывать у о. Петра. Мы говорили, и вдруг Таня на полуслове замолчала. Я еще не успела удивиться, как в коридоре страшно закричала кошка. Была у них такая приبلудная кошка Фроська. Ее кормили, но на ночь вытаскивали на улицу, а на этот раз, видимо, забыли в коридоре.

— Надо бы выпустить, — подумала я.

Кошка все кричала.

— Таня, — стала окликать я, — Таня!

Ответа не было. Она спала мертвым сном. "Надо все-таки встать", подумала я. А крик становился все громче. Я приподнялась на постели, и вдруг неожиданно меня объял такой страх, что я невольно опустилась опять на подушку. Крик к этому времени стал совсем раздирающим. Я начала про себя читать "Да воскреснет Бог..." И с первыми словами молитвы крики прекратились. Три раза я прочитала молитву. Кругом было тихо. Страх прошел. Я успокоилась и уснула. Наутро оказалось, что никакой кошки в коридоре не было. Я задумалась, что бы это могло значить? И почему-то так неожиданно крепко сон сковал Таню. Явно, что кто-то в чем-то хотел помешать мне, но в чем? И я решила, что расчет был такой, что я с перепугу отправлюсь в Пюхтицу, а к о. Петру, может быть, и вовсе не попаду. Нужно придерживаться первоначального плана. По возвращении из Боровска я могу поехать если не в Пюхтицу, так в Печоры, и я попросила Таню взять мне билет до Ленинграда.

В Боровск я поехала 20 мая. У Киевского вокзала села на утренний автобус и к обеду приехала на место. По пыльным улицам захолустного городишки я дошла до дома, где жил о. Петр, и поднялась на второй этаж. Батюшка был один и, видимо, лежал. На мой стук он выглянул и, конечно, не узнал меня, думая, что я пришла приглашать его на требы. Я объяснила, что приехала к нему из Владимира. Тогда он попросил меня пройти в комнату хозяйки, а сам стал одеваться. Немудрено было не узнать друг друга: за шестнадцать лет мы очень изменились. Передо мной был седовласый старец. Что-то иконописное было в нем: в седом обрамлении белое, без кровинки, лицо.

— Вы могли меня не застать, — сказал о. Петр, — я был в Москве у врача и только вчера приехал.

Я ответила, что рассчитывала застать его именно в эти дни 21-22 мая. Но он сказал, что завтра служить не сможет и пригласил на этот день священника из ближнего села, но надеется послужить в день святителя Николая. О. Петр был болен. Он показал мне анализы. Формула крови показывала разложение, гемоглобин — 18%. Из того, что он рассказал тогда, и из того, что мне рассказывали позднее, я составила себе картину его жизни и историю болезни.

Жил о. Петр в крошечной комнатке, которая не отапливалась. Телый воздух проникал из кухни, расположенной напротив. Спал на соломенном тюфяке, вставал рано, молился и шел в собор к литургии, которую совершал почти ежедневно, потом совершал требы, покойников провожал до кладбища и приходил домой к вечеру. К этому надо прибавить, что дома его никто не ждал. Если хозяйка оказывалась дома — был обед. Если же она почему-либо отсутствовала, нужно было ждать, а тут еще кто-нибудь приходил с требой, в чем о. Петр никому не отказывал... Великий пост в этом отношении был особенно тяжелым. Случалось, что он приходил домой к ночи, да и поздняя пища была скудной. В один из великопостных дней умерла духовная дочь о. Петра. После отпевания он отправился за гробом на кладбище в холодный и ветреный день, а там пришлось отслужить литии еще на нескольких могилах. В тот день батюшка простудился, у него поднялась температура. Но он перемогался и почти не лежал. Организм, ослабленный плохим питанием и ежедневным переутомлением, не выдержал наконец. А он, больной, все продолжал служить,

откладывая лечение на более благоприятное время, а тем временем малокровие перешло в белокровие.

Мы сидели в комнате хозяйки за большим столом. Я рассказала о. Петру о последних годах жизни о. Иеракса и о его смерти, кое-что о себе, а он, в свою очередь, рассказал о своих церковных делах. Ему удалось сделать большой ремонт собора, внутренний и внешний, с реставрацией живописи. Он показал мне фотографии собора до ремонта и после. До ремонта храм действительно выглядел ветхим, с покосившейся колокольней. Видно было, что о. Петр гордится им, как своим детищем. А сколько было потрачено времени и сил, не только физических, но и душевных. Сколько средств надо было собрать на такой большой ремонт. О. Петр ограничивал себя во всем. В то время как другие обогащались, он все отдавал храму. Спицы в колеса ему начал вставлять староста. О. Петр сам вел всю отчетность, а староста не давал ему отчета в деньгах и однажды прямо сказал:

— Ты знай свой алтарь, а я буду знать свой ящик.

В то время настоятель считался председателем религиозной общины. Он поставил перед прихожанами вопрос о дальнейшем пребывании старосты на посту, который тот занимал. В противном случае о. Петр отказывался служить в Боровске и решил подать архиерею прошение о переводе в другой приход. Народ любил своего пастыря и не хотел лишаться такого священника. Старосту переизбрали и на его место выбрали женщину малограмотную, но честную. О. Петр взвалил на себя всю тяжесть хозяйственных и административных работ. Только при абсолютной честности и взаимном доверии можно было произвести такой колоссальный ремонт. Вот тогда о. Петр и перебрался на жительство в этот неудобный для него дом.

Так в разговорах проходил день. О. Петр предложил мне закусить; он принес маленькую коробочку икры и куски хлеба в бумаге. Мы съели по бутерброду. О. Петр жил в таких условиях, что даже не мог вскипятить себе чай.

К вечеру из Калуги вернулась хозяйка, она же — староста церкви. Меня удивило то, что она не спешила кормить о. Петра обедом, а ушла в огород и долго возилась там. Наконец, она пришла и сказала, что можно обедать и что обед с утра стоит в печи.

После обеда зашел казначей собора, довольно пожилой низенький человек. О. Петр очень дружески с ним говорил. Разговор

зашел о диаконе, которого недавно пригласили служить, о том, как оплачивать ему труд. Решили платить 1000 рублей, но, за вычетом налога, ему оставалось немногим более 700 рублей и, кажется, диакон был недоволен. Я по себе знала, что это не так уж много, и невольно вступилась за него.

— Вот кому надо быть диаконом, — сказал о. Петр, — указывая на казначея. — И угораздило тебя второй раз жениться.

Назавтра они назначили заседание церковного совета.

Спать меня уложили в парадной комнате. Хозяйка, разбирая постель, сказала, что здесь спал архиерей.

1/14 мая в Боровске празднуют память св. Пафнутия. Когда-то здесь был монастырь его имени. Теперь монастырские здания лежат в руинах. Вообще все окрестные храмы превращены в развалины. На фоне этих развалин особенно выделяется Благовещенский собор, приведенный в идеальный порядок. В этом году на праздник был приглашен архиерей, преосвященный Онисифор, и много духовенства. О. Петр подарил мне фотографию, где запечатлено все служащее в этот день в Боровске духовенство. В числе прочих, последний игумен Боровского монастыря Никандр. В этот праздничный день о. Петр был награжден палицей.

Наутро я отправилась в собор, а о. Петр остался дома. Храм действительно был отремонтирован безукоризненно. Живопись выглядела, как только что написанная. Утреню и литургию совершал священник из ближайшего села, благочинный округа о. Павел Рябушин. Увидела я и нового диакона о. Бориса. Это был еще достаточно молодой, серьезный человек, высокий, в очках.

Когда я вернулась из церкви, о. Петр спал на раскладушке в саду. Поднялся он к обеду. А после обеда собрался церковный совет. Я хотела уйти, чтобы не мешать им, но о. Петр сказал:

— Вы можете остаться, вы — церковный человек.

Среди прочих вопросов был и вопрос о новом диаконе. Отзывы о нем были хорошие, обсуждали, как оплачивать его службу. О. Петр предложил платить ему 1000 рублей зарплаты и сумму подоходного налога из церковной кассы.

— Ну как, вы довольны? — обратился он ко мне.

Я невольно засмеялась:

— Довольна, — ответила я.

А казначей предложил прибавить зарплату о. Петру, но батюшка не согласился.

— Тогда мы будем платить за вас налог, — сказали члены совета.

— Мне денег вполне достаточно, — возразил о. Петр.

Дело в том, что он сам положил себе зарплату в размере 1300 руб., из этой суммы расплачивался и с финотделом. Остальные деньги шли на нужды храма, в основном на ремонт. Теперь, когда ремонт был окончен и о. Петр ослаб, можно было позволить себе пригласить диакона.

В то время весь доход от треб поступал в ведение священника, а в Благовещенском соборе деньги за требы опускались в кружечку и поступали в ящик. Поэтому о. Павел, служивший в соборе во время болезни о. Петра, сначала очень удивился:

— Служу, служу, а денег все нет...

И вот пришло время отправляться ко всенощной. Подкатило такси. Мы все уселись и отправились в Собор. Народ встречал священника у церкви. Весть о его болезни распространилась по городу и все волновались: приедет ли? Настроение за всенощной было очень молитвенное. Собрался большой хор. Голоса были хорошие, но пели просто: настоятель не любил вычурного пения. Акафист святителю Николаю о. Петр прочитал довольно бодро, покадил храм, но помазал елеем на солее и держась одной рукой за железную решетку. Никто в то время не знал, что это была его последняя служба...

Обратно мы тоже ехали на такси. Народ провожал нас. Люди безмолвно стояли вокруг машины и даже не просили благословения. О. Петр осенил их всех общим благословением. Он с трудом вышел из машины и, когда поднимался по лестнице, его пришлось поддержать. Наутро он собирался служить.

Но к утру у о. Петра поднялась температура. Он с трудом держался на ногах. Появились какие-то женщины и начали уговаривать его не ездить в храм. А он сопротивлялся, говорил, что должен ехать, что в такой большой праздник храм не может остаться без литургии.

До сих пор этот день лежит на моей совести. Ведь если бы знать, что он больше не встанет... Может быть, ему нужно было отслужить эту последнюю литургию. Но мы надеялись, что он еще поправится, и так хотели этого, упрощая его не ходить сегодня в храм. Меня толкали и шептали: уговаривай. И я уговаривала, и он согласился, но был очень огорчен — в такой день собор без литургии...

Он лег на свой соломенный тюфяк, а мы пошли в церковь. По благословию о. Петра, диакон отслужил обедницу, молебен. Все были удручены, некоторые плакали. Когда я вышла из собора, к моему удивлению, ко мне подошли женщины и стали просить:

— Походи за нашим батюшкой, не оставляй его, ему плохо будет.

Я сказала, что мы сделаем все возможное. Я уеду — приедут другие, но один он не останется.

В этот день к о. Петру вызвали врача. Пришел районный доктор Эссенцев. Он выписал очень много всяких лекарств и просил показать рецепты зятю о. Петра, профессору Егорову, а также напомнить ему, что Эссенцев — его бывший ученик.

На другой день я собралась в Москву. Взяла рецепты, о. Петр дал мне адреса своих знакомых, зятя, и я направилась на остановку автобуса. И здесь ко мне подошла монахиня из Роши м. Татьяна.

— Не уезжай, — сказала она.

— Я по делу еду, — ответила я.

— Ну, возвращайся.

— Уж и не знаю как. У меня ведь куплен билет в Ленинград.

— А ты его продай. Нельзя оставлять батюшку. Хозяйка у него негодная — никого к нему не пустит.

— Если никто из его близких не согласится приехать, я, конечно, вернусь, — пообещала я.

Приехав в Москву, я направилась к Егоровым. Сестра о. Петра, Мария Алексеевна, приняла меня не очень дружелюбно. Она была замужем за профессором Егоровым. Это их сын, Борис Борисович Егоров, через несколько лет полетит в космос. Профессора не оказалось дома. Мне нельзя было тратить времени понапрасну, я сказала, что заеду позднее, и направилась к Наташе и Александру Михайловичу. Им я рассказала все. Наташа, как фармацевт, посмотрела рецепты и ужаснулась:

— Как можно такому больному выписывать норсульфазол, да еще в таком количестве — он катастрофически снижает гемоглобин!

Наташа накормила меня обедом, и я отправилась по адресам. Врача-гомеопата Калмыкову я не застала дома. Потом под проливным дождем долго искала дом на Трифоновской улице, где жила близкая знакомая о. Петра. Наконец, я попала к ней. Меня встретила пожилая симпатичная женщина, обо всем расспросила,

посочувствовала, но поехать в Боровск она не могла: ее невестка легла в больницу и она осталась с двумя малышами на руках. Пока шел дождь, мы немного поговорили об о. Петре.

— Уж очень скупой, — сказала моя собеседница.

— Скупой? — удивилась я.

— Конечно. Спит на соломе. Однажды я купила ему две хорошие рубашки, а он меня ругал.

— Разве это скупость? По-моему, этому можно найти другое название.

Но, кажется, она меня не поняла.

Рассчитывать было не на кого, и я отправилась на вокзал продать билет, который предусмотрительно захватила с собой. Сдав билет в кассу вокзала, снова поехала к Егоровым. Борис Аркадьевич на сей раз был дома, он посмотрел рецепты, все одобрил и остался доволен тем, что о. Петра лечит его ученик. Я не удержалась и сказала ему про норсульфазол. Он подумал и вычеркнул это лекарство. Мария Алексеевна на этот раз была доброжелательнее и хотела покормить меня, но я поблагодарила и отказалась.

Ночевала я снова у Тани, а наутро отправилась к Наташе, так как у нее оставались разные покупки, которые я должна была захватить с собой. На Павелецкой я сделала пересадку, и тут произошло происшествие. Несмотря на частые предупреждения диктора "не допускать попадания каблуков куда не следует", я все-таки попала куда-то каблуком и упала. На подогнутой ноге я проехала по эскалатору, к негодованию какой-то женщины, которая спросила меня, как это случилось. Я ничего не могла объяснить. По счастью, на мне были замшевые босоножки с ремешком, на ремне я и проехала по острым краям поперечных железных полосок эскалатора. Придя к Наташе, я разулась и обнаружила две рваные ранки. Наташа покачала головой и сказала:

— Если бы не ремешок, могла бы порвать вены.

Опять кто-то хотел помешать мне поехать к о. Петру. Но все обошлось. Правда, ранки разболелись, но в Боровске мне дали большие валенки, и я всунула в них забинтованную ногу.

Я привезла кое-какие продукты, виноградный сок, необходимую посуду, конфеты, которые прислала о. Петру его сестра, вероятно, его любимые; он с удовольствием сосал их. О. Петр лежал на своем соломенном тюфяке, принимал лекарства, пропи-

санные Эссенцевым, принимал предлагаемую пищу. Я включилась в эту жизнь и делала, что могла: подавала умываться в постель, чай, молоко, готовила на керосинке обед, жарила печенку, по часам давала лекарства.

О. Петр лежал с закрытыми глазами и в очках. Однажды он уронил их под ноги, и они чуть было не оказались раздавленными.

— Разве можно спать в очках? — спросила я.

— Можно, — убежденно сказал о. Петр. — И купаться можно.

Оказывается, он пробовал купаться в очках.

Мы подтрунивали над ним, говоря, что, вероятно, он боится снов не разглядеть без очков. Он улыбался. Но не спал и все слышал.

Возник вопрос, как быть с богослужением? О. Петру, видимо, не хотелось допускать в собор посторонних, и он предложил ходатайствовать о рукоположении в иереи диакона о. Бориса. Члены церковного совета поддержали его кандидатуру. Дьякон написал прошение, церковный совет приготовил ходатайство, о. Петр присовокупил свою подпись, и в Калугу отправились староста и дьякон. Я осталась с о. Петром одна. На помощь пришла Ксения Прокопьевна, женщина очень предприимчивая, вхожая в этот дом. Воспользовавшись отсутствием хозяйки, она привела к больному молодую женщину — врача. Пришла она вечером, так, чтобы никто не знал, очень внимательно осмотрела пациента, довольно долго говорила с ним, прописала какие-то лекарства; некоторые, выписанные Эссенцевым, порекомендовала не принимать. О. Петр предложил ей денег, но она не взяла.

— Вы же пришли ко мне в неуточное время.

— Ну, и что же.

— Ну, тогда простите меня, грешного, — вдруг сказал о. Петр.

Врач в это время стояла к нему спиной. Она некоторое время молчала и потом, не оборачиваясь, тихо произнесла:

— Наверное, мне, грешной, это было полезно.

— Вы знаете, — обратилась она ко мне, — этого человека уважают все: и верующие, и атеисты. Дети здороваются с ним на улице. Мне уже говорили об этом. Даже владыка Онисифор удивлялся:

— Какие у вас вежливые дети, — говорил он, — здороваются со священником. У нас в Калуге не так.

Но дети в Боровске здоровались не просто со священником — они здоровались с о. Петром.

Потом женщины обратили внимание на то, как плохо больному лежать на соломенном тюфяке, который поминутно сползает на пол. И решили в отсутствие хозяйки перевести его в парадную комнату на ту кровать, где спал архиерей. Устроили ему мягкую постель, для чего использовали ватные одеяла. О. Петр не протестовал.

Наутро снова пришли Ксения Прокопьевна и кто-то из церковного совета. Заговорили о том, что сейчас, вероятно, в Калужском соборе совершается литургия и скоро начнется рукоположение о. Бориса. Батюшка оживился и начал воспроизводить весь чин хиротонии. Удивительно, как он все помнил. С каким проникновением он говорил о том, как рукополагаемого обводят вокруг престола, как поют тропари мученикам, как звучит аксиос. Голос его задрожал и слезы полились из глаз. Казалось, что здесь, на одре болезни, он снова пережил свое собственное рукоположение, свое обручение Христу.

Но владыка не стал рукополагать о. Бориса, считая это преждевременным. Он обещал прислать в Боровск другого священника. Делегация вернулась ни с чем.

Хозяйка была очень недовольна перемещением о. Петра. Ворчала, ворчала, но не дала мне спать на соломенном тюфяке, уступив свою кровать на кухне, а в комнате о. Петра улеглась сама.

Температура у больного упала. Ему сделали очередной анализ крови: гемоглобин еще снизился. А профессора все не было, хотя он обещал приехать. Ксения Прокопьевна приходила ежедневно и подолгу сидела. Она говорила, что хорошо бы устроить о. Петра в Ермолинскую больницу, где опытный главврач. О. Петр ничего не имел против больницы.

— Мы с вами видели все, — сказал он мне, — нам не страшна больница.

Но как это было осуществить? А дни моего отпуска проходили. О. Петр говорил мало. Он лежал с закрытыми глазами и казался безучастным. Но все слышал.

Я начала ему делать отчет за апрель и тихо разговаривала с Ксенией Прокопьевной. Времени у нас было достаточно, и говорили мы о многом. Зашел разговор об одном молодом иеромонахе. Я сказала, что трудно молодому, неженатому священнику все время вращаться среди женщин. И вдруг о. Петр открыл глаза и с чувством сказал:

— Очень трудно.

Больше он ничего не прибавил, но приоткрылась завеса, скрывающая от взоров людских тайное человека, открылась большая человеческая трагедия. Казалось, все у о. Петра просто, все ясно и легко. Казалось, загорелся человек священным огнем и горит всю жизнь. А сколько труда, борьбы, самоотречения, сколько преткновений, сколько раз человек горбился и снова выпрямлялся... Все это скрыто в глубинах его сердца. Были времена, когда подвижники уходили в монастыри и пустыни от соблазнов, бегали от мира, чуждались его ради своего спасения. И вот произошло обратное: иные подвижники пришли в мир, в самую его гущу для того, чтобы помочь миру спастись, и здесь незримо совершали свой величайший подвиг отречения от себя во имя спасения других. А было это — "очень трудно". Только вера, безграничная вера вела их тернистым путем. И пришла святость...

О. Петр любил говорить о литургии. В Евхаристии он сосредоточивал весь смысл своей жизни. Когда он вспоминал песнопения и молитвы, произносимые за богослужением, лицо его, и без того пронизанное внутренним светом, становилось еще более просветленным, голос звучал вдохновенно, на глазах сверкали слезы. Почти ежедневное совершение литургии было для него единственным, ради чего еще стоило жить на земле.

— Я за вас всегда молюсь, — сказал мне о. Петр, — за каждой литургией. Ваше имя стояло у меня после имени о. Иеракса. Теперь он умер, и я перенес его имя в другой синодик, а ваше — осталось.

Я поблагодарила его за неизменную память.

Однажды в разговоре мы вспомнили священника Сербского подворья о. Алексея Козлова. О. Петр даже привстал на постели:

— Вот это был батюшка! — с чувством сказал он.

Мне было очень приятно услышать такой отзыв. О. Алексея я очень любила. Это был мой первый духовный отец, чуткий, внимательный, очень скромный. Казалось, ничто земное не касалось его светлого чела. А он тоже прошел через горнила испытаний. Девушка, которую он любил, не захотела разделить с ним его путь священнослужителя, и он пошел в этот путь один. Это был светлый путь служения Богу и людям и скорбный путь бесконечных ссылок. Он переписывался со мной. Я даже посылала ему в ссылку какие-то стихи, а он писал, что эти стихи — одна прелесть, видно,

что писала их близкая душа... Письма его были кроткие, полные поэзии, светлой радости и благодарения Богу. В ссылке он совершал богослужения и вокруг него собиралась молодежь. Собрания их проходили втайне, соблюдалась строгая конспирация. И вдруг один юноша сказал, что если спросят, где он бывает, он скажет всю правду, так как лгать ему не позволит его религиозная совесть. Напрасно ему доказывали, что таким образом он подведет всех — переубедить не могли. О. Алексей поник головой, а потом спросил:

— Когда вы стоите перед Святой Чашей, вы повторяете слова молитвы, произносимой священником?

— Да.

— Вы даете обещание перед Чашей: не бо врагом Твоим Тайну поведу... Значит, вы хотите обмануть Христа?..

Из далекой ссылки дошли до нас эти слова.

Получив назначение на вольное поселение в Семипалатинск, о. Алексей прибыл туда в Рождественский сочельник. Он предполагал, что ему укажут место жительства, и он успеет сходить в баню, а потом — в храм, на Рождественское богослужение. Но вместо этого его вместе с прочими ссылными поместили в камеру. Бедный батюшка был потрясен такой неожиданностью. Вместо освещенного храма и торжественного богослужения — сумрачная камера и голые нары. Он писал, что сначала впал в уныние, недостойное священника, но потом вспомнил: где родился Богомладенец Христос? — В скотских яслях, на соломе... Чувство благодарности переполнило его сердце в эту светлую ночь, и он провел ее в тихой радости.

Для о. Петра о. Алексей был близким и очень понятным. Как кроткий ангел, он шел за ведущим его и умер в ссылке.

Однажды о. Петру сообщили, что бывший староста, с которым они так бурно разошлись, серьезно болен, спрашивали, кого пригласить пособоровать его.

— Вот, я встану, — тогда и пособорую, — сказал о. Петр.

Не знаю, успели ли они пригласить кого-либо из священников, кажется, нет, так как на другой день пришла весть о том, что староста умер. Отпевать его хотели в Роще — пригороде Боровска, имеющем свой храм, где настоятелем был о. Борис Голуб, из цыган. О. Петр не жаловал его. Он благословил пригласить для отпевания о. Павла, которого уважал. Народ тоже не очень почитал о. Бориса. На него было много жалоб из-за его недостаточно

благоговейного служения. Когда архиерей выговаривал ему, он отвечал:

— Не моя вина, что я сижу между Петром и Павлом...

Узнав о смерти бывшего старосты, о. Петр вдруг сказал:

— Ну, уж теперь я не хочу умирать.

— Почему именно теперь? — спросил кто-то.

— Не хочу с ним вместе по мытарствам ходить.

Досадил же ему этот человек...

О. Петр все слабел. С трудом, не без посторонней помощи, он пересаживался на стул, чтобы дать возможность перестелить его постель. Прежде, еще в ссылке, у него был рак кожи. Вылечил его врач-гомеопат. Как воспоминание о болезни, у него остались на коже большие белые пятна. И вот теперь рак проник в кровь...

Все окружающие ругали хозяйку о. Петра. Говорили, что она очень скупа. Всегда приглашает к себе на квартиру духовенство и держит их в загоне. В случае болезни никого не допускает к ним. Поэтому все были рады моему приезду. Должна отдать справедливость: ко мне она относилась очень хорошо. Однажды, вернувшись с базара, она весело сказала мне:

— Чем я сейчас вас угощу! — и налила мне стакан густого теплого молока. Второй она налила себе.

— Спасибо, — сказала я. — Думаю, что батюшка с удовольствием выпьет. Ему полезно. — И отнесла этот стакан о. Петру.

Хозяйка с недовольным видом налила третий стакан — и все мы насладились чудесным молоком.

Я решила расспросить о. Петра, почему он так крепко связал себя с этой женщиной — и работой, и жилищем, хотя, явно, ему было здесь плохо... Он подумал, видимо, готовясь к ответу:

— Видите ли, она честная, она... — в это время вошла хозяйка, так я и не узнала, что хотел сказать батюшка в объяснение своего отношения к ней. Видимо, были какие-то положительные качества, которые превышали все отрицательное, тем более, что о. Петр равнодушно относился к своему благополучию. Он очень многим помогал материально. Я задумывалась о том, что будут здесь делать без него эти люди, но, к сожалению, не имела возможности взять на себя заботу о его пенсионерах.

Приехал племянник о. Петра, сын его брата. Батюшка был ему очень рад. Юноша приехал в Боровск впервые, и ему хотелось посмотреть окрестности города.

О. Петр предложил мне пройтись вместе прогуляться, так как я кроме его комнаты ничего в Боровске не видела. Но мне пришлось время уезжать.

Прощаясь, я сказала:

— Вместо меня к вам придет Вера Яковлевна и все время будет с вами. Близкие не оставят вас.

Благодарная улыбка осветила его лицо. Я поклонилась отцу Петру, попросила прощения во всем, если в чем-либо была виновата когда-либо. Но мы расстались так просто, как будто должны были встретиться снова.

По приезде в Москву я отыскала Веру Яковлевну и рассказала ей о состоянии о. Петра.

— Вам надо ехать, — сказала я.

В Верочке я не ошиблась. Она тут же поехала в Боровск и не покидала батюшку до самой его смерти. И все время писала мне обо всем, что там происходило.

О. Петра удалось положить в Ермолинскую больницу и достать в институте переливания крови эритроцитарную массу. Условия в больнице для него были созданы хорошие. Вначале ему стало как будто лучше. Сделали три вливания, четвертое не понадобилось — началось резкое ухудшение, и в ночь на 2 июля наступила смерть, сопровождавшаяся отеком легких.

Мне очень отраднo было прочитать в письме Верочки от 25 июня такие слова ко мне:

”Вчера о. Петр с большой благодарностью вспоминал вас, ваше пребывание в Боровске и заботу о нем. Он говорил, что Сам Бог послал вас к нему, когда еще никто не знал о его болезни”. Верю, что и там, в ином мире, он не забыл помянуть меня, пришедшую к нему в конце его пути... Пожить в Боровске и послужить ему мне не удалось.

Поехать на похороны я не смогла, так как было время полугодового отчета. Знаю обо всем из писем и рассказов.

Отпевал батюшку о. Никандр с собором священнослужителей. Когда гроб стоял в храме, народ приходил проститься с ним, матери приводили и приносили детей. Провожать о. Петра на кладбище

вышел весь город, остановилось движение автобусов. Гроб несли на руках, часто останавливались, служили литии. Непосвященные спрашивали, что это за процессия, и очень удивлялись, когда им говорили, что хоронят священника. А навстречу двигалась другая процессия из близлежащих сел. И вся эта масса народная провожала на кладбище своего пастыря.

Есть предание, что на Покровском кладбище, близ часовенки, где высится холм над рекой, были похоронены родители преп. Пафнутия Боровского. Там и положили о. Петра. Лучшего места нельзя себе представить для ревнителей Боровской святыни и благоговейного почитателя преподобного. Уснуть в могиле с его родителями — великая честь.

10 августа в Успенском соборе Владимира была совершена заупокойная литургия. Совершалась двойная память по усопшим святителям. В этот день исполнилось 40 дней со дня смерти отца Петра и 6 месяцев со смерти о. Иеракса. Службу совершал о. Андрей К., но казалось, что ему сослужил сонм праведников — такое сильное действие произвела она на молящихся, как будто горний мир соприкоснулся с дольным и оставил таинственно-радостный след.

Святым Духом всяка душа живится
И чистотою возвышается.
Светлеется Тройческим Единством
Священнотайне...

РАСШИРЕНИЕ ПЕЧАТАНИЯ И ВВОЗА БИБЛИЙ ДЛЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Русская православная Церковь получила разрешение на печатание 100.000 экземпляров Библии на русском языке в 1987г. Это самый большой тираж за все 70 лет советской власти, и тем не менее он ни в коей мере не может удовлетворить нужды православных верующих, которых от 30 до 40 миллионов, уж не говоря об остальном населении.

Библейское общество послало в дар Православной Церкви в Грузии бумагу и типографские машины для отпечатания Библии на грузинском языке в размере 10.000 экз.

Христиане-баптисты получили из Германии 10.000 экз. Библии на русском языке.

Советские власти разрешили в будущем году ввоз 100.000 экз. Библии, отпечатанных в Германии, для нужд христиан-баптистов: 98.000 на русском языке, 2.000 на украинском. 1.000 экз. с комментариями для пасторов, и 1.000 экз. Евангелия с комментариями для литургического чтения в церкви.

Баптисты в Молдавии получили разрешение на отпечатание 8.000 Библий на молдавском языке, а также 8.000 молитвенников.

Лютеране в Центральной Азии также получили разрешение на получение из Германии некоторого количества Библий на немецком и русском языках. Книга лютеранских гимнов на немецком языке изготавливается издательским отделом Московской Патриархии.

(по материалам Keston-College)

ОСВЯЩЕНИЕ ЧАСОВНИ КСЕНИИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ НА СМОЛЕНСКОМ КЛАДБИЩЕ В ЛЕНИНГРАДЕ

10 августа 1987г. митрополитом Ленинградским и Новгородским Алексием со многими сослужащими священниками, в день памяти иконы Смоленской Божьей Матери (престольный праздник кладбищенской церкви), на Смоленском кладбище в Ленинграде была освящена часовня на месте захоронения блаженной Ксении Петербургской, широко почитаемой в народе святой подвижницы. После завершения божественной литургии владыка Алексий с духовенством и церковным народом, крестным ходом неся образ Смоленской Божьей Матери, проследовали из храма в часовню, расположенную неподалеку. Молитвою и святой водой владыка Алексий освятил часовню.

Еще в прошлом году часовня имела очень непривлекательный вид. Она была окружена полустгнившим забором с надписью: "Не подходить. Здание в аварийном состоянии". Но за последние несколько месяцев часовня была основательно отремонтирована за счет Церкви при частичном содействии довольно многочисленных добровольных помощников. Ленинградский совет культурно-демократического движения "Эпицентр" организовал ряд субботников, на которых работало несколько десятков человек. Нередко после богослужения в храме к часовне подходили старушки и очень усердно участвовали в ремонте.

Блаженная Ксения (Ксения Григорьевна Петрова), петербургская подвижница XVIII века (жила в елизаветинское и екатерининское время, точные даты рождения и смерти неизвестны), чрезвычайно почитаема в Ленинграде и не только в нем. Началось это почитание давно; по крайней мере в начале XIX века оно уже существовало и никогда не прекращалось и после 1917г. Долгие годы в часовне была скульптурная мастерская, но верующие писали записки к блаженной Ксении на заборе, ставили там свечи, клали цветы и молились. Ее почитание еще более усилилось после ее прославления (канонизации Русской Церковью за рубежом в сентябре 1978г.). День памяти блаженной Ксении Петербургской установлен 24 сентября. Русская православная Церковь также

готовит ее прославление, которое должно состояться на поместном соборе в будущем году, 6-9 июля.

Нынешнее освящение часовни — событие исключительное. Аналогичные примеры нам неизвестны. Еще два года назад мы не могли бы и надеяться на это. Православному народу возвращена его *живая святыня*. Почитание блаженной Ксении Петербургской имеет очень своеобразные черты; православный народ относится к ней с особой теплотой, даже родственностью. Одна из старушек, например, во время освящения со слезами причитала: "Ну, вот, Ксенюшка моя, дождалась".

Людей было много, в церковь на службу войти было невозможно, стояли плотной толпой у входа, — но все же меньше, чем можно было бы ожидать, поскольку о дне этого события и даже о самом факте мало кто знал: у Церкви нет эффективных средств массовой информации. Был солнечный, нежаркий день. Многие свидетели сообщают об атмосфере тишины и благостности, охватившей их при освящении. Никакого слова обращения к народу или проповеди не было произнесено ни владыкой Алексием, ни кем-либо из священства. Внутри самой часовни народ не допустили и после освящения закрыли ее (возможно, потому, что не завершено внутреннее убранство). Присутствовали киножурналисты, они снимали с крыши небольшого автобуса. Еще в период ремонта режиссер и кинооператоры "Леннаучфильма" снимали сюжет о часовне для фильма "1000-летие Крещения Руси".

Дореволюционные источники сообщают о следующей надписи на могильной плите блаженной Ксении: "Во имя Отца и Сына и Святого Духа. На сем месте положено тело рабы Божьей Ксении Григорьевны, жены придворного певчего в ранге полковника Алексея Феодоровича. Осталась после мужа 26-ти лет, странствовала 45 лет, а всего жития 71 год. Звалась именем Андрей Феодорович. Кто меня знал, да помянет душу мою для спасения души своей. Аминь". Сама плита, по некоторым сведениям, находится в Музее истории религии и атеизма в Казанском соборе в Ленинграде. Верно ли это — мы не знаем.

(Из бюллетеня "Гласность", №5)

Свящ. Геннадий ФАСТ

ПИСЬМО М. С. ГОРБАЧЕВУ

Печатается по материалам "Архива Самиздата"
(первая половина 1987?)

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Предлагается ввести дополнение в ст. 52 Конституции СССР: "Церковь и атеистическая пропаганда в СССР отделены от государства".

Наше дополнение: "*и атеистическая пропаганда*".*

Обоснование этого дополнения:

1. Атеизм — явление, противоположное религии. И в этом смысле это *явления одного порядка*. Ни религия, ни атеизм не являются науками. Науки — философия, социология, психология, история и т. д.

Религия — это вера в Бога и сверхъестественное.

Атеизм — это неверие в Бога и сверхъестественное.

Наука — это знания о естественном (законы природы), т. е. никакого научного атеизма, как и научной религии, нет и быть не может. Есть науки — философия религии, философия атеизма, история религии, история атеизма, но сами религия и атеизм — не науки.

Вера и неверие — дело совести, а не наук. Поэтому не должно быть ни государственного атеизма, ни государственной религии, т. к. государство — орудие господства того или иного класса людей. И государственный атеизм, и государственная религия противоречат принципу свободы совести, который утверждается ст. 52 Конституции СССР.

*) 2-ая часть ст. 52: "Церковь в СССР отделена от государства и школа — от церкви".

2. Социализм как общественно-экономическая формация возможен как среди верующих, так и неверующих. Известны некоторые коммунистические принципы (такие, как общность имущества) в первохристианских общинах. Вера и неверие возможны и в других обществах (буржуазных, феодальных и пр.). Значит, не должно быть государственного насаждения ни веры, ни неверия. Такие социалисты, как Томас Мор, были верующие и даже святые (Томас Мор причислен к лику святых в римско-католической Церкви).

3. В СССР нет официальной статистики религиозности населения. Но есть такое оценочное число, что в СССР 30 млн. православных. А если добавить католиков и протестантов, мусульман и буддистов?!

И вот вся эта многомиллионная масса людей находится невольно (не по своей воле!) в оппозиции к государству, в котором атеизм имеет государственный характер. Неужели это в интересах государства?! Какую огромную силу могло бы приобрести государство в лице этих верующих людей, отдели оно от себя атеизм. Верующие не против социально-экономической системы социализма, а против атеизма.

4. Возразят на все это: "В нашей стране нет государственного атеизма". Но это демагогическое утверждение во времена перестройки и гласности вряд ли стоит всерьез обсуждать.

Детсад, школа, ВУЗ, радио, телевидение, пресса осуществляют атеистическую пропаганду. Финансируется все это государством, осуществляется через государственные заведения и аппарат.

Всякий воспитатель, учитель и преподаватель в СССР обязан вести атеистическую пропаганду. Всякий учащийся и студент обязан изучать атеизм.

5. Атеизм должен иметь право на существование в социалистическом обществе как одно из проявлений его свобод. Он должен быть отделен от государства и существовать на равных правах с религией.

Атеистическая пропаганда не должна финансироваться и снабжаться государством. Не должно быть насильственного (обязательного) обучения атеизму. В школах должна быть возможность свободного, факультативного (необязательного) обучения атеизму

и религии. Преподавать атеизм и религию должны представители атеистических и религиозных организаций. Атеистические организации должны образовываться наподобие религиозных, из граждан, добровольно желающих их создать и в них состоять. Содержаться на добровольные пожертвования атеистов. Они должны иметь право разрабатывать устав деятельности и функционирования своих организаций. Государство следит за соблюдением религиозными и атеистическими организациями законодательства о культурах и атеистической пропаганде.

Священник русск. православ. Церкви
Настоятель Успенской церкви
г. Енисейска
ФАСТ Геннадий Генрихович

Адрес: 663130, Красноярский край,
ул. Дударева, 28.

ПИСЬМО МОСКОВСКОГО ХРИСТИАНИНА

**ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВУ ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ
И ВСЕЯ РУСИ ПИМЕНУ**

Ваше Святейшество!

Вы сами, как и все мы, являетесь свидетелем очевидных перемен во внутренней политике государства, благодаря которым то, о чем ранее говорили шепотом, теперь провозглашается с кровель. Только кабинетные мечтатели, выражаясь словами Патриарха Сергия, могут думать, что Церковь может остаться в стороне и укрыться от влияния этих перемен. Это было бы для нее равносильно признанию, что церковная политика, относящаяся к мрачным временам прошлого, является не просто приспособлением, но органическим порождением этих времен.

Так как каждый христианин обязан проявлять посильную заботу о Церкви и ее репутации в мире, то и я, хотя и не принадлежу к клиру, но являюсь давно уже сознательным членом Православной Церкви, дерзаю предложить Вашему вниманию ряд мероприятий, означающих, на мой взгляд, первоначальные и самые необходимые шаги, которые позволили бы церковной политике не отстать слишком от так называемой перестройки, но пойти по возможности с нею в ногу:

1. Договориться с властями о следующем:

а) Вернуть мощи святых из музеев в храмы и открыть Киево-Печерскую Лавру.

б) Выпускать и продавать в киосках при храмах достаточное количество религиозной литературы — Священное Писание, молитвенники, труды святых Отцов.

в) Организовать при храмах школы для обучения Закону Божьему детей христианских семей.

2. Призвать к участию в Соборе 1988 г., посвященном 1000-летию Крещения Руси, представителей всех юрисдикций Русской Православной Церкви, в целях восстановления единства Церкви.

3. В качестве основы отношений Церкви и государства, заменить декларацию митрополита Сергия от 16/29 июля 1927 года, принятую под давлением сталинского аппарата, документом, близким по духу декларации, составленной архиереями нашей Церкви, сосланными на Соловки, о чем сделать уведомление в "Журнале Московской Патриархии"; публикация текста означенного документа.

4. Поставить вопрос о канонизации христиан, ставших жертвой произвола и гонений. Церковь не может забыть того печального факта, что в течение ряда лет ее представители превозносили до обоготворения человека, чьи злоупотребления теперь вскрываются властями. Истина должна восторжествовать в Церкви, ибо открывается Гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою (Рим. 1, 18).

Молю Ваше Святейшество благословить и ускорить проведение в жизнь перечисленных здесь, а также других благих пожеланий.

**Стефан Красовицкий
Москва, 4.7. 1987**

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ "ВЕСТНИКА РХД"

"Вестник" необходим в России! И чем дальше — тем больше. Журнал стал органической частью духовного оживления в России последних двух десятилетий. Его читают и ждут не только в религиозных кругах. Интеллигенция столичных городов зачитывает немногочисленные экземпляры журнала, живо обсуждает его публикации, перепечатывает его материалы. Журнал актуален и своевременен. Но также актуальными оказываются его номера пятнадцатилетней давности. Это говорит о том, что "Вестник" отвечает каким-то глубинным потребностям читающей и думающей публики в России. Все это наводит на мысль высказаться о "Вестнике РХД" более принципиально.

Мы входим в новый период истории России. Основной признак этого ответственного времени — совершающийся в душе нации выбор. Естественно, речь идет не о возможных социальных, экономических или политических реформах, хотя и они могут оказаться неожиданно значительными, — но прежде всего о глубинной духовной переориентации в умонастроении людей. Позади десятилетия кровавых идеологических гонений, прямого уничтожения людей, культуры и жизненного уклада. Прошли годы хрущевских оттепелей и заморозков. И вот уже пройден период брежневской стагнации и консервации всей жизни. За нами — поколения убиенных мучеников, героических борцов, бескомпромиссных защитников наших прав и мудрых наставников наших обязанностей. Силы сопротивления идеологической экспансии в России, при их видимом поражении, выполнили свою жертвенную миссию. В духовном измерении коммунистическая идеология в России потерпела поражение. Ей не удалось окончательно уничтожить здоровый уклад жизни и воспитать нового коммунистического гомункулуса. И хотя болезнь еще не утратила смертельной опасности, налицо симптомы и возможности оздоровления.

Но сам процесс выздоровления скрыт от поверхностного взора, ибо это есть восстановление прежде всего здоровья души, возвращение национального религиозного сознания и исторической памяти. Совершается великое чудо, немислимое в рамках советской

жизни: нация обретает свою личность, возвращает собственное национальное Я. Овладение восстановленной душой России собственным телом — это вопрос будущего, хотя, может быть, и недалекого. Сейчас же мы переживаем период глубинного собирания духовных сил России. И эта точка закладки фундамента будущего стягивает в себе все линии духовного прошлого нашей Родины.

Поэтому именно сейчас совершается историческая оценка сделанного культурными силами России в противостоянии идеологии разрушения и здесь, и в зарубежье. Мы, поколения родившихся в период идеологического угара, сумели восстановить свой человеческий облик и прорваться "из-под глыб" к "живой жизни" русской православной культуры только благодаря самоотверженному подвигу ее верных служителей. И набирая от этого живительного источника собственные силы, мы начинаем понимать грандиозность совершенного подвига: русская христианская культура после падения российской исторической власти не только сумела сохранить сокровища прошлого, но и, вопреки многим соблазнам и собственным ошибкам, совершила удивительный творческий прорыв. Нам есть чем гордиться не только в отдаленном прошлом своей Родины, но и в ее недавнем, и даже в ее сегодняшнем. И наше христианское самосознание укрепляется чувством соучастия в этом великом деле сохранения и подъема удивительной русской религиозной культуры.

Наряду с многими открытиями, сделанными на пути приобщения к русской духовности, особой радостью является встреча с журналом "Вестник РХД". Это — лучший русский журнал, демонстрирующий бережливо-взыскательное отношение к духовным ценностям. Позиция и дух журнала, и даже его судьба — оказываются удивительно близкими нашей судьбе и нашим поискам. Знакомясь с русской зарубежной периодикой и радуясь ее многоцветью, неизменно приходишь к выводу, что "Вестник" по уровню и проблематике находится на острие культурной жизни. Конечно, достигнутый пик культуры предполагает определенную развитость его основания, поэтому и радуется сравнительное обилие русских эмигрантских изданий. Но оценка культурных заслуг различных изданий не исключает и выделения безусловного духовного приоритета "Вестника". Конечно, трудно ждать его всеобщего признания, ибо восхождение на вершину религиозной культуры требует больших трудов. Но найдя в "Вестнике" превосходный уровень, не

обнаруживаешь в нем высокомерия или надменности ложного аристократизма. Благородный тон журнала оказывается соответствующим лучшим традициям русской периодики, в которой "должно показывать заблуждения разума человеческого с благородным жаром, но без злобы" (Н.М. Карамзин).

В целом можно сказать, что "Вестник РХД" выдержал тот высокий творческий и нравственный уровень, который декларирован им в неизменной из номера в номер краткой программе РСХД.

При ближайшем знакомстве с журналом открывается и более широкий контекст единой христианской просветительской и творческой деятельности — работа издательства ИМКА-ПРЕСС. По отношению к издательству в целом можно повторить то же, что сказано о журнале: уже сейчас ясно, что оно сохранило для России и мира лучшие достижения русской словесной культуры XX века. Издательство явилось материальной плотью русского религиозного сознания и его памяти. И значение его для будущего России — огромно. История еще вынесет об этом свой благодарный отзыв.

Вместе с тем, есть основания полагать, что сделанное РСХД и его "Вестником" было только приготовлением к еще более ответственному служению. События в России и в мире сейчас на переломе. Внутри России вызревают новые творческие силы. Русская культура и здесь и в эмиграции входит в новые измерения. Хочется пожелать "Вестнику" не потерять в меняющихся обстоятельствах и ту принципиальность позиции, и то чутье к новому, которые отличали журнал. Т.е. служить вечным ценностям и быть чутким к моменту — одновременно.

На наш взгляд, назрел новый этап самоопределения позиции журнала: стать истинно общерусским журналом, или остаться органом только определенной части русской эмиграции. Существенный шаг в выборе был уже совершен, что и отразилось в изменении названия журнала и добавлении в подзаголовке к Парижу-Нью-Йорку — Москвы. Но время требует еще большей открытости проблемам метрополии, ибо здесь, а "не в диаспорах все и решится".

Внутри же России сейчас положение очень зыбко и неопределенно, что требует повышения активности ответственных духовных сил. Душа России за многие десятилетия окостенения впервые размягчена. И семена будущего в ней сеются сейчас.

Духовное состояние российского народа сейчас во многом хуже, чем когда-либо за годы коммунистической власти. Когда-то еще были сильны "предрассудки" старой религиозной морали,

люди еще не потеряли чувства нравственного стыда и могли сознавать степень своей порочности. Сейчас же осмеивается открыто сам нравственный идеал, все чаще "стыдно" быть честным и порядочным. Вообще степень страшных нравственных и духовных потерь русского народа еще не оценена вполне. Трудовой народ преднамеренно споен и вырождается физически. Интеллигенция теряет последние моральные нормы и живет беспринципным цинизмом обреченных тонуть в болоте. Но, вместе с тем, и вопреки всему засвечиваются все новые точки духовной кристаллизации.

Русская интеллигенция, как кристалл, отражает духовное состояние своего народа. В образованной публике повышается духовный интерес, но нет еще духовного очищения жизни и возрождения творчества. Неофитство сейчас массовое, но многие застревают на периферии христианской религиозности или же отбрасываются центробежными антихристианскими силами. На трудном, разрушенном и поруганном пути к своей Церкви русского человека подстерегает много соблазнов и искушений. Отражая современное состояние, русский христианский журнал должен забегать вперед в разоблачении грядущих фантазмов. Вместе с тем, жизненно важно искать и контуры благого будущего, не боясь здесь творческого дерзания. В век, когда идеи решают все, необходимы новые религиозные идеалы, здоровые духовные ценности, способные очистить душу и увлечь на праведный труд. Заглядываем мы в будущее и пониманием своего прошлого, и для издания, подобного "Вестнику", важны не столько факты прошлого, сколько попытки их богословского и религиозно-философского осмысления.

Вообще же Запад не понимает вовсе, а русская эмиграция недооценивает того основоположного факта, что случившееся с Россией есть прежде всего род духовной болезни народов России и всего мира. И что болезнь эта требует в основном духовного врачевания. Для успешной борьбы с коммунизмом ее нужно вывести в духовные измерения. Накопленный идейный потенциал русского опыта — вот вакцина против коммунизма. Собрать разрозненный опыт в соборный союз христианских ценностей против Духа Мирового Зла, сформулировать его в подвигающие идеи и донести до сознания российских народов, — в этом прежде всего тернистый, но единственно верный путь освобождения от рабства у духов социального небытия. И журналы, подобные "Вестнику", оказываются на самом острие этой мировой брани. Малотиражный "Вестник", а не

многомиллионные московские, лондонские или нью-йоркские журналы выстраивают облик будущего человечества.

Души людей открыты сейчас, как никогда. Такой журнал, как "Вестник", влияя непосредственно, оказывает реальное воздействие на формирование сознания, на выбор судьбы. Приток журналов за последние годы резко уменьшился. Вместе с тем, потенциальных его читателей в России становится все больше. Жизненно важно для всех нас решить проблему резкого увеличения доставки журналов в Россию. Это далеко не редакторская проблема. И "Вестник" должен быть готовым к возможности встречи с массовым внутренним читателем. Все это может показаться сомнительным, настолько жесток сейчас "железный занавес" и замерла всякая активность борьбы с идеологической властью, так самоуверены власть имущие. Но это затишье не должно обманывать. Силы сопротивления, разгромленные на авансцене, уходят вглубь, и в этой глубине совершается принципиальная духовная работа, служащая будущему выздоровлению. "Вестнику" трудно, но необходимо нащупать связь с этими глубинными токами в России. /.../

Ноябрь 1986 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции: Еще о переменах в Советской России — Н. Струве 1

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

Духовные беседы: о молчании, о прощении, о страхе вообще и о страхе Божиим — Прот. Г. Бенигсен (США) 3

Духовный путь — о. Матта Эль-Мескин (Египет) 10

Св. Климент Римский (из лекций по патрологии) — Архим. Киприан Керн 20

Новые издания П. А. Флоренского — М. Хагемайстер (ФРГ) 34

Во что христиане верят — К. С. Льюис 42

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Стихи — Юрий Кублановский 55

Терентий Гранели — поэт мировой скорби (1898-1934) 61

К 25-летию выхода в свет повести "Один день Ивана Денисовича" ♦ Отрывки из советской прессы 72

♦ Об историчности повести А. Солженицына "Один день Ивана Денисовича" (Разбор анонимного читателя) 77

Неразлучная пара (Из неизданной книги "Лад") — В. Белов 91

"Антигона" Валентина Распутина — Д. Шляпентох (США) 97

Литература и публицистика под знаком перестройки — Михаил Назаров (Мюнхен) 104

■ К 150-летию со дня смерти А. С. Пушкина

От редакции — Н. С. 113

Пушкин и Дантес — В. Я. Миклашевский (США) 114

По поводу статьи В. Миклашевского — Н. Артамонова 155

Поэтические отклики на гибель Гумилева
— И. Ф. Мартынов (Израиль) 165

СУДЬБЫ РОССИИ

■ Русские подвижники XIX века

Игуменья Таисия Солонова, настоятельница Леушинского
монастыря — С. Большаков (Швейцария) 191

Юродивая старица Евдокия Родионова — С. Б. 204

Матушка София Петровна Романовская — С. Б. 208

■ Русская Церковь в XX веке

Положение Церкви накануне революции — Письма
еп. Серафима Чичагова В.Т. Георгиевскому 215

Как разрушали Церковь в годы НЭП'а — Очерк жизни
и разорения Георгиевского женского монастыря
— Послушница Евдокия Золотина 221

Как разрушали Церковь в годы коллективизации
— Выдержки из писем сельского священника 229

Исповедники и мученики 30-х годов — Н. Кутер 235

Из жизни Церкви в середине 30-х годов — Письмо
схиэпископа Петра 249

Крестный путь русской иерархии — Из писем протопр.
В. Виноградова владыке Иоанну Шаховскому (1947) 251

Воспоминания об о. Петре Шипкове (1881-1959) — Н. В. Т. 256

Расширение печатания и ввоза библий для СССР 278

Освящение часовни Ксении Петербургской в Ленинграде 279

Письмо М. С. Горбачеву — свящ. Геннадий Фаст 281

Письмо Патриарху Московскому и всея Руси Пимену
— Стефан Красовицкий 284

Письмо в редакцию 286

SOMMAIRE

A nos lecteurs — Nikita Struve 1

THEOLOGIE, PHILOSOPHIE

*Du Silence, du Pardon, de la peur en général et de la crainte
de Dieu* — P. Georges Benigsen 3

Le cheminement spirituel — P. Matta El-Meskin 10

Saint Clément de Rome — Archim. Cyprien Kern 20

P. Paul Florenski : trois nouveaux livres — M. Hagemeister 34

Ce que croient les chrétiens — C. S. Lewis 42

LITTERATURE ET VIE

Poésies — Youri Koublanovski 55

Terence Graneli, *poète de l'affliction universelle (1898-1934)* 61

Pour le 25-e anniversaire de la parution d' « Une journée
d'Ivan Denissovitch » ♦ *Extraits de la presse soviétique* 72

♦ *La valeur historique de la nouvelle « Une journée d'Ivan
Denissovitch » (analyse d'un lecteur anonyme)* 77

Un couple inséparable (Extrait du livre « L'harmonie »)
— V. Belov 91

L'« Antigone » de Valentin Raspoutine — D. Shlapentoh 97

*La littérature et la presse soviétiques sous le signe du
"réaménagement" ("péréstroïka")* — M. Nazarov 104

Pouchkine et Dantès — V. Miklachevski 114

A propos de l'article de V. Miklachevski — N. Artamonova 155

Les poètes et la mort tragique de Nicolas Goumilev — I. Martynov 165

LES DESTINEES DE LA RUSSIE

■ **La sainteté en Russie au XIX siècle**

*Taïssia Solonova, Mère-higoumène du monastère de Léouchino.
Eudoxie Rodionova, folle-en-Christ. Mère Sophie Romanovskaïa* — S. Bolchakov 191

■ **Les vicissitudes de l'Eglise russe au XX siècle**

Situation de l'Eglise à la veille de la révolution — *Lettres de Mgr Séraphim Tchitchagov à V. T. Gueorguievski* 215

Destruction de l'Eglise à l'heure de la NEP — *Prospérité et déclin du monastère St Georges* — Novice Eudoxie Zolotina 221

Destruction de l'Eglise et collectivisation — *Extraits de lettres d'un prêtre de campagne* 229

Témoins de la foi et martyrs des années 30 — N. Kiter 235

La vie de l'Eglise russe dans les années 35 — *Lettre de Mgr Pierre* 249

Le calvaire de l'épiscopat russe — *Extraits des lettres du P. V. Vinogradov à Mgr Jean Shakhovskoi (1947)* 251

Le Père Pierre Chipkov — N. V. T. 256

L' URSS autorise l'importation de Bibles éditées en Occident 278

La bénédiction de la chapelle dédiée à Ste Xénia de Pétersbourg 279

Lettre à M. Gorbatchev — P. Guennadi Fast 281

Lettre au Patriarche Pimène — Stéphane Krassovitski (Moscou) 284

Lettre à l'éditeur 286

☆ **НОВИНКА** ☆ **НОВИНКА** ☆ **НОВИНКА** ☆ **НОВИНКА** ☆ **НОВИНКА** ☆

Издательство « YMCA — PRESS »
11 rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН

КРАСНОЕ КОЛЕСО — УЗЕЛ III

ВЫХОДИТ В СВЕТ

МАРТ СЕМНАДЦАТОГО
том 3 (752 стр.)

В мягкой обложке : 160.- фр.

Малый формат в переплете : 180.- фр.

Большой формат в переплете, только по подписке :
«МАРТ СЕМНАДЦАТОГО» — все четыре тома
Цена : 760.- фр.

Напоминаем : **РАСКОЛО ХРИСТИАНСКОЕ**

Том 1. — 720 стр. — 160.- фр.
малый формат — 180.- фр.

Том 2. — 760 стр. — 160.- фр.
малый формат — 180.- фр.

☆ **НОВИНКА** ☆ **НОВИНКА** ☆ **НОВИНКА** ☆ **НОВИНКА** ☆ **НОВИНКА** ☆

ВЕСТНИК

147

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

(II-1986)

От редакции. Правдобожь — Н. Струве .....

БОГОСЛОВИЕ И ФИЛОСОФИЯ

- Молитва Господня — Прот. Георгий Беннгсен .....
- Палама (проповедь) — Свщ. В. Ланковский (СССР)
- Православная точка зрения на единство христиан — Архим. Плакида Десей .....
- Христос в Ветхом Завете — О. Матта эль-Мескин
- П.А. Флоренский (Опыт характеристики его личности и творчества) — Б.С. Белов (СССР) .....
- Фра Иероним Савонарола (окончание) — Архим. Амвросий Погодин .....

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

- Список — Ираб Кривановский
- Глава 252 из "Марта Семнадцатого" (Узел III) — А. Сатыващын

- Полное богословие Мартина Цаставей — Виктор Аксиома (СССР)
- Полужурнал — Н.М.
- Последнее письмо Марии Цаставей

Символика чисел в романе Замятина "Мы" — Н. Струве

Две тени: Блок и Гумилев
О Максимилиане Волошине — Ю. Ракитин .....

Памяти Р. Плетнева и Ю. Иваска .....

СУДЬБЫ РОССИИ

Жизнеописание иеромонаха Яранского Пророческого монастыря отца Матфея (1858-1927) — Игумен Ноагад

■ К 300-летию Московской Духовной Академии
Отчет о состоянии Моск. Дух. Акад. за 1919/20 и 1920/21 гг.

Письма архиепископа Варшавского Присоединского (Кривошеина) 1900-1953 — Прот. Борис Бобровский
На воспоминаний архиеп. Виславя о Соборе 1971 г.

■ Из истории эмиграции
Письма прочтаны в Мадрид в 1920 — П. Паллау

■ В порядке документов
К старинной христианской — Дмитрий Шапов

ВЕСТНИК

148

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

(III-1986)

От редакции. На кочке — Н. Струве .....

БОГОСЛОВИЕ И ФИЛОСОФИЯ

- О молитве — Архим. Софроний (Сахаров) .....
- О таинстве исповеди — Прот. Георгий Беннгсен
- Христианство на Западе
- СЕРЕН КИРКЕГОР (1813-1855)
- Серен Киркегор в русской литературе — Л. Чертов
- Отрывки из дневника 1847 г. — С. Киркегор .....
- Киркегор — Н. Егоров

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

- Стихи — Елена Пудовкина (Ленинград) .....
- Исаак Розовский
- Глава 212 из "Марта Семнадцатого" (Узел III) — А. Сатыващын
- Два "акмента", К истории поэтической дискуссии о творчестве Фра Беато Анжелико — И.Ф. Матвеев
- В. Холосевич и В. Набоков — Н. Струве
- По поводу статьи о "Вольфиле" — В.Я. Микшицкий

СУДЬБЫ РОССИИ

- ПИИКА (Журнал в журнале)
- От редакции —
- Символика — о. Павел Кривошеинский

■ Свидетельство жизнью

О двух подвижниках — Из письма архим. Иакова
Анзерское чудо
Отец Сергей

■ Пастырство

О малом добродетели — И. ....
Из проповеди — архим. Таирин Батозский .....

■ Из забытого

Указ 1919 года
Ложь — С. Зарин, Г. Прохоров (1905 г.) .....

■ Летописьная

Письма из книги "Семьдесят лет истории советской христианской миссии" — П.И. Федотов
Богородица, величавая и добродетельная — А. Бутков

■ Религия

Тринадцатый в Шероке П. Золотарев — В. Яковлев
"Бесед" № 2 — Б. Мезин

■ Преложения веры в СССР

Христианство Петра Злата в эмиграции
Символика
Помогите Падре Лувелю
Проговор о. Польмару Руссу
Крестный путь Алексавды Григорьевны

LE MESSAGE — VESTNIK c/o A. C. E. R.
91 rue Olivier de Serres, 75015 Paris, France.

ПОДПИСКА НА 1987 ГОД

фамилия :
адрес :

Прошу прислать мне список старых номеров "ВЕСТНИКА РХД"

Прошу подписать меня на "ВЕСТНИК РХД" 1987 :

с пересылкой обыкновенной почтой (Sea Mail) (цена : фр. фр. 240.-)
 воздушной почтой (AIR MAIL) (цена : фр. фр. 300.-)

Прилагаю чек в .....
(на имя «LE MESSAGE»)

дата :
подпись :

ВЕСТНИК
РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

Распространяйте ВЕСТНИК

*Среди Друзей
Студентов!
Славистов •*

Прошу послать рекламу о ВЕСТНИКЕ РХД

по следующим адресам:

фамилия: .....

адрес: .....

фамилия: .....

адрес: .....

фамилия: .....

адрес: .....

ACHEVÉ D'IMPRIMER
LE 22 OCTOBRE 1987
PAR L'IMPRIMERIE
DE LA MANUTENTION
A MAYENNE
N°99-87

ВЕСТНИК

И з д а н и е
"Русского Студенческого Христианского Движения"

ПРЕДСТАВИТЕЛИ "ВЕСТНИКА"

В Америке — East :

Mrs Elisabeth Dorman, 321 Varick St., Jersey City, N.J. 07302, USA.

— West :

Mrs Olga Hughes-Raevsky, P.O. Box 1207, Berkeley Ca 94701, USA.

В Канаде :

«Parish News», 1175 A rue de Champlain, Montreal P.Q. H2L 2R7.

В Англии :

«Aid to the Russian Church» (Miss Ellis), Schoolhouse,
Heathfield Rd, Keston, Kent.

Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к русской православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа.
